

Сергей КУЗИЧКИН

МИР ИЗ ОКНА

*Эссе, были, лирические рассказы
и повести для детей и взрослых*

Красноярск 2017

ББК 84Р (2РОС=РУС)
К89

Библиотека «Нового Енисейского литератора»
Автор проекта и редактор-составитель — Сергей Кузичкин
Литературный редактор — Андрей Леонтьев

Тел. редактора: 296-38-93, 8-905-976-38-93
Адрес для корреспонденции: 660048, Красноярск, ул. Калинина, 12-523
E-mail: sergkuz58@mail.ru

Корректурa и вёрстка: *Леонтьев А.*
Рисунок на лицевой стороне обложки: *Грешилов А.*
Рисунок на 4-й странице обложки: *Муравьёв Т.*

Кузичкин С. Н.

К89 Мир из окна : Эссе, были, лирические рассказы для детей и взрослых.— Красноярск : Город, 2017.— 220 с.

ISBN 978-5-9908224-6-7

Сергей Николаевич Кузичкин родился в Тайшете Иркутской области. Окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. Печатался в коллективных сборниках столичных издательств «Детская литература», «Литературная Россия», сборниках красноярских писателей, литературных альманахах и журналах России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Венгрии, Норвегии, Канады. Лауреат конкурсов детско-юношеской литературы «Золотой листопад» (Иркутск) в 2008 и 2010 годах, дипломант международного конкурса имени А. Н. Толстого (Москва) в 2009 году. Автор нескольких книг прозы и сборника стихов. С августа 2006 года — автор проекта и редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор» и журнала для детей школьного возраста «Енисейка». Член Союза писателей России. Живёт в Красноярске.

ББК 84Р (2Рос=Рус)

Автор выражает благодарность писателям Галине Боганеко (Москва) и Олегу Кубинскому (Екатеринбург), принявшим участие в продвижении книги от задумки к выходу в свет.

ISBN 978-5-9908224-6-7

© Кузичкин С. Н., 2016
© Сакова Р. Т., вступительная статья, 2016
© Бушуева М. С., вступительная статья, 2016

Авторский монолог души

Известно, что любой рассказ писателя, любое его стихотворение — это авторская биография, авторский монолог и, конечно, проявление авторской души. Без этого нет писателя. Величина души определяет величину масштабности произведения.

Поэтому в прозе Сергея Кузичкина мне нравится всегда победа добра. Если зло себя само не наказывает, то автор нам даёт понять, что оно будет непродолжительно.

А ещё мне очень нравится лирический герой Сергея Кузичкина. Меня поразила небольшой рассказ «Мир из окна», где мальчик для маленькой девочки вытащил собачку из-под колёс поезда и оказался искалеченным. Подобные сюжеты, конечно, можно найти в мировой литературе, но меня поразила финал этой истории: мальчик ни о чём не жалеет и, умирая, думает о том, что как хорошо, что он спас собачку и порадовал девочку.

Эта доброта в рассказах писателя — это, на мой взгляд, выражение национального менталитета и выражение доброты автора к окружающему миру. Читая произведения С. Кузичкина, начинаешь понимать, что в его лице ты обретаешь друга. Этот человек может быть твоим другом. И неудивительно, что Сергей смог создать такой альманах, как «Новый Енисейский литератор», редактирует его вот уже десять лет, и его всегда окружает много друзей, и он находит интересных, как и он сам, людей.

*Раиса САКОВА,
литературный критик,
член Союза писателей России,
кандидат филологических наук,
Красноярск*

История для семейного чтения

При всём моём уважении к таланту Владимира Набокова не могу не заметить, что после «Лолиты» в литературу с его вершины обрушился бурный и мутный поток любви к пороку. Доброе и вечное хоть и не гибнет среди «цветов зла», но и не возвышается над их чёрной, зловещей красотой. Потому не могу не отметить рассказ (или маленькую повесть) Сергея Кузичкина «Моя Вероника» в третьем номере журнала для семейного чтения «День и ночь» за 2015 год, как некую альтернативу «Лолите» — не для эстетов, конечно, ценящих прежде всего виртуозность формальных изысков, но для всех тех читателей, для которых, говоря словами Анатолия Кима, «сущность божественных творений» постигается исключительно «благодаря наличию в душе этой силы — доброты». Написанная простым, искренним языком, трогательная история удочерения девочки и создания для ребёнка полноценной семьи, где будут теперь и папа, и мама, рассказанная от лица молодого мужчины, который сам прошёл через детский дом, вызывает те добрые чувства, которых ныне в «большой литературе» как бы принято избегать. Сюжет таков: герой едет в Сибирь; на вокзале незнакомого ему города к нему внезапно подбегает маленькая плачущая девочка, которая узнаёт в нём... отца. Как потом выясняется, она сирота, её родители, археологи, погибли...

История действительно для семейного чтения. И хотя литература не должна быть «учебником жизни», поскольку искусство — это территория, создающая из деталей реальности свою особую реальность и не должна подчиняться законам социума, но если так получается, что литература учит доброте, это всё-таки радостно.

*Мария БУШУЕВА,
прозаик, литературовед, Москва*

ЗВОНКИ ИЗ ДЕТСТВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Торопясь, а кто и в спешке, мы покинули однажды страну Детства, не заметив, когда и как пересекли невидимую границу, и, уже отбежав или отойдя на приличное расстояние, вдруг заметили, что забыли там, не взяли с собой что-то очень важное и нужное: то ли волшебную палочку, то ли ковёр-самолёт, то ли клубок, разматывающаяся нить которого укажет нам безошибочный жизненный путь. И оборачиваемся мы порой назад, и ищем дорожку-тропинку, по которой можно было бы хоть ненадолго, хоть на часок или даже на минутку вернуться в детство. Но «в детство нить оборвалась»... и только память порой связывает нас с детскими годами нашими и заставляет кого задуматься, а кого умилиться над тем или иным эпизодом из детства.

Хотим мы или нет, а детские годы через память нашу, колебания души, через внезапно пришедшую мысль живут рядом с нами, давно уже или только вчера вступившими в жизнь взрослых. Они отправляют нам импульсы по невидимому коридору оттуда, издалека, куда нам уже не вернуться и ничего не поправить. Они преследуют нас искринками, вспыхнувшими в памяти, едва слышными звоночками — напоминаниями, что все мы «родом из детства».

Искринки и звоночки, застигнув нас внезапно, растеребят, бывает, душу, и взрослый человек, будь ему тридцать или семьдесят пять, не просто предаётся воспоминаниям, не просто возвращается мысленно, а (вдумайтесь

в это слово) ВПАДАЕТ в детство. Звонки из детства заставляют человека вновь пережить далёкие годы, вспомнить всё хорошее и золотое, что было.

Это они, звонки из детства, заставляют вновь взяться за несколько раз уже перечитанные книги из наших школьных лет и по-новому прочесть их и переосмыслить.

Это они, звонки из детства, заставляют человека взяться за перо и написать воспоминание, рассказ, стихотворение.

Звонки из детства.

Это они подтолкнули нескольких авторов из Красноярска и других городов и сёл края к изданию альманаха для детей школьного возраста, и в 2009 году, в начале учебного года, альманах с мальчиком в лодочке на обложке, названным Енисейкой, с рассказами и стихами современных авторов, дополненный произведениями классиков, вышел (а скорее — выплыл) в свет.

Это они, звонки из детства, заставили меня, уже вроде бы отошедшего далеко от детства и написавшего несколько взрослых книжек, вновь остановиться, оглянуться назад и сделать то, что не доделал когда-то и должен был обязательно сделать.

БИРЮСИНСКИЕ ДАЛИ, ЕНИСЕЙСКИЕ ЗОРИ...

Я родился в небольшом сибирском городке Тайшете. Если точнее, то в городке Иркутской области и Восточной Сибири, что стоит недалеко от таёжной речки Бирюсы.

Там, где речка, речка Бирюса
Ломая лёд, шумит, поёт на голоса...

Городок был известен построенным в середине тридцатых годов двадцатого века шпалопропиточным заводом и послевоенными лагерями, а одноимённая узловая станция, пожалуй, самая разветвлённая на всей Восточно-Сибирской железной дороге, прославилась на всю страну в шестидесятых, во время строительства трассы Абакан — Тайшет, а потом, в семидесятых, — ещё раз, с открытием строительства другой грандиозной стройки — Байкало-Амурской магистрали, когда побежали через неё пассажирские и грузовые составы с транспарантами на вагонах: «Даёшь БАМ!»

До перестройки городок развивался, и население его прибывало. Завод по ремонту дорожно-строительных машин, шпалопропиточный завод, экспериментальный комбинат домостроения — всё жило и дышало. Жил и дышал в такт времени и город Тайшет. Шумел автомобилями на улицах, смеялся громким детским смехом на аттракционах в парке, звенел мячами на стадионе. В городской газете «Заря коммунизма» печатали стихи и рассказы местных авторов, и первого января 1980 года появился в выпуске литературного клуба «Бирюса» и мой первый осознанный рассказ.

После перестройки закрылись заводы, опустел парк, реже стали ходить люди на стадион, но город продолжает жить, продолжают бегать через станцию на все четыре стороны света поезда: на запад — в Новосибирск и столицу, на восток —

в Иркутск и до Тихого океана, на север — в Усть-Кут и Северобайкальск, на юг — до Абакана и Междуреченска.

В городе моего детства живёт немало моих друзей и родственников, и когда случается приехать туда, я долго обхожу всех. Порой на визиты не хватает трёх дней. Каюсь, я бываю нечасто в родном городке.

Дальняя песня в нашей судьбе,
Ласковый город, спасибо тебе.
Мы не приедем, напрасно не жди,
Есть на планете другие пути.

Последние два десятка лет мои пути-дороги проходят через другой город Сибири, что стоит на великой реке Енисей. Имя ему — Красноярск. Город, в котором складывалась моя литературная судьба, где появились на свет альманахи «Новый Енисейский литератор» и «Енисейка». Город, где проходят презентации, литературные встречи и фестивали, целиком захватил меня, и я лечу вместе с ним и всей планетой через время к Вечности, порой забывая о городе родном. Каюсь, каюсь, каюсь...

Но живут и живут во мне два сибирских города, две сибирские реки. Об одном я вспоминаю и вижу его во сне, в другом существую и почти каждый день совершаю великое путешествие из Западной Сибири в Восточную и обратно — пересекая Енисей по одному из четырёх красноярских мостов. Правый берег — Восточная Сибирь, левый — уже Западная.

Тайшет, Бирюса, Енисей, левый и правый берега Красноярска — вот мои основные точки на литературной карте России.

Правда, были в жизни ещё и Москва, и Литературный институт имени А. М. Горького, и газета «Московский железнодорожник», сыгравшие в моей судьбе свои значительные роли.

Но о них — уже другое эссе...

РАДУГА

Отстучав последними капельками по стеклу, дождь кончается. Над нами снова залитое солнцем небо, и в воздухе пахнет парным молоком.

— Смотрите, ребята, радуга! Радуга! — заметив первым, кричит кто-то из нас.

— Где?

— А вон, над горой. Бежим скорее, бежим!

Мы бежим вдоль единственной деревенской улицы, босые, прямо по свежим тёплым лужам, перепрыгивая через канавы.

— Скорее, скорее!

— Эй, сорванцы! Помногу не берите: один кусочек — и ладно! — кричит нам вслед старый дед Макар.

А мы уже мчим по огородам, по лугу, не обращая внимания на то, что мокрая трава режет ноги, по кустарнику, где ветки безжалостно хлещут по лицу.

— Ра-а-аду-уга-а!

Карабкаемся по склону крутой горы: кто первый, кто первый!

И вот наконец-то достигаем вершины. Ура!

Но...

Радуги нет. Она исчезла. Отсыяв, упала где-то за лесом.

— Теперь она превратилась в цветы, — с досадой говорит кто-то.

Расстроенные, мы молча глядим на нашу родную деревеньку, кажущуюся с горы игрушечной, а потом спускаемся вниз.

Дед Макар, как всегда, на своём неизменном месте — на скамейке у палисадника.

— Ну как, опять запоздали? — спрашивает он, однако в его голосе слышится надежда.

— Опять,— грустно отвечаем мы, рассаживаясь вокруг старика.

— Да... Не каждому в жизни удаётся добежать до своей радуги,— рассуждает дед вслух.— Из всей нашей деревни мне только это и удалось.

— Расскажи, дедушка, расскажи! — просим мы, хотя сами уже не раз слышали эту историю от Макара.

— Давненько это было,— начинает в сотый, наверное, уже раз старик.— Годков тогда мне было столько, сколько теперь вам,

Рисунок Т. Муравьева

а потому многое запомнил. Помню только: подбежал я к радуге, а она уже рассыпается... Падают вниз разноцветные камушки — красные, жёлтые, зелёные... Где упадут они — там цветы прорастают. Красный камешек упадёт — красный цветочек прорастёт, жёлтый упадёт — жёлтый цветок, упадёт зелёный — изумрудного цвета лепестки из земли к солнцу тянутся... Помню, поймал я один камушек прямо на лету — махонький такой, зажал его в кулачок и побежал в соседнюю деревню к деду Ермолаю.

— А зачем, дедушка?

— У Ермолая того тоже был такой камушек, а если соединить воедино камушки от двух разных радуг, то разом вспыхнет одна волшебная радуга, а под её куполом поднимется город — светлый, солнечный, зелёный... С фонтанами и золотыми рыбками, с певчими птицами и разными диковинными зверушками.

— Дедушка, а по волшебной радуге можно на санках кататься?

— Можно, ребяташки, можно: и на санках можно, и на лыжах, — соглашается дед и продолжает рассказ: — А кто войдёт в тот город, у того никогда не будет горя, потому что люди там добрые, а злых нет совсем.

— Дедушка, а что ты туда не вошёл-то?

— И-эх! — вздыхает Макар. — Не застал я деда Ермолая: третьего дня он помер, и его уже схоронили. И где теперь этот камушек, никто не знает.

— А твой где, дедушка?

— А мой хранится у меня в моей чёрной сумке, в той самой, с которой я хожу пасти скотину, крепко-накрепко застёгнутой...

— Покажи, дедушка, покажи! — наперебой просим мы. Но старик неумолим:

— Нет, ребяташки, показать камушек я вам не могу. Вы ведь и потрогать его захотите. А вдруг кто нечаянно обронит,

Рисунок Е. Стерлиговой

тогда как? Превратится камушек в цветок, а другой когда поймаешь?

До самой темноты сидим мы возле деда Макара, а потом нехотя расходимся по домам. Ночью, конечно же, нам снятся и цветной дождь, и волшебный город, и повисшая коромыслом радуга. А утром мы с нетерпением смотрим в небо и снова ждём тёплого летнего дождя.

С тех пор прошло много лет. Много изменилось в родной деревне: сиротливо теперь стоят на окраине заброшенные, всеми позабытые дома, а вместо запряжённых в хомуты и оглобли лошадок проходят по деревенской улице, разбивая дорогу, большегрузные автомобили. Опустела и скамейка, на которой так любил сидеть дед Макар. Вместе с дедом ушла в могилу и его таинственная чёрная сумка.

Но, как и прежде, приезжая ненадолго в деревню, я вижу, как немногие теперь деревенские мальчишки, увидев над горой радугу, с радостными криками бегут к ней. И попробуйте их остановить, попробуйте объяснить им, что это лишь мираж — игра дождя и солнца. Они не поверят вам. Они ведь дети. А дети всегда правы.

«СЛАВКА + ...»

1.

А вот и Славкин дом. Старый, деревянный, двухэтажный, давно списанный на слом, он стоит и по сей день, со всех сторон зажатый панельными пятиэтажками. Я не сразу отыскал его среди этих построенных по новому проекту домов. Когда-то здесь деревянной улицей заканчивался город. Улица так и называлась — Окраинная. А сразу за ней километра на два-три, до самого озера, тянулось картофельное поле. Теперь же пяти-, девяти- и даже двенадцатиэтажные дома подступили к самому озеру, и одна из улиц называется Озёрной.

Да, за последние лет пять заметно изменился город моего детства.

Я потянул на себя ручку подъездной двери, и мне навстречу выскочила облезлая вислоухая собака. Испугавшись, она прижалась к стене дома и жалобно посмотрела на меня. Рассохшаяся, с тугой пружиной дверь пронзительно закрипела, из коридора пахнуло сыростью и холодком — тем самым запахом давно не крашенных деревянных лестниц и перил, который я впервые вдохнул ещё в детстве и привкус которого памятен мне с тех пор, когда я первый раз пришёл сюда. С той поры здесь, кажется, ничего не изменилось.

Все двери были так же обиты тёмным обшарпанным дерматином, а на двери квартиры с номером «три» цифра всё ещё была перевёрнута и обозначала, как и тогда, букву «Е»; на перилах красовались всё те же надписи, за исключением двух-трёх новых, а у порога лежали, похоже, те же самые коврики и половички, и даже внутреннее стекло

на окне между первым и вторым этажами, как и тогда, отсутствовало. Вот уж воистину место, где время остановило свой ход!

Поднявшись по крутым деревянным ступенькам на второй этаж, я остановился напротив квартиры с номером «шесть». Рука потянулась к кнопке звонка, но что-то меня остановило. С минуту я постоял в нерешительности. И вдруг вспомнил о надписи. О той самой, которую, крадучись, накарябал много лет назад. Прикрыв ладонью звонок, я стал внимательно осматривать стену. Сердце забилося учащённо, когда в полуметре ниже звонка мне удалось разглядеть едва различимые буквы, нацарапанные мною ключом от английского замка. Видимо, не раз покрывавшаяся после очередной побелки новым слоем извести, надпись эта была теперь почти незаметна, и лишь при тщательном осмотре можно было прочесть: «Славка + ...».

2.

Славка пришёл к нам с группой новичков, когда мы учились в пятом классе. А в седьмом... В седьмом он перешёл в другую школу. И произошло это из-за меня...

Наверное, о том случае на озере в школе всё равно бы узнали, но я никак не могу простить себе, что рассказал Юрке. Вернуть бы тот день...

В то время мы с Юркой ни с кем из одноклассников особой дружбы не вели. У нас с ним были свои, соседские (мы жили в одном доме) тайны, в которые мы не посвящали никого.

Однако Славка выделялся. Выделялся тем, что учился лучше других, всегда был собран и внимателен на уроках, стихи читал с выражением, да так, что класс во время его

чтения замирал, а на глазах уже не молодой учительницы Валентины Александровны выступали слёзы. Нечто подобное происходило на уроках математики, где Славка без запинок доказывал теоремы: по выражению Юрки, «щёлкал» их, как орешки.

Но главное, наверное, было в том, что Славка никогда не улыбался. Во всяком случае, ни я, ни Юрка, ни кто-либо другой не видели его смеющимся. Даже когда на уроках возникали такие ситуации, что весь класс буквально падал от смеха, Славкино лицо оставалось невозмутимым. Но запомнился он мне не только тем, что как-то не по-детски воспринимал мир, но ещё, пожалуй, и потому, что никогда не ходил в буфет. Он носил в портфеле аккуратно завернутый в газетку намазанный маргарином хлеб и несколько кусочков быстрорастворимого сахара. Он хрустел сахаром на большой перемене, жевал хлеб и запивал водой прямо из-под крана. В классе говорили разное, но на эти разговоры Славка не обращал внимания.

Завязка же этой истории началась во время летних каникул, августовским днём, когда мы играли футбольный матч с украинскими. К финальному свистку мы проигрывали безнадежно: ноль — пять.

Славка в этом матче забил в ворота, защищаемые Юркой, два красавца-гола под самую перекладину, и сразу после матча Юрка бросился доказывать украинским, что игра кончилась раньше времени на пять минут, которые необходимо доиграть, и что один из мячей они забили из офсайда. Из чувства обиды и негодования мы были солидарны с Юркой, но так измотаны игрой, что больше не имели ни малейшего желания бегать за мячом и потому молчали. Юрка, однако, не сдавался, и хотя он понимал,

что все уверения бесполезны, но решил всё же поспорить — уже со Славкой — о том, что отразит все пробитые им одиннадцатиметровые удары или хотя бы три из пяти. На удивление, Славка согласился сразу, и Юрка, отсчитав одиннадцать широченных шагов, провёл ногой жирную черту на песке и затем занял место в воротах. Мы вместе с окраинскими расселись вдоль штрафной площадки. Самый первый удар пришёлся в штангу. У Юрки загорелись было глаза, но остальные четыре Славка невозмутимо вколотил в сетку и под одобрительный возглас окраинских спокойно удалился. Юрка же, присев в воротах прямо на мяч, сдвинул кепку на глаза и, растопырив пальцы больших перчаток, заплакал...

С того дня он затаил обиду на Славку. Эта обида за друга, за проигранный матч постепенно передалась и мне, и мы с Юркой почти ежедневно старались чем-нибудь досадить Славке. Увидев его как-то после уроков с Ирккой Петровой, мы тут же бросились писать: «Славка + Ирка», «Андреев + Петрова». Подобные надписи вскоре стали появляться в школе на классных досках, а также на дверях подъездов, на вагонах товарных поездов и на бортах грузовых автомобилей. Надо сказать, что «труды» наши возымели действие, и однажды после уроков, когда Славка попытался взять Иркин портфель, та резко выхватила его и пошла в другую сторону.

Мы на этом не остановились, и вскоре наши «художества» стали порхать в виде бумажных самолётиков не только по классу, но и по всем трём этажам школы.

Наша классная руководительница — историчка Нина Ивановна — очевидно, догадывалась о том, что происходит в классе. Во всяком случае, она частенько пыталась

установить между мной, Юркой и Славкой если не дружеский, то обоюдозаинтересованный контакт. Нередко на уроке она прерывала Славкин ответ и просила меня или Юрку продолжить начатый Славкой рассказ. А когда однажды Славка не пришёл в школу, а Юрка попался ей, как говорится, с поличным, рисуя на доске во время перемены уже упомянутую формулу, то она попросила нас остаться после занятий для беседы.

Беседа, в ходе которой говорила в основном наша «классная», а мы с Юркой лишь изредка кивали, длилась часа полтора. Наконец, видимо, устав «читать мораль», Нина Ивановна тяжело вдохнула и сказала Юрке:

— Можешь идти.

— А я? — сделав кислую физиономию, спросил я.

— А ты сходи, пожалуйста, домой к Славе Андрееву, — попросила она, когда Юрка вышел из класса, — узнай, что с ним, почему он не был в школе. Только я попрошу: ни слова об этом Юре, хорошо?

Я пожал плечами:

— Хорошо.

Юрка поджидал меня в коридоре — ему страсть как хотелось узнать, о чём я говорил с «Ниной» наедине. Я сказал, что учительница попросила меня написать заметку в школьную стенгазету. Это было похоже на правду, и Юрка отстал. Проводив приятеля почти до самого дома, я вышел к автобусной остановке и через несколько минут уже ехал на Украинную улицу.

Вот тогда-то я и пришёл впервые к этому дому, вошёл в этот подъезд и, поднявшись на второй этаж, позвонил в квартиру номер шесть. Шагов за дверью не было слышно, тогда я позвонил ещё раз и, убедившись в том, что дома

никого нет, с чувством исполненного долга собрался было идти обратно, как вдруг меня осенила мысль. Убедившись в том, что в подъезде, кроме меня, никого нет, я второпях вывел на стене: «Славка +...».

Дальше написать не успел, ибо едва я поставил плюс, как соседняя дверь резко распахнулась, и на площадку вышел изрядно подвыпивший дядя, лохматый и в майке.

— О-о,— протянул он мне руку,— приветствую, молодой человек... Ты-то из этой... из больницы, ч-что ли?..

— Н-нет,— замотал я испуганно головой, пряча в карман пальто ключ, которым карябал по стенке.

— А С-Славка?..

— А что Славка?

— Н-ну, он же там. В б-больнице этой... П-простудился, пока в-вытаскивал д-девчонку эту...

— Ну чё ты мелешь? Чё мелешь? — послышалось за его спиной, и на пороге показалась полная женщина с сумкой в руке.— Никакую не девчонку, а мальчика, мальчика он вчера из проруби вытащил. А ты, наверное, из школы? — спросила она меня.

Я кивнул.

— В больнице он, милый, в больнице сейчас. Вчера они гоняли по озеру шайбу, и какой-то карапуз упал в прорубь, а Славка — он же такой, не смотри, что тихоня,— полез его доставать. Достать-то достал, да сам провалился. Как назло, взрослых вокруг никого. А подростки — что с них возьмёшь? Сами перепугались... Помочь некому... не знаю, я не видела, но говорят — он сам выкарабкался и домой хотел было обледеневший бежать, да тут скорая подъехала, вызвал, видать, кто-то... ну и увезли его. А ты узнать пришёл?

— Да, его на уроках сегодня не было.

— Молодец, сразу видно — настоящий пионер и друг, наверное, хороший.

Последние слова женщины привели меня в смущение, и я, быстро попрощавшись, выскочил из подъезда.

Я решил навестить Славку и отправился в районную больницу. Мне очень хотелось побыстрее увидеть его и расспросить поподробнее о том, что же всё-таки произошло на озере. Вот ведь как получается: Славка-то — настоящий герой! Человека спас. Об этом можно будет написать заметку в школьную газету или даже в «Пионерскую правду». Можно сделать фотографию Славки и этого мальчика. В моей голове уже рождались строки будущего газетного материала. Называться он, наверное, будет так: «Поступок пионера Андреева». Нет, лучше — «Герой среди нас» или «Ледовая эпопея». Нет, это уже где-то было. Может, проще — «Случай на озере»?

Славка вышел в приёмную, но, увидев меня, как мне показалось, несколько нахмурился:

— А... Это ты. А я подумал, мама вернулась...

— Ну, как здоровье? — спросил я, разглядывая одетого в пижаму Славку.

— Да ничего. Кашель вот только немного. Врач сказал: если осложнений не будет, то в понедельник выпишут.

— Отлично. Ну а пока давай рассказывай поподробней, как малыша спасал. Я об этом в газету напишу.

Я достал из портфеля тетрадку и ручку и приготовился записывать Славкин рассказ.

— А что, в школе уже знают? — спросил Славка.

— Пока нет. Я первый. Но не беспокойся — завтра все узнают. Я напишу, оформлю как следует и сегодня же

вечером вывешу в школьном коридоре стенгазету. Вот ещё бы фотографию твою с тем мальчиком, а?

— Слушай, а ты сможешь выполнить одну мою просьбу? — вдруг спросил Славка.

— Конечно, о чём разговор! Говори. Сочту даже за честь. Я теперь на тебя совсем по-другому смотрю. Ты — настоящий герой. Герой среди нас, не из кино, — я был уже в порыве литературного вдохновения.

— Ты пока никому ничего не говори, ладно? — попросил Славка.

— Как?! — воскликнул я, недоумевая. — Совсем-совсем ничего?

— Ну, скажи — простыл, мол, в больницу положили, а про озеро не надо.

— Ну, если ты так хочешь, — я с досадой закрыл тетрадку. — Значит, заметки не будет..

— Так ты даёшь слово? — опять спросил Славка.

— Даю.

— Вот и хорошо. Передай Нине Ивановне, что мне уже лучше. Ну, пока.

Славка, словно в приветствии, поднял вверх руку и стал подниматься по лестнице на второй этаж, в свою палату.

На другой день я сказал Нине Ивановне так, как хотел Славка, а во вторник он появился в школе сам. Он вёл себя, как будто ничего и не случилось: как и прежде, был спокоен и рассудителен, отвечая на уроках, а на перемене хрустел сахаром и пил воду. Я же не находил себе места. Где-то там, в глубине моей детской души, рос протест и набирал силу, а в сознании всё чётче и чётче всплывала мысль о некоей несправедливости, о том, что в жизни так не бывает, во всяком случае — быть не должно. Не должно

быть, чтобы о хорошем, даже героическом поступке никто-никто не знал. Несколько раз я намеревался подойти к Славке и поговорить с ним, но, натываясь на его колючий, полный постоянного напряжения и недоверия взгляд, отступал.

Прошла неделя, вторая, месяц. И вот как-то на уроке литературы зашла речь о подвиге, о том, что в жизни ему всегда есть место.

— Знаете, ребята, у меня за стенкой сосед живёт, Борька его звать,— сказала в конце урока учительница.— Ему пять лет, но он такой непоседа. Живём мы у самого озера. Так вот, примерно с месяц назад Борька этот забрёл на озеро и угодил в прорубь. Подробности того, как это случилось, мне неизвестны, знаю только, что спас его один мальчик. Ваших лет примерно. Бросился не раздумывая. А ведь не каждый взрослый так бы поступил, согласитесь... Может быть, кто из вас слышал об этом случае? С кем бы я ни разговаривала, никто об этом мальчике ничего не знает, кто он и откуда. Возможно, это один из ваших знакомых.

В классе наступила тишина. Все стали переглядываться и пожимать плечами. Оказалось, что никто об этой истории даже и не слышал, а из окраинных мало кто ходил в нашу школу.

Я осторожно глянул на Славку. Он перехватил мой взгляд и невозмутимо, ни разу не моргнув, выдержал его. Чувство слепой ярости и обиды захлестнуло меня. Я уже готов был встать и прямо на уроке с кулаками броситься на него, но вовремя прозвеневший звонок охладил мой пыл. На перемене я оттащил Юрку в уединённое место и, вытянув из него клятву «молчать до могилы», выплеснул ему всё, что переполняло меня до краёв.

— Да-а! — протянул Юрка, выслушав до конца мою пламенную речь.— Теперь ему медаль дадут.

— Какую ещё медаль? — не понял я.

— «За спасение утопающих». Вот какую.

И Юрка, сунув руки в карманы брюк и опустив голову, побрёл вдоль школьного коридора.

— А ну тебя,— махнул я ему вслед.

На другой день утром, едва я раскрыл школьную парадную дверь, как столкнулся лицом к лицу со Славкой. Раскрасневшийся, взъерошенный, какой-то не такой, как всегда, Славка вначале пробежал мимо меня, но на крыльце остановился.

— Ты... Ты... А ещё слово давал,— задыхаясь, проговорил он.— Юнкор ещё! Редактор стенгазеты! Писака несчастный!

От его взгляда мне стало не по себе. Столько боли было в его заплаканных глазах...

Войдя в класс, я всё понял. На классной доске был нарисован человек с клюшкой в руках и с большой, во всю грудь, медалью «За спасение утопающих». Внизу было подписано: «С. Андреев».

Возле доски толпилось человек пять. Юрка же сидел за своей партией, листал какую-то книгу и лишь изредка поднимал глаза.

Славка в классе больше не появлялся. Как мы узнали потом, он перешёл в другую школу. В наших с Юркой отношениях тоже наступили не лучшие времена. Некоторое время я старался держаться в стороне от одноклассников, ибо эта история получила широкую огласку; мне казалось, все вокруг только и делают, что говорят о том, как я не смог сдержать слово...

Однако время шло, и всё помаленьку стало забываться. Славку я видел потом ещё несколько раз с Ирккой на стадионе. После восьмого класса он поступил в техникум физической культуры, и мы однажды снова встретились с ним на футбольном поле. Было это в краевом центре — их команда играла против нашего университета. После говорили, что Славка Андреев поступил в военное училище.

Да, время шло, и чем дальше мы уходили от детства, чем становились взрослее и опытнее в жизни, тем больше меня мучила совесть. Всё чаще и чаще я вспоминал тот случай, и после каждого воспоминания подолгу не мог заснуть. Не помогали ни прогулки на свежем воздухе, ни снотворное, ни успокаивающий стук пишущей машинки. Несколько раз порывался съездить в родной город с одной мыслью — увидеть Славку, но, приезжая, не находил смелости (а иногда, чего греха таить, и времени) для того, чтобы придти в дом на Краинной улице. И чем дальше и дальше уходили в прошлое школьные годы, тем нестерпимее были мои муки. И вот, наконец, сегодня я решил...

3.

Я ещё стоял, прикрыв ладонью звонок и разглядывая почти затёртую надпись, когда соседняя дверь раскрылась и на пороге появилась пожилая женщина. Я узнал её: это была та самая Славкина соседка, которая рассказала мне в тот день о случае на озере.

— Вы к Елизавете Петровне, молодой человек? — спросила она.

Стыдно, но я знал ни имени, ни отчества Славкиной матери.

— К Андреевым я...

— А её нет. Она только что ушла. А вы, я вижу, вроде бы нездешний. Можете зайти к нам, подождать,— предложила она и крикнула в глубь комнаты: — Гриша, пригласи молодого человека к нам.

Из команды послышалось громкое хрипенье, и к женщине подошёл седой сторбленный старик. Я с трудом узнал в этом морщинистом дряхлеющем человеке того самого Славкиного соседа, который засыпал меня вопросами в мой первый приход сюда. Очевидно, он уже принял дозу спиртного, и его слегка покачивало.

— З-заходи, чё — вдарим по малой,— он протянул вперёд руку, оттопырив на ней два пальца — большой и мизинец.

— Да нет, извините, я попозже зайду,— сказал я и, спустившись по лестнице, вышел из подъезда.

4.

Вислоухая собака, всё ещё сидевшая у стены, встала и, как старому знакомому, приветливо завиляла хвостом. Какое-то тревожное предчувствие, нахлынувшее невзгод отсюда, стало сдавливать грудь, и я, дабы развеять хандру, побрёл не спеша по новым городским кварталам. На одной из улиц моё внимание привлекла яркая витрина магазина сувениров. Я остановился и стал с интересом разглядывать различные вещицы, изготовленные местными умельцами. Неожиданно я ощутил на себе чей-то взгляд. Сквозь стекло большой витрины на меня смотрела Ира Петрова! Смотрела и улыбалась. Через несколько минут мы беседовали с ней в просторном новом здании магазина. Говорили о жизни нынешней, вспоминали школьные

годы. Она поведала мне о том, что после третьего курса оставила учёбу в политехническом институте, что до сих пор так и не вышла замуж и что вот уже лет шесть как работает продавцом. Несколько раз я пытался спросить её о Славке, но что-то останавливало и не давало заговорить на интересующую меня тему. Может быть, то, что Ира со Славкой были друзьями и что-то у них не получилось. А Ирина, увлѣкшись воспоминаниями, всё говорила и говорила. Я чувствовал, что она рада меня видеть, и на душе потеплело.

Она замолчала как-то неожиданно — осеклась на полуслове, взяла меня за руку. Взгляд её был обращѣн на витрину. Там, где несколько минут назад у магазина остановился я, стояла пожилая женщина в тѣмном пальто. Из-под чѣрного платка пробивались седые пряди волос. В руке она держала букетик гвоздик. Ирина приветливо кивнула ей. Женщина ответила невесѣлой улыбкой.

— Ты помнишь её? — спросила Ира, когда женщина отошла.

Я пожал плечами.

— Это Славы Андреева мама. К нему, наверное, пошла.

— Куда к нему? — не понял я.

Ирина удивлѣнно посмотрела на меня:

— А ты что, разве не знаешь? Слава погиб в Афганистане...

— Как? — у меня кольнуло под сердцем. — Извини, Ира.

Я выскочил из магазина и стал глазами отыскивать среди прохожих женщину в тѣмном. Увидел я её на автобусной остановке. Как раз в тот момент, когда она садилась в пригородный автобус. Я едва успел заскочить

следом. Пассажиров в автобусе было немного, и к конечной остановке мы остались с Елизаветой Петровной в салоне вдвоём.

Она вышла у городского кладбища и пошла по узкой тропинке. Я пошёл следом. Она долго сидела у мраморной плиты, поливала цветы, сметала листья и пыль. Всё это время я ходил неподалёку. И только тогда, когда она, немного отдохнув и поплавав, утёрла слёзы и пошла к выходу, я пошёл к оградке.

Осенний ветерок теребил лежащие на мраморе гвоздики. Я долго не решался взглянуть на фотографию, мой взгляд вначале скользнул по блестящей металлической пластинке: «ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ АНДРЕЕВ ВЯЧЕСЛАВ ГЕОРГИЕВИЧ. 1959—1983 гг.». Надпись была выгравирована прописными буквами. Сразу вспомнилось: «Славка +...».

Мне стало не по себе, и я, закрыв глаза, несколько минут простоял так, а когда открыл их и поднял голову...

С фотографии смотрел на меня красивый улыбающийся парень в форме военного десантника с большими открытыми глазами.

Я раньше никогда не видел его таким...

МИР ИЗ ОКНА

Когда осенние сумерки, опустившись на город, прячут его, становится особенно тоскливо.

Он просит не зажигать света. Над узким разрезом едва освещённой улочки загораются три звезды созвездия Ориона, а чуть ниже и левее, над самыми крышами домов,— яркий Сириус...

Далёкая мечта недалёкого детства всплывает воспоминанием.

...Прохладная сентябрьская ночь, многоэтажный дом на окраине. Одиннадцатилетний мальчик поднимается на крышу по пожарной лестнице. В одной руке он держит старую подзорную трубу. Ему страшно на высоте, он озяб, время за полночь, а завтра поутру — в школу, но он не думает об этом. Сегодня он увидит звёзды ближе. В целых двенадцать крат! За эту трубу он отдал самое дорогое, что у него было,— породистого щенка, подарок на день рождения.

От волнующего воспоминания перехватывает дыхание. Как давно и как недавно это было... Лет двенадцать назад...

— Аня, давай поговорим о звёздах,— тихо просит он.

Друг мой Юрка! Я знаю его сто лет. Мы родились с ним в один год, свои первые шаги по земле сделали в нашем старом узеньком переулке, вместе пошли в школу, в один класс. Он во всём был первым: всегда что-нибудь придумывал, фантазии его были неукротимы, а решительность — не по-детски смелой.

Он прыгал с зонтиком со второго этажа, запросто ходил по карнизу, нырял с крутого берега, когда у всех остальных от одного взгляда вниз тряслись колени, и, конечно же, только он мог всю ночь провести на крыше, разглядывая звёзды... Но иногда я не узнавал Юрку: бывали дни, когда он становился тихим, задумчивым, уходил один к реке и, сидя на берегу, рисовал облака.

А ещё он любил собак...

Везде его звали по-разному. У нас во дворе — Юрка-астроном, в школе учитель рисования — Пикассо, а мальчишки с соседней улицы просто — собачник...

...У соседнего вагона стоит маленькая девочка в коротком цветастом платьице. В руках она держит пушистого щенка и осторожно гладит его. Уже объявили отправление.

— Ну, будь мужчиной,— отец тихонько щёлкает Юрку по носу.— Не скучай, ты теперь в доме за старшего.

Юрка поднимает глаза.

— Папа, а ты привезёшь мне овчарку? — спрашивает он.

— Чтоб он променял её на телескоп,— вставляет мать.

Юрка опускает голову.

— Ладно, ладно,— Павел Васильевич теребит его за кудри.— Я же сказал: раз обещал — привезу тебе щенка немецкой овчарки.

Отец часто уезжает в командировки. Такая у него работа. А Мария Николаевна с Юркой всегда провожают его. Так было и в тот день...

...«Если бы я знала, что так получится,— часто говорила потом Мария Николаевна,— я бы ни за что не взяла его тогда с собой...»

Если бы...

Кто знает, что было б, если бы?..

Отец помахал им из тамбура и зашёл в вагон. Почти все пассажиры разошлись по своим местам, проводящие тоже стали расходиться, а те, кто не торопился, ждали гудка электровоза. Отправление объявили уже второй раз. Юрка и Мария Николаевна домой не торопились, решив дожидаться отправления поезда.

— Мама! — вдруг вскрикнула девочка у соседнего вагона.

Щенок выскользнул из её рук, спрыгнул на перрон и нырнул под вагоны.

Девочка присев на корточки, стала звать:

— Мурзик, Мурзик...

И Юрка, наверное, не был бы тем самым Юркой-астрономом, Юркой-собачником, если бы не рванулся решительно с места и не бросился спасать щенка.

— Юра, Юра! — закричала Мария Николаевна.— Поезд же отправляется! Поезд...

Юрка нырнул под вагон.

— Мурзик, Мурзик... иди ко мне...

Щенок испуганно жался к рельсам. Юрка притянул его к себе, и в это время вагон дёрнулся... На перроне кричали, требовали остановить поезд.

Он отмерил расстояние между колёсами: «Успею...»

Он почти выбрался на бетонную площадку, выпустил из рук собаку и... коротко вскрикнул, упал, потеряв сознание...

Помню, как мы организовали дежурство у его палаты, ходили в больницу по одному и всем классом, даже предлагали свою кровь. Его долго лечили, старались сделать всё, чтобы он жил.

Он выжил... Но, потеряв обе ступни, со сломанным позвоночником, лишился возможности двигаться.

А тогда, на перроне, все подумали, что Юрка умер. Врач долго не мог нащупать пульс, громко кричала Мария Николаевна, молча стояли вокруг люди, и седой машинист снял с головы фуражку...

Лишь маленькая собачка весело виляла хвостом и лизала мокрое от слёз лицо своей симпатичной хозяйки.

От его окна начинается узкий переулок, с двух сторон зажатый высокими домами. Он любит смотреть в окно. Здесь, в небольшом переулке, идёт своим чередом своя жизнь.

Почти каждый вечер под тусклый фонарь возле магазина приходит высокий парень с букетом жёлтых цветов. Он ждёт девчонку из соседнего дома. Иногда она выходит почти сразу, берёт его под руку, и они уходят. Но чаще он подолгу ходит взад-вперёд от фонаря до перекрёстка и обратно, бросает взгляд то на часы, то на её окно и нервно курит.

«Сколько лет этому парню? — иногда задумывается он.— Наверное, столько же, сколько и мне... Может, мы были знакомы в детстве? Может, учились в одной школе...»

Каждый день в одно и то же время, если хорошо прислушаться, под окном слышен негромкий свист. Это слепой старик с тросточкой выходит на прогулку. Ровно час он ходит вдоль переулка, постукивает о стену дома или, остановившись на полпути, что-то чертит тросточкой на асфальте. Во время войны он был лётчиком, его сбили, он попал

Рисунок А. Грешилова

в плен, бежал на немецком самолёте. Ещё говорят, что он ослеп в воздушном бою, но дотянул до аэродрома и посадил самолёт...

Начертив ему одному видимые линии, старик идёт дальше, что-то насвистывая из довоенного репертуара.

«Для этого слепого старика мир не заключён в тридцати шагах узкого переулка. Он не зря прожил жизнь, он сделал многое. А что сделал я в свои двадцать четыре, ровно половину из которых провёл в постели?.. Ничего особенного... ничего...»

Около полудня в переулке появляется девочка в коротеньком цветастом платьице с белой собачкой на поводке.

— Аня, Аня! — зовёт он сестру. — Посмотри, та ли это девочка с собачкой?..

Но девочка, как видение, быстро проплывает мимо домов по переулку и исчезает за углом.

Когда несчастный случай приковал его к постели, он остался в списках нашего класса. Каждую неделю после занятий в школе и во время каникул мы обязательно приходили к нему, приносили домашнее задание, интересную книгу и рассказывали, что нового в школе и во дворе.

Бывало, заявлялись всем классом. Его мама Мария Николаевна, сестра Аня, а иногда, когда был дома, отец Павел Васильевич приветливо встречали нас, и мы часа на два, а то и больше «окупили» Юркину комнату. Рассаживались вокруг него, рассказывали, иногда перебивая друг друга, новости и разные истории, а Васька Рыжик — наш главный режиссёр и актёр — изображал сцены из школьной жизни:

пародировал учителей и учеников. Лицо Юрки оживало: всегда бледное, оно розовело, в глазах блеснул огонёк. Перед нами снова был весёлый, жизнерадостный Юрка, и мы смеялись ещё громче, ещё веселее и расходились по домам в приподнятом настроении.

Так было все шесть лет с того злополучного лета — до тех пор, пока мы не закончили школу. А потом...

А потом мы повзрослели. Многие разъехались по городам и весям огромной страны. И я с родителями тоже переехал в другой город.

— А что ни говори, хорошим было время нашего детства. Помнишь, как вы пришли ко мне после выпускного, с моим аттестатом, открыли окно, и мы вместе встречали зарю?..

— Помню,— говорю я.

Я сижу возле Юрки в его комнате. Я давно не был здесь, и потому все домашние перемены вызывают у меня интерес. Вот новый шкаф для книг, вот какие-то картины, вот тетрадки, исписанные стихами. А возле стола, на коврик, то виляя хвостом, то поднимая голову, словно прислушиваясь к разговору, подбегая то ко мне, то к Юрке, заставляет обратить на себя внимание пёс Верный — немецкая овчарка, подарок отца.

Юрка смотрит в окно.

— А ты знаешь, никто из ребят меня не забыл, все пишут... Многие, как и ты, окончили институты. А некоторые девчонки уже вышли замуж. А Васька Рыжик — ты представляешь? — всё-таки добил театральный.

— Поступил?!

— Да, с третьей попытки, после армии. Теперь учится в Москве. Я не удивлюсь, если скоро в кино сниматься начнёт... Молодец... — Юрка искренне радовался за нашего друга детства.

Я улыбнулся, вспоминая ребят из нашего класса и двора.

— Ты что? — спросил Юрка, бросив на меня удивлённый взгляд.

— Да так. Вспомнил, как вы с Рыжиком за Светкой Воробьёвой приударяли. Записки писали... В каком это классе было — в третьем или четвёртом?

Теперь улыбнулся Юрка, даже засмеялся негромко.

— Кстати, а где сейчас Света? — спросил я.

— Где-то в Средней Азии, на раскопках. Она ведь археолог.

Я встал, подошёл к пишущей машинке, написал «Юра» на заправленном чистом листке.

«Раньше машинки здесь не было...»

— Юра, а почему ты никогда не говорил, что пишешь стихи? — прямо спросил я.

Юрка приподнял голову:

— А ты-то откуда знаешь?

— Ну как откуда? Вот тетрадки исписанные, вот машинка... А потом, я же не только в газету статьи пишу, я ещё и читаю газеты.

Я достал из портфеля номер краевой молодёжной газеты и развернул его. В поэтической рубрике были напечатаны три Юркиных стихотворения.

— Из цикла «Окно», — прочёл я вслух.

Юрка несмело взял газету. Бросил взгляд на страницу, потом на меня.

— Всё правильно. Я, как всегда, узнаю последним. Понимаешь, Аня уговорила меня отправить стихи в редакцию. Недавно нам ответили, что их одобрили и подготовили к печати, но я не думал, что это будет так скоро. Вообще-то я пишу стихи для себя...

— И давно?

— Не очень — с тех пор, как созерцаю мир из окна...

— Юра, — я опять сел рядом, — а ты знаешь, я здесь ещё и потому, что сейчас у нас готовится к изданию очередной номер альманаха, там под рубрикой «Молодая поэзия края» печатаются стихи молодых поэтов. Так вот, редактор отправил меня поговорить с тобой. У тебя ведь наверняка есть и новые стихи.

— Есть. Ты думаешь, мои стихи могут подойти?

— Конечно. Я думаю, опубликуют весь твой цикл и кое-что из новых. Только, наверное, название надо дать циклу несколько шире.

— Например?

— Ну, например, как ты сам выразился: «Мир из окна».

Юрка смущённо посмотрел на меня:

— Давай подождём Аню, а потом решим, а?

— Ладно, — согласился я.

Он приподнялся.

— Поправь мне, пожалуйста, подушку...

Я подошёл к его изголовью, осторожно взял уголки подушки, Юрка попробовал приподнять голову, это ему удалось с большим трудом. Я подвинул подушку ближе к спинке кровати.

— Спасибо, — сказал Юрка, медленно опуская голову на подушку. — А я ведь пытаюсь сейчас написать картину с

таким названием: «Мир из окна». Кроме Анны, никому не показывал ещё... Хочешь взглянуть?..

— Конечно.

— Она здесь, возле кровати... Никак не могу закончить. Знаешь, вроде бы всё уже, что хотел, нарисовал, но чего-то всё-таки не хватает. А в последнее время всё чаще немеют руки. Видно, болезнь берёт своё, как камень точит с годами эрозия дождём и ветром. Дотянуть до весны хотя бы... Закончить картину, новый цикл стихов вот задумал...

— Да ты что, Юрка! — подскочил я. — Да ты ещё встанешь. Вспомни про Илью Муромца: до тридцати трёх лежал, а потом встал и подвиги совершил... И ты встанешь. Сейчас, говорят, в Москве делают сложные операции. Не таких, как ты, больных поднимали... Мы ещё с тобой...

— Конечно, конечно... — быстро охладил мой порыв Юрка. — Я ещё не всем соседям телевизоры починил...

Потом он улыбнулся и подмигнул мне:

— А ты когда едешь?

— Сегодня... Ночным поездом... Командировка ведь у меня короткая. К тебе да обратно...

Ему вдруг показалось, что он вскрикнул. Открыв глаза, прислушался. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов. Заломило поясницу. Из груди вырвался стон. Чуткий Верный, спавший у двери, зашевелился.

Он протянул руку к подоконнику, взял таблетку, проглотил, запив водой. «Только б не разбудить мать с Аней...»

Часы показывали половину седьмого. «Минут через пять станет легче...» Прикусил губу, чтоб не вскрикнуть

вновь. На улице светало. Услышав лёгкое шуршание, глянул в окно. Тётя Юля, дворничиха, не спеша мела переулочек, усыпанный первыми опавшими листьями. У подъезда высокий парень прощался с соседской девчонкой и что-то шептал ей на ухо. Над крышами домов горела яркая Венера...

«Скоро опять появится девочка с собачкой. Во что она будет одета сегодня? Наверное, в осеннее пальтишко. Ведь на улице уже прохладно... Ну вот, кажется, уже легче... Сейчас я буду работать. Я должен закончить эту картину...»

Телеграмму принесли вечером, когда я приехал домой из типографии с несколькими экземплярами только что вышедшего альманаха. Я знал, что ЭТО может произойти, даже был готов, но всё же не хотелось верить, что ЭТО — случилось... Уже случилось.

— Не может быть... Юрка... Не может быть... Ну как же так? Почему так? — говорил я не то вслух, не то про себя.

— Распишитесь вот здесь, — сказала девушка, принёсшая телеграмму.

Но я не слышал её. Стоя в дверях, я держал в одной руке телеграмму, а в другой — альманах и повторял:

— Не может быть, не может быть, не может...

— Распишитесь, пожалуйста, вот здесь... — повторила тихо девушка, на её глазах появились слёзы.

— Ах да, да...

Я быстро поставил подпись и, не закрыв входную дверь, стал быстро ходить по комнате.

«Юрка, друг... Да неужто он так и не увидит свои стихи в альманахе?.. Не может такого быть. Ну не может, и всё...»

Не знаю, сколько я ходил. Наверное, долго. Наконец мой взгляд остановился на телефоне. Я подскочил и рванул трубку, нервно набрал номер.

— Алло! Алло! Соедините, пожалуйста, с Загорском... Да, по номеру... Пожалуйста... Если можно, побыстрее... Алло! Загорск? Это Загорск? Мария Николаевна? Мария Николаевна, это правда?.. Юра... Когда?! Сегодня?.. Утром?.. Да, да... Я буду... непременно... непременно...

Рука повисла в воздухе, сжав трубку, из которой долго шли длинные гудки... Гудки из моего детства, моей юности... Последние сигналы от моего друга Юрки...

Он так и не увидел свои стихи в альманахе. Как и не узнал, что стал лауреатом премии обкома комсомола за работу над картиной «Мир из окна».

Уже несколько лет в одном из залов городской картинной галереи, среди множества других, висит небольшая Юркина картина. На переднем плане оконная рама, а за стеклом — узкая улочка, возле дверей подъезда прощается влюблённая пара, старик с палкой стоит у фонаря, а в центре — девочка в коротеньком цветастом платьице, с собачкой на руках.

«Мир из окна», — подписано внизу, и рядом с фамилией и инициалами автора небольшая приписка из трёх слов: «Премия присуждена посмертно».

ИСКРИНКИ ПАМЯТИ

Искринка первая, вторая, третья...

Память. Память...

Что это такое — Память?

Почему всплывают вдруг передо мной фрагменты недавнего прошлого или десятки лет назад случившегося события? Зачем предстают ясные картины с подробностями, и я проживаю вновь и вновь пережитое, а проснувшаяся совесть моя обостряет чувства, гонит сон и заставляет надевать на лицо маску печали или радости, мучиться и терзаться, а то — испытывать удовлетворение от совершённых поступков?..

Подробности пережитого искринками вспыхивают в глубинах сознания и разгораются, разгораются, высвечивая из памяти моё прошлое, освещая настоящее и озаряя тропинку в будущее. Искринки памяти бередят душу, заставляют задуматься, и я снова и снова спрашиваю себя: почему это было? и было именно со мною? зачем было? и для чего?

Вот идёт в новогоднюю ночь 1980 года по только что выпавшему снегу девчонка, а я смотрю из окна четвёртого этажа на неё и на протоптанный ею след. Она уходит дальше и дальше от меня и сейчас, через мгновение, скроется за углом соседнего дома. А я смотрю и жду, когда она свернёт, а потом, одеваясь на ходу, бегу за ней.

Я, одеваясь уже на лестничной площадке, всё же побегу за ней, побегу, чтобы вернуть её и возвратиться вместе с ней. Но это будет чуть позже, когда она всё же свернёт за угол соседнего дома. Как бежал и как вернул её, я уже не

помню. И было ли это вообще? В памяти моей она всё идёт и идёт, преодолевает расстояние в полторы сотни шагов.

Почти сорок лет она идёт по моей памяти, но не уходит за поворот...

И не гаснет искринка... И я вижу окно, фигурку девушки, следы на снегу, угол соседнего дома...

Рисунок Е. Стерлиговой

Горит и горит в памяти искринка.

А за ней вспыхивает другая, освещая двор только что построенного деревянного дома и шестилетнего мальчика-новосёла в новеньких резиновых сапожках, обследующего весеннюю лужу. Пытаясь наступить на собственное отражение, мальчик забрызгал пальтишко, и несколько капель попали ему на лицо. Увидев это, ватага ребятишек смеётся, а кто-то замечает: «Да у него звезда во лбу». — «Звезда во лбу! Звезда во лбу!» — повторяют один за другим и все вместе остальные дети, а потом разбегаются врассыпную. А мальчик бежит за ними и тоже смеётся. Громко, весело, от души...

Искринки памяти — как картины, как фотографии, как киноленты... С людьми, которых уже нет... Деревьями, давным-давно спиленными... Деревянными домами, что стояли когда-то на месте нынешних многоэтажек...

Но всплывают и всплывают перед глазами живые лица ещё не старых людей, переживших войну, шумят листвой, стучат в окна ветками деревья середины шестидесятых, кипит, бурлит жизнь во дворах деревянных бараков, снежённых в семидесятые, светят и мигают гирляндами ёлки детства со стеклянными игрушками-шарами, и не тает и никогда не растает большая снежная, возвышающаяся над заборами огородов горка зимы 1966-го, с которой я мчался вниз на лыжах и подлетал на полуметровом трамплине...

Наедине с памятью

О фотографии — застывшие мгновенья!
Цветы, улыбки, тихая река...
Простой щелчок затвора — добрый гений —
Нам останавливает время на века!

Оно замрёт под глянецом в чёрно-белом,
А с ним трава, свет дня, открытый взгляд...
Ах, как давно листва та отшумела...
А этот снег был столько лет назад!
И ты жива ещё...
На этом снимке
Тебе, как прежде,— девятнадцать лет...
Ничто теперь не сможет спрятать в дымке
Искринки памяти...
Их жгущий душу свет!
Душа горит...
И память всё острее...
И ностальгия горло захлестнёт...
Вот старый двор...
Вот мокрая аллея...
Слышны шаги... Звонок... Сейчас,
Вот... вот...
Но горьким холодком
 пустого коридора
В лицо утрата выдохнет злой смех:
— Лови мираж! Коль нетерпимо скоро
Хотел быть лучше ты и даже выше всех!
О фотографии! Порою вы способны
Поднять, унижить, даже оскорбить...
Всесильна память...
Память бесподобна...
Но так бессильна, чтобы повторить...

Отец

Помню, как летом 1965 года отец возил меня, тогда ещё шестилетнего, в Красноярск. В нашем Тайшете не было телевизоров и пятиэтажных домов, и меня поразили торчащие в большом количестве на крышах красноярских пятиэтажек, похожие на кресты и перекладины телевизионные антенны.

Мы ездили по большому городу на автобусах и трамваях, ходили по парку и магазинам. Возле «Детского мира» чуть не потерялись. Отец задумался о чём-то и, забыв про меня, один перешёл улицу и пошёл, не оглядываясь, а оглянулся и вспомнил, только когда я, обливаясь слезами, громко, с надрывом, закричал ему вслед...

Потом мы стояли недалеко от набережной, смотрели на Енисей, мост и звенящие трамваи, которые разворачивались на берегу и уходили обратно на тогда ещё новый мост.

Когда я учился в первом классе, отец с младшим братом — моим дядькой — Игорем ездили к знакомым в Ригу и привезли мне фильмоскоп и несколько плёнок в круглых коробочках — диафильмов. А на другой день половина жителей нашего тринадцатиквартирного дома по улице Шлякочной пришла к нам смотреть историю про Крошечку-Хаврошечку и «Сказку о попе и о работнике его Балде».

Отец работал на железной дороге слесарем по ремонту подвижного состава. Я знаю точно, что он ни разу в жизни не опоздал на работу. Несколько раз он брал меня с собой на ПТО — пункт технического осмотра вагонов. Мы ходили с ним туда в душ. Кабинок на десять просторный душ, с закрашенными снизу до половины большими окнами, заменял нам летом баню. Мне нравилось просто стоять под струями воды, падающими на голову, и мечтать. О чём я мечтал тогда? Конечно же, о хорошем. Иногда, уже помывшись, отец напоминал мне про мыло и мочалку.

С юности отец страдал болезнью желудка, и иногда ночами я, просыпаясь, видел, как он сидел на кухне возле табурета на корточках, обхватив руками живот.

Отец умер рано. На сорок седьмом году жизни. Мне не было и пятнадцати. Помню, как скорбно шумел ветер в

верхушках сосен над его могилой в день похорон в июне 1973 года. Я тогда впервые в жизни был на кладбище.

«Сегодня он будет здесь дежурным»,— сказал наш дальний родственник литовец Вилюс, и я тогда не понял, говорил он это серьёзно или просто так.

На похоронах отца мне стало плохо, я подвернул ногу и упал около машины, на которой отца привезли. Дома у меня начался озноб, и я пролежал несколько дней в беспомощности и горячке. Говорили, бредил. Меня выхаживала детский врач Абахова, а бабушка-соседка Рукосуева читала надо мною заговоры, молитвы и поила меня отварами.

Больше сорока лет нет с нами отца, но его лицо, его голос, его походка, некоторые привычки его живут в моей памяти.

Птичка

Птичка, точно помню, была синичка. Отец принёс её в начале декабря в большой своей овчинной рукавице. Он возвращался домой утром после ночной смены, а она, видимо, повредив лапку, неуверенно скакала на снегу недалеко от нашей снежной горки.

Синичка жила у нас несколько дней. Она летала под потолком, билась о стекло, сидела на гардине, пряталась в листьях большого фикуса, что стоял в кадучке в углу большой комнаты. Насыпанное ей в чашечку зерно она клевала, когда в комнате никого не было. Едва кому-то из нас — отцу, матери, бабушке или сёстрам — стоило шагнуть за порог комнаты, синичка взлетала и пряталась в фикусе. А ночью её вообще не было слышно. А может, я просто крепко спал

и не слышал, как она летала или клевала пшено и пила воду из поставленного специально для неё блюдечка.

На третий день или четвёртый птичка, видимо, поняла, что вырваться ей через окно не удастся, она незаметно перебралась на кухню, притаилась у печки, поближе к входной двери. Она выждала, когда дверь откроется широко, и выпорхнула сначала в сенцы, а потом и на улицу.

Мы с сёстрами тосковали. Младшая, Лена, даже плакала. Она до самого Нового года подбегала к окну, и если в ограде видела синичек — кричала: «Птичка-синичка прилетела! Наша птичка вернулась! Открывайте двери, открывайте! Сейчас она залетит!»

И я бежал к дверям, и открывал, и выбегал во двор. Птички сразу взлетали и, быстро махая крыльями, скрывались из виду.

Один раз, уже ближе к весне, какая-то синичка села на подоконник и дважды стукнула клювом в окно. Я быстро выбежал во двор, раскрыв двери, но птичка упорхнула.

Мы с сёстрами и бабушкой решили, что это наша синичка захотела проститься с нами, перед тем как улететь в дальние страны.

Кино

В нашей семье любили кино. Отец часто рассказывал об актёрах, называл их имена и фамилии, говорил, в каких фильмах они снимались и кого играли. А мать пела песни из кинофильмов: «Огней так много золотых на улицах Саратова...», «А ты мне, улица родная, и в непогоду дорога...», «Если б гармошка умела всё говорить не тая...».

С ранних детских лет я знал и повторял некоторые слова этих песен. Как и названия любимых фильмов родителей: «Свадьба с приданым», «Сказание о земле Сибирской», «Весна на Заречной улице», «Дело было в Пенькове», «Цветок в пыли», «Любовь под вязами»...

Впервые мать взяла меня с собой в кино, когда мне было года четыре. Она работала во вторую смену и как-то среди недели, оставив тогда ещё одну младшую сестру бабушке, взяла меня с собой и с двумя подругами пошла на дневной сеанс самого большого в городе кинотеатра «Победа». Как рассказывала мать, когда начался фильм, я просто и спокойно смотрел на экран, а потом вдруг расплакался — сначала тихо всхлипывая, но в конце концов дело дошло до рёва и крика, и матери пришлось вывести меня из зала.

А лет с шести я стал ходить в кино сам. Сначала с ребятами из нашего дома: братьями Чугуновыми, Валеркой Куликовым, Сашкой Степаненко. Ни названий, ни сюжетов тех фильмов в памяти не осталось, а вот фрагменты из киножурналов, что обязательно крутили тогда перед сеансом, помню. Пионера, прилетающего на ракете и кувалдой раскалывающего большой орех. После каждого удара из ореха вылетали слова, и получалось: «Хочу всё знать». Запомнилась и другая картинка: на фоне земного шара Спасская башня Кремля с курантами. Этот киножурнал назывался «Новости дня». В новостях несколько раз показывали пожилого лысого человека. Его то провожали на самолёт, то встречали в аэропорту, то он что-то оживлённо говорил. Когда он появлялся на экране, пацаны постарше начинали кричать на весь зал: «Хрущ! Хрущ! Смотрите — Хрущ!»

Много позже я понял, что это был человек, в то время ещё руководивший государством, но уже потерявший

авторитет и уважение и в народе, и среди своего окружения. Дни его на посту руководителя тогда были сочтены.

С особенным интересом и желанием я открывал для себя мир кино в возрасте от восьми до двенадцати лет: «Иностранка», «Дубравка», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён», «Попутного ветра, „Синяя птица“!», «Звонят, откройте дверь»... Конечно, фильмы о войне: «Жажда», «Их знали только в лицо», «Туннель», «Вызываю огонь на себя», «Майор Вихрь».

Нравились мне эти фильмы или нет тогда, сказать теперь не могу. Скорее всего, многого из того, что показывали на экране, я не понимал и воспринимал и запоминал только фрагменты. На некоторые из фильмов я ходил в ближний от нас клуб стройучастка, на другие — в клуб шпалопропиточного завода, где можно было смотреть широкоформатное кино. Изредка бывал в кинотеатре «Победа». Но за счастье любой парнишка моих лет считал пробиться в «Малютку». Разукрашенный, разрисованный автобус-кинопередвижка с таким названием курсировал по нашему городку каждое лето, чаще по выходным дням, и делал остановки то в городском парке, то у самого большого магазина в городе — гастронома. Чтобы попасть в «Малютку», надо было выстоять очередь. Автобус забивался до отказа. Кому не хватало мест, садились в проходе на пол. Никто не обращал внимания на то, что в «Малютке» было душно и жарко, что зрители выходили после сеанса в мокрых от пота рубашках и футболках. Но, вспоминая те дни, я уверен, что, скажи только что вышедшему из «Малютки» юному зрителю, что у него есть возможность сейчас же снова попасть на новый сеанс, ни один бы не отказался.

Были у меня в то время и любимые фильмы, которые я смотрел тогда (да и сейчас пересматриваю, если случается)

с благоговением. На них я ходил по нескольку раз. Чаще всего в разряд таких попадали сказки. Так, «Морозко» я смотрел тогда четыре раза, «Сказку о царе Салтане» — три, «Сказку о потерянном времени» — тоже три, а вот «Кашея Бессмертного» — семь раз. Вне конкуренции был для всех моих сверстников, конечно же, «Фантомас». Сколько раз и на какую серию больше я ходил, сейчас не вспомню. Помню, что сначала я посмотрел фильм второй — «Фантомас разбушевался», потом третий — «Фантомас против Скотланд-Ярда», потом ещё дважды третий и один раз второй. И только примерно через полгода, когда в Тайшет снова завезли «Фантомаса», мне удалось попасть на фильм первый.

Ещё были фильмы, на которые я с удовольствием ходил несколько раз. Как знаю теперь, это было первоклассное американское кино, с великими актёрами Голливуда: «Спартак», «300 спартанцев», «Золото Маккены»...

Сейчас я реже смотрю художественные фильмы, но порой длинными зимними вечерами вдруг находит меня ностальгия, и вспыхивают с новой силой искринки памяти. Тогда, не в силах сдержать воспоминания, я нахожу в Интернете кино из моего детства и с удовольствием смотрю и вспоминаю Тайшет шестидесятых-семидесятых годов двадцатого века, клуб стройучастка, клуб шпалопропиточного завода, кинотеатр «Победа», автобус «Малютка», братьев Чугуновых, Валерку Куликова, Сашку Степаненко и многих других моих друзей, приятелей, одноклассников.

Машину времени ещё не изобрели, но память запросто возвращает меня в то золотое моё время, когда мне так хотелось стать скорее взрослым.

ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛОМ ЖУРАВЛИКЕ

Мне было тогда лет восемь. Хорошо помню: я окончил первый класс, и родители отправили меня в деревню — как они выражались, «к старикам». Старики мои — бабушка и дедушка — оказались не такими уж древними, а вполне ещё крепкими людьми. Правда, бабушка была на пенсии, а дедушка работал лесником.

Итак, мне было восемь лет, и то лето я проводил в деревне.

Поначалу мне нравилось вставать ранним утром, перед выгоном коров на пастбище, и, выпив молока, бежать кормить кур и гусей, которых я поначалу побаивался. Мне нравилось гладить по молоденькой шёрстке тёлочку Звёздочку и играть с псом по кличке Трезор. Нравилось ходить с дедушкой в лес, где я впервые в жизни увидел живых бурундучка и белочку. Нравилось вечером вместе с бабушкой встречать корову с пастбища, давать корм поросятам и, уже после вечерней дойки, когда солнце пряталось за огородами, слушать бабушкины рассказы о деревне и незаметно засыпать.

Правда, полный восторг от деревенской жизни я испытывал лишь первую неделю. Мальчишек в деревне было мало, особой дружбы я ни с кем не завёл, а потому малопомалу начал тосковать по дому, по родителям, по оставшимся во дворе друзьям. Я даже поплакал как-то тихо за сеновалом — до того мне захотелось домой. Не знаю, чем бы всё закончилось — наверное, тем, что вызвали бы моих родителей и они увезли бы меня в город. Но вот однажды...

Однажды я проснулся от равномерного постукивания в окно и подумал, что начался дождь, но на улице было ясно. Стоявший на комодe будильник показывал без четверти

шесть. Бабушка суетилась возле стола, готовила завтрак и собиралась идти доить корову, но стук привлёк и её внимание.

— Игнатий! Глянь, Игнатий! Никак журавель за окном? А белый какой!

— И хде? — спросил дедушка.

Он сидел в кухне на табуретке и натягивал на ноги сапоги.

— А вона, во дворе у нас. В избу, что ль, просится? Ишь как в окно стучит.

Дедушка выглянул из-за перегородки и осторожно стал подходить к окну.

— Ну дела! Белый, что снег! Журавель ведь, точно журавель. А крупный какой! — удивлялся дедушка, стоя напротив окна в одном сапоге.

— Журавлик? Где журавлик?!

Я соскочил с постели и бросился к окну. Ослепительно-белый журавль стоял за нашим окном во дворе и, как мне показалось, с любопытством смотрел на нас. Помню, он несколько не испугался, когда я выскочил на крыльцо, а потом стал приближаться к нему, протягивая на ладони кусочек хлеба. Журавлик спокойно взял клювом с моей ладони хлеб, и я, не удержавшись, погладил его по мягким белым пёрышкам. Наверное, я ему понравился, потому что он тут же потёрся клювом о моё плечо, а потом зашагал по двору, не обращая внимания ни на стоявших на крыльце дедушку с бабушкой, ни на мирно дремавшего в будке Трезора, ни на непоседливых воробьишек, в такую рань уже копошившихся возле собачьей будки и склёвывавших остатки Трезорова ужина.

Прошагав через весь двор, журавлик направился к огородам. Он легко перемахнул через изгородь и, приземлившись на другой стороне, посмотрел на меня, будто приглашая с

собой. И я последовал его примеру. Перебежав огороды, мы выскочили на скошенные луга.

— Журавлик! Журавлик! Ура, у меня есть журавлик!

Встающее над лесом солнце ласково светило в глаза. Журавлик летел не очень высоко впереди меня, и я, пытаюсь

Рисунок Г. Рукоусевой

догнать его, бежал босиком по колкой траве в промокших от росы штанах и радостно кричал...

Журавлик стал моим другом. Он поселился у нас на чердаке, по соседству с голубями. Я принёс ему немного сена, и он сам устроил себе подобие гнезда. Голуби, куры, Трезор и все остальные наши домашние животные вели себя по отношению к новому жильцу совершенно спокойно. По утрам журавлик будил меня стуком в окно, потом мы вместе умывались (он чистил перья), завтракали и отправлялись через огороды на выкошенные луга. Там мы играли с ним в догоняшки. Догнать журавлика было нелегко — он ловко изворачивался и взлетал, но иногда, высоко подпрыгнув, мне удавалось легонько задеть его по лапке, и тогда радости моей не было границ. Устав, я с разбегу нырял в какой-нибудь стог сена и неподвижно лежал. Журавлик пристраивался рядом. Я смотрел на проплывающие по небу облака и думал о том, что хорошо иметь такого друга, как журавлик, и мне уже ни-сколечко не хотелось домой. Я даже представлял всех своих друзей здесь, в деревне, на лугах, играющих с журавликом.

И почти всегда я как-то незаметно для себя засыпал.

Мне снился один и тот же сон: мы летим с журавликом высоко-высоко, обгоняя проплывающие облака; облака расступаются, и перед нами открывается тёмная необъятная даль с множеством маленьких, как звёзды, огоньков, и мы летим среди этой темноты, и страх и восторг переполняют меня. Мы приближаемся к одному из огоньков, который становится всё больше и больше и превращается в зелёный шар. А потом я вижу город далеко-далеко внизу, внутри шара, и чувствую, что начинаю падать. На этом мой сон почти всегда прерывался. Лишь один раз было его продолжение: я видел людей — за спиной у них

виднелись крылья. Они улыбались мне, и я тоже улыбался, но вдруг чувствовал, что со мной нет журавлика, и испуганно кричал. Когда же я открывал глаза и видел его, спокойно чистящего пёрышки, то думал: «Как хорошо, что это был лишь только сон!»

Домой мы приходили к вечеру. Бабушка немного отчитывала меня и, покормив, заставляла помогать по хозяйству. Журавлик же залетал к себе на чердак и не показывался оттуда до самого утра. Так продолжалось с неделю — до того дня, пока не появился откуда-то человек в зелёном комбинезоне. У него была какая-то странная машина без колёс и, как я определил, без мотора — передвигалась она без шума. Он подъехал к нам, когда мы собирались домой.

— Мальчик, это твоя птица? — спросил он меня.

— Моя, — не совсем уверенно ответил я.

— А твой дедушка — лесник?

— Да.

— Всё правильно — внук лесника с белой птицей. Это то, что я искал, — проговорил он и снова обратился ко мне, говоря сбивчиво: — Понимаешь, мальчик... Мне очень нужна твоя птица... Она совсем не то, что ты думаешь... Она — или, правильнее, он, журавлик, — вовсе не птица, вернее, для тебя — птица, а на самом деле это — представитель другой планеты, понимаешь? Не вашей... Он, журавлик этот, и ещё несколько таких, как он, летели на Землю, но во время полёта у них что-то там произошло, и он прибыл к нам, вернее, к вам раньше намеченного срока... На целых триста лет... Где потерялись остальные, я не знаю, а вот этого я наконец нашёл... Он попал в ваше время вместо нашего. Ты понимаешь, о чём я говорю, мальчик? Впрочем, навряд ли. Извини, я, видимо, не имею права называть тебя мальчиком. Ведь между нами солидная разница в возрасте...

Я молчал. Я понял тогда только одно: у меня хотят забрать мою птицу, моего журавлика! И слёзы покатались из моих глаз.

— Ты ведь отдашь мне птицу, мальчик?

— Нет... Нет! Нет! — закричал я и заплакал...

— Мальчик, у меня нет времени на разговоры с тобой! Пока я разговариваю с тобой, на половине планеты нет электроэнергии. Она отключена, потому что я здесь, понимаешь?

Я, обняв журавлика за шею и опустившись на колени, плакал.

— Ну, тогда пусть птица сама решает, как ей быть! Она всё, как я вижу, понимает.

Человек подошёл к машине и включил тумблер на приборной доске. В воздухе вначале заскрежетало, потом засвистело, но вскоре свист стал разлагаться на какие-то странные, похожие на музыку звуки. Журавлик встрепенулся у меня в руках и пошёл — нет, поплыл в их сторону.

— Журавлик! Журавлик! — закричал я и бросился следом.

Он повернулся.

— Ты уходишь, журавлик?.. Уходишь от меня, да? Журавлик... — не то шептал, не то говорил я сквозь слёзы.

Он опустил голову.

— Пойми, мальчик, так надо, — сказал человек в зелёном комбинезоне. — Он не должен быть здесь... В это время он ещё не родился...

— Но ты же вернёшься, да? Вернёшься ведь, журавлик? — продолжал плакать я, не обращая внимания на слова «зелёного».

И он, мой милый, мой умный журавлик, глядя в мои заплаканные глаза, кивнул!

А потом, как тогда, в то утро нашей встречи, снова потерся о моё плечо.

— Может, и вернётся,— сказал человек в зелёном комбинезоне.

Я закрыл лицо руками, чтобы не видеть, как журавлик уедет от меня на машине без колёс.

— Ну, бывай, браток,— так, кажется, говорили в ваше время? — сказал мне на прощание «зелёный».

Я крепче прижал к глазам ладони.

Когда же через несколько минут я опустил руки, передо мной никого не было. Только звучала ещё в ушах прекрасная музыка и кружилось в воздухе белое журавлиное перо...

Тогда я не придавал большого значения ни самому перу, ни изображённому на нём рисунку в виде двух положенных одна на другую вверх дном тарелок с вытянутыми краями и множеством точек внутри. Поклявшись никому не показывать перо до возвращения журавлика, я уехал с бабушкой на следующий день в город и спрятал пёрышко «в одно надёжное место».

Прошёл год, затем второй, третий...

В моей жизни появились новые заботы, радости и огорчения. Увлёкшись то собиранием почтовых марок, то занятиями в спортивной секции, то ещё чем-нибудь, я, взрослея, стал постепенно забывать эту историю с белым журавлём. Всё чаще и чаще она казалась мне далёким сном, и всё реже и реже любовался я белым журавлиным пером. Но вот однажды, листая книгу по астрономии, я увидел очень знакомый рисунок, напоминающий две уложенные вверх дном одна на другую тарелки с вытянутыми краями и множеством точек внутри. Эта была схема нашей Галактики!

Я бросился к тайнику. Но... пера там не оказалось. И напрасно я перерыл всё вокруг — оно исчезло, и ни на другой, ни на третий, ни на четвёртый день найти его я не смог.

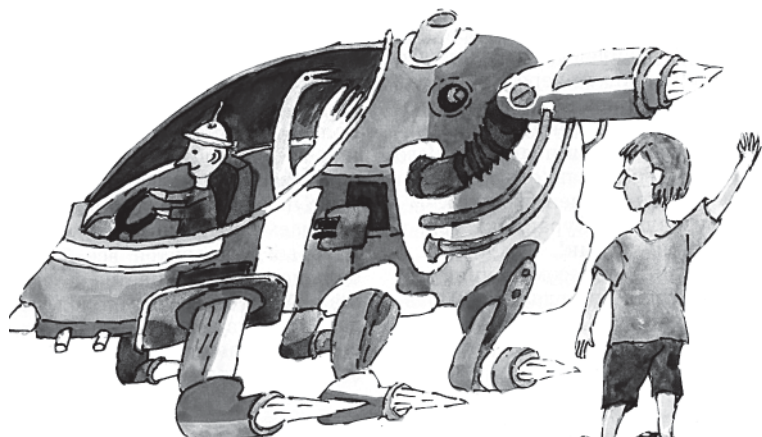

Рисунок А. Самарина

И теперь, вспоминая эту историю, я часто пытаюсь восстановить все подробности моей встречи с журавликом.

Кем же был этот белый журавлик? Пришельцем из другого мира? Живым существом или роботом, ищущим разум во Вселенной? А человек в зелёном комбинезоне — человек из будущего? А его машина — машина времени?

Я задаю себе эти вопросы и хочу найти на них ответ, но пока...

А пока в период перелёта журавлей, приезжая в деревню, я забираюсь на чердак и долго-долго смотрю в небо. Я жду своего белого журавлика и верю, что однажды утром, покружив над лугом, он опустится во двор и, постучав клювом в окно, как и тогда, снова разбудит меня. И мы опять умчим с ним по огородам на скошенные луга и, как в далёком детстве, будем играть в догоняшки.

Я верю.

Я очень хочу верить в это...

ТАМ, ЗА ОБЛАКАМИ...

С крыльца дома тёти Веры видно неширокое пшеничное поле. Оно начинается сразу за тёткиным огородом, вернее, за узкой полевой дорогой, разделяющей огород и поле. В заброшенной, населённой только летом деревеньке такая тишина, что слышно, как шумят колосья, качаясь на ветру.

Я прохожу по огороду, срывая на ходу несколько стручков уже спелого крупного гороха, и, перемахнув через изгородь, выхожу на пыльную дорогу. Огненный шар солнца в лазури небес висит прямо над моей головой. Птичье пение то слышится, то затухает. Ветерок, едва касаясь моих волос, приятно щекочет, забираясь под ворот рубашки. Благодать! Я ощущаю физическое и душевное равновесие. Хочется кричать от восторга. Кажется, ещё немного — и я оторвусь от земли...

В эту минуту я свободен. Свободен от всего на свете. От обязанности ходить на работу, от домашних забот, от телефонных звонков друзей, свободен от дум о пропитании, творческих и различных других планов. Но свободу эту, недолгую и во многом нереальную, уже поработцает мысль о том, что прекрасное моё ощущение промелькнёт как мгновение — и я опять буду скован заботами и помыслами будней.

Я быстро пересекаю неширокое хлебное поле, прохожу по берёзовой роще, выхожу на свежевыкошенную опушку, разбегаюсь и, подпрыгнув, лечу в стожок ещё зелёной травы.

Недолгое чувство полёта... Земля не хочет отпускать своего пасынка, и невидимая сила её магнитного тяготения уже влечёт меня к себе. «Лишь мгновение ты наверху — и стремительно падаешь вниз...» — мыслью пролетают в голове слова любимого барда, и я падаю на сено. Свободный полёт закончен. Как будто его и не было. А действительно, был ли он

свободным, этот невысокий полёт? И вообще, может ли быть человек свободным на планете, имя которой — Земля? Я прекрасно понимаю, что вопрос этот риторический. На него уже даны сотни различных ответов, и все они правильные и по-своему в конечном счёте неверны. Неверны хотя бы потому, что в физическом и бытовом отношении человек никогда не свободен и целиком зависит от обстоятельств. С точки зрения морали на него воздействуют законы и политика той страны, в которой он живёт. То же можно сказать и о творческой стороне жизни. Несвободны в своих суждениях очень многие, потому что часто заблуждаются в своих мыслях, и происходит это в основном только потому, что никто не знает всей правды о делах, творящихся в мире, а ещё потому, что многие зависят от суждений других. Философов, писателей, сотворённых только в твоём сознании кумиров, часто давно от нас ушедших, но сказавших однажды так-то и так-то. А были ли они, эти кумиры, сами свободны, выражая, как казалось им, свои мысли и суждения, никто сказать точно не может.

Как говорит нам история, лозунгом Французской революции были слова: «Свобода! Равенство! Братство!» Слова по сути неплохие, но совершенно абстрактные. И не потому, что пишу я сейчас эти строки так утвердительно, задним числом ведая, что случилось с организаторами тех переворотов власти, а потому, что дальше понятий о провозглашённых словах дело ни тогда, ни после не пошло. Да и пойти не могло. Абсолютной свободы в мире не существует. Разве только в умах рассудок потерявших. Или, как ни парадоксально, у людей, лишённых физической свободы. Помню, однажды, оказавшись на некоторое время на ограниченном участке территории, в весьма стеснённых условиях, я вдруг ощутил такой душевный творческий полёт, что за одну свою «болдинскую

осень» накатал и опубликовал столько стихотворений, сколько не сочинил и не напечатал за последующие десять лет.

Подобное я могу сказать и о равенстве. Его нет и быть в обществе человеков не может. Как вы себе можете представить равенство полов? Жена равна мужу? Или муж, стремящийся равняться на супругу? Равенство подчинённого и начальника? Родителей и детей?

«Все люди — братья!» — восторженно кричали когда-то господа революционеры, но прошло совсем короткое время после победы революции — и вчерашние единомышленники, вместе прошедшие ссылки, тюрьмы, делившие последним куском хлеба, не смогли поделить доставшуюся им вдруг власть и фантастические суммы денег, стали устранять друг друга. Братство, видимо, возможно только среди людей обездоленных, бескорыстно помогающих друг другу, но не среди богатых и мещан. Идеальное общество существует только в утопических романах. Это там всё по справедливости и нет никакой зависти и тщеславия. А у нас братья зачастую не могут поделить наследство родителей и становятся недоброжелателями друг другу до конца дней своих. Сестра, жена и любовница никогда не станут мне братьями. Никогда я не назову братом тестя, тещу, будущую невестку или зятя. Так преступник никогда не назовёт свою жертву, а блюститель порядка (по логике вещей) — вора «в законе». Наверное, эти лозунги были приняты и востребованы именно в своё время, теперь уже безвозвратно ушедшее. Жизнь придумала новые слова и новые песни. «Марсельезу» сменила «Таганка», где «ночи, полные огня», а теперь в России молодежь поёт о том, что «нас не догонят»...

Я же пока ни от кого не собираюсь убежать. Лёжа здесь, на скошенной и сложенной в стожок зелёной траве, я гляжу в

лазурь небес, и мысли мои и чувства, закованные в панцирь тела, но ему не принадлежащие, бьются сердечным перестуком в груди и вырываются ввысь. Синь неба приближается. Оно входит в моё сознание, поглощает и похищает его. Вспорхнувшая мысль летит в зенит, обдуваемая ветерком, отталкивает лёгкие, едва заметные белые облачка, тщетно пытающиеся преодолеть земное тяготение, и улетает в просторы Галактики. Она ищет простора и свободы. Она хочет быть принята и понята ТАМ, как не может быть принята и понята ЗДЕСЬ.

«Там, за облаками, там, за облаками...»

А может быть, не надо взлетать так высоко? А стоит только сделать один лишь маленький шаг — и ты окажешься в другом, параллельном, астральном мире, который рядом, но для тебя пока неведом и неосязаем. Как неведом и неосязаем наш мир для ребёнка, живущего в утробе матери — своей вселенной. И там, в этом неведомом пока мире, из которого (я уверен) мы были удалены за какие-то провинности, совершённые в ВЕЧНОСТИ, и куда подсознательно стремится вернуться наша душа, мы поймём, что наши помыслы были не напрасны.

А пока под коркой головного мозга живут воспоминания о будущем, всплывают дежавю и напоминают о том, что душа вечна, свободна, равна всем другим братским, созданным Всевышним душам, и зовут туда, за облака.

КРИМИНАЛЬНЫЙ ВУНДЕРКИНД

Магазин этот находился в самом центре посёлка, недалеко от зданий местной администрации и конторы лес-промхоза. Мало того, что еженощно с восьми часов вечера и до девяти утра торговая точка находилась под охраной сторожа и злой собаки, так ещё по обе стороны от неё проживали работники милиции — два участковых инспектора. Один из них нёс службу в посёлке, о котором пойдёт речь, а другой следил за порядком в соседнем населённом пункте. И, наверное, потому никому из потенциальных покупателей, милиционеров и продавцов в голову просто не могло прийти, что смешанный магазин продуктовых и промышленных товаров можно обокрасть. Но тем не менее это случилось в одну тёплую июньскую ночь. И ни сторож, находившийся в подсобке, ни дремлющая у крыльца собака на воров никак не прореагировали. Похитители без шума и скрипа открыли ставни и проникли в магазин через легко открывающуюся форточку.

В принципе, преступники украли не так уж и много: пять банок тушёнки, три бутылки водки, несколько пачек сигарет, два кулька расфасованного по одному килограмму сахара и, как утверждала заведующая магазином, коробку замороженных куриных окорочков из холодильника.

Побывавшие утром на месте преступления участковый и следователь из районного центра обнаружили на полу несколько наполовину сгоревших спичек и газету «Красноярский рабочий», датированную январём текущего года. Других следов найти не удалось. Естественно, по факту кражи из магазина было заведено уголовное дело, сторож получил строгое взыскание, а по посёлку поползли слухи

о таинственных грабителях, якобы разъезжающих ночами на иномарках и уже обчистивших несколько магазинов в округе. Не выдвигая пока никаких официальных версий, следствие сделало вывод, что в узкий проём магазинной форточки не смог бы проникнуть человек упитанный или широкий в плечах и что коробку с окорочками вряд ли можно вытащить тем же путём.

Два дня после кражи магазин был закрыт на учёт, и жители посёлка были вынуждены ездить за продуктами и мелкими промтоварами в соседнее село.

Несколько дней, кажется, и не было в посёлке больше разговоров, кроме как о магазинной краже. В последний раз магазин обворовали лет пятнадцать назад двое командировочных из города, которых взяли почти сразу — в дупель пьяными и с краденой водкой. Теперь же воров по горячему следу найти не удалось, и некоторые жители посёлка стали более надёжно запирают ворота и двери своих домов.

В воскресный день магазин, как всегда, не работал — был выходной, и разговоры вокруг кражи несколько поутихли. Однако в понедельник они разгорелись с новой силой. Ибо торговую точку обворовали ещё раз.

На этот раз унесли около трёх килограммов халвы, большую банку с селёдкой пряного просола, две куртки-«аляски» и несколько пар носков двадцать третьего размера.

На полу снова были найдены обгорелые спички, но ни следов от обуви, ни отпечатков пальцев преступников, как и в первый раз, обнаружить не удалось. Следствие зашло в тупик. Участковому объявили строгий выговор, проспавшего второй раз кражу сторожа уволили вместе с собакой, а о таинственных грабителях на «мерседесах» стали поговаривать едва ли не в каждом доме.

Магазин снова закрыли на учёт; правда, учитывали теперь недолго и открыли через день, в среду. Однако в четверг закрыли снова, ибо вконец обнаглевшее ворьё, вычислив, что через день после кражи никто их на месте преступления ждать и караулить не будет, проникли в магазин ещё раз и всё тем же путём — через форточку.

Согласно описи, с третьей ходки воры унесли ещё две «аляски» и почему-то самую ходовую килограммовую гирию.

Одно теперь и следователю, и участковому, и некоторым жителям посёлка стало ясно: в магазине ночами орудуют налётчики из числа местных, хорошо знающих как сам магазин, так и обстановку, возникшую вокруг торговой точки в последнее время. Ибо не может залётный «гастролёр» так хорошо ориентироваться в здешней среде и тем более с такой наглостью совершать кражи во время возникшего ажиотажа. Участковый в срочном порядке выехал в районный центр, где изложил начальнику РОВД план расследования и поимки похитителей товаров народного потребления.

Нельзя сказать, что руководитель райотдела милиции был в восторге от по-детски наивных задумок молодого лейтенанта, но о троекратной краже из магазина в таёжном посёлке узнали газетчики, и криминальные сообщения по этому поводу украшали страницы не только районной, но и некоторых краевых газет, а потому подполковник дал команду следственной группе рассмотреть предложения участкового.

Воодушевлённый поддержкой начальника, лейтенант всю обратную дорогу домой мысленно прорабатывал план мероприятий, которые он должен провести в течение

двух-трёх ближайших дней и каковы должны вывести его на преступников.

Однако к реализации этих мероприятий ему приступить не удалось. У ворот дома его встретила встревоженная супруга и, всхлипывая, сообщила, что из холодильника на веранде исчезла свиная голова, из которой она намеревалась приготовить холодец.

— Ты говорила кому о пропаже? — спросил жену перебившийся в лице участковый.

— Только подруге. Она пришла подсказать мне, как варить холодец, — всхлинула жена милиционера.

— Ну, всё! Завтра весь посёлок будет знать, что даже у участкового мясо из холодильника утащили!

Лейтенант присел на ступеньку крыльца и подумал о закате своей ещё, в принципе, не начавшейся карьеры.

— Почту приносили? — обратился он снова к супруге теперь уже каким-то не своим, осипшим голосом. — Что там о нас в газете пишут? Посмотреть надо.

Супруга бегом подбежала к почтовому ящику, вытащила газеты и так же бегом поднесла их мужу. Взяв в руки периодическую печать, лейтенант обнаружил внутри свёрнутых газет вырванный из тетради лист в клеточку с наклеенными на нём печатными буквами: «Свиную голову, водку, селедку и тушёнку найдёте в своей бане, в бочке с холодной водой. Если же хотите поймать настоящих воров, то срочно позвоните в уголовный розыск. Пусть проверят рынок в райцентре, где смогут обнаружить краденые куртки. Их продаёт бабка в красной вязаной шапочке».

— Бегом в баню! — крикнул он жене, прочитав послание, и, сорвавшись с места, побежал в угол двора.

Раскрыв дверь в предбанник и отбросив крышку бочки в сторону, он заметил бельевую верёвку, к одному концу которой была привязана лежавшая на полу килограммовая гирилка, а к другому — большой полиэтиленовый пакет, в котором действительно находились и завернутая в целлофан свиная голова, и водка, и тушёнка, и селёдка.

— Лёш, так они издеваются над нами...— видя такое дело, сделала заключение супруга совсем сбитого с толку участкового.

— Кто «они»? — не понял жену лейтенант.

— Кто, кто... Воры!.. Тебе срочно нужно звонить начальнику угрозыска, не то, не дай Бог, они опередят и общат, что кражи в магазине совершал ты, а краденое прятал в своём предбаннике.

Участковый вновь переменялся в лице и сломя голову помчался обратно к дому. Руки его дрожали, когда он накручивал диск телефона. К его счастью, несмотря на обеденное время, главный сыщик района оказался на месте.

— Товарищ майор,— шёпотом проговорил лейтенант в трубку и, не дав ответить собеседнику, сбивчиво рассказал о свиной голове, водке, селёдке и бабке в красной шапочке.

Начальник угро, приняв к сведению доклад лейтенанта, в срочном порядке послал к рынку двух милиционеров, дабы найти «красношапочную» бабулю и проверить, чем она торгует.

Бабулю обнаружить на рынке не удалось, но, отвечая на вопросы стражей порядка, некоторые из числа торгующих подтвердили, что указанная бабулька куртками и носками торговала два дня подряд, а сегодня, продав последнюю «аляску», примерно полчаса назад пошла на автостанцию, чтобы уехать в краевой центр, где она проживает.

Работники милиции поспешили к местному автовокзалу и вскоре нашли сидящую на скамейке и поджидавшую автобус бабушку в красной шапочке.

Увидев парней в милицейской форме, подошедших к ней с расспросами, бабушка разволновалась не на шутку. Ну а когда ей было предложено пройтись до отдела милиции, расплакалась и рассказала о том, что куртки, носки, а ещё окорочка и сигареты дала ей для реализации невестка — заведующая того самого трижды обокраденного поселкового магазина. Заведующая вручила ей и документы на право реализации товара, якобы выданные в городе. Невестка настаивала, чтобы свекровь торговала в городе, но та, чуя неладное с документами на товар, решила реализовать его в райцентре, где к городским бумагам отношение властей более доверительное.

На поверку документы, как и ожидалось, оказались поддельными.

Задержанная в тот же день заведующая призналась, что воспользовалась кражей и прибрала окорочка, носки, сигареты и куртки для себя, припрятав их до поры в подсобное помещение, а затем переправив в город. Однако она клялась всем на свете, что ни первую, ни вторую, ни третью кражу не организовывала и организовывать не собиралась. Начальник угрозыска ей поверил и глубоко задумался.

Впервые в его более чем полутрадесятилетней милицейской практике встретилось такое необыкновенное дело. Почти никаких следов на месте преступления, неожиданные и даже дерзкие повторные кражи, а затем возвращение краденого и послание участковому, наводка на заведующую и её сообщницу — всё это ставило перед угрозыском и следствием новые дополнительные вопросы.

...Все эти вопросы были сняты буквально на следующий день. С утра неизвестный позвонил на пульт дежурному по РОВД и попросил соединить его с начальником угрозыска. Когда связь была установлена, то майор услышал явно изменённую, записанную со спецэффектом на магнитофонную ленту речь-монолог. Звонивший сразу попросил выслушать его, не перебивая и не задавая вопросов, сообщив, что кражи в магазине организовал он и только для того, «чтобы вывести на чистую воду настоящего расхитителя», попросил о встрече и потребовал гарантий для своей безопасности.

— Всё будет зависеть от того, что вы мне сообщите. Я могу лишь твёрдо обещать, что приду на встречу один и никто вас в день встречи не попытается задержать,— пообещал звонившему майор.

Встреча была назначена на тринадцать часов того же дня на одной из скамеек в парке возле поселкового Дома культуры. Начальник угрозыска подъехал к парку на собственных «жигулях» за полчаса до назначенной встречи и, не выходя из машины, стал осматривать территорию, надеясь вычислить заранее идущего с ним на контакт человека. Однако это оказалось делом бесполезным, ибо контактёр, трижды ловко проникший в магазин под самым носом сторожа и собаки, рассчитал всё до тонкостей и быть «засвеченным» до поры до времени явно не желал. Недалеко от указанной скамейки, на полянке, играли в футбол мальчишки да проходили мимо пожилые женщины.

Майор понял, что пока он не расположится на указанной скамейке, никто к ней раньше него не подойдёт. Наверняка вызвавший его на разговор человек уже держал начальника угро в поле своего зрения. Майор дождался,

когда часы покажут ровно тринадцать ноль-ноль, открыл дверцу автомобиля и не спеша подошёл к одиноко ожидающей его скамейке. Звонивший, видимо, пунктуальностью не отличался, ибо в обозримом пространстве не было даже намёка на его присутствие. Неожиданно о скамейку ударился прилетевший с площадки футбольный мяч и отскочил к ногам милиционера. Майор, как в молодости, несколько раз пожонглировал им, перебрасывая с одной ноги на другую, и отправил обратно к играющим пацанам. В это время от ватаги ребятишек отделился мальчуган лет двенадцати, подхватил школьную сумку, служившую штангой для ворот, и, подбежав к скамейке, плюхнулся на неё, тяжело дыша.

«Вот некстати-то», — подумал майор и молча сел на другой край скамьи. Контактёр не появлялся.

«Может, он увидел парнишку и не рискует подойти? — мелькнула вполне логичная мысль в голове майора. — Ладно, подожду ещё пять минут, потом пройду по парку. Если ему так необходимо поговорить со мной, то обязательно подойдёт».

Тем временем, отдышавшись, мальчуган раскрыл сумку и достал из него полиэтиленовый пакет.

— Вот сахар, — сказал он неожиданно майору.

— Какой сахар? — не понял сыщик.

— Тот самый, из магазина.

Майор с интересом посмотрел на соседа по скамейке:

— Это ты мне звонил?

— Я.

— И в магазин ты проникал?

— Три раза.

— Зачем?

— Чтобы заведующую спровоцировать на новую кражу. Я знал, что она, пользуясь случаем, магазинные товары с выгодой для себя продаёт. Ищет предлог для бесконтрольного сбыта. Ну, я и решил это дело ускорить. Рассмотрел, где какой товар лежит, понял, что лучше через форточку в магазин забраться. Форточка снаружи не закрывается. Ставни тоже легко открыть...

— А собаку ты не боишься?

— Я её давно знаю. И давно хлебом кормлю, косточки ей приносил несколько раз.

— Да-а... Силён ты, братец. Детективов, небось, начитался?

— И начитался, и насмотрелся по видику.

— А как следы заметал?

— Газеты стелил на пол и шёл по ним, а когда уходил, собирал обратно...

— Понятно. Я уж про перчатки и не спрашиваю. Не боялся, что поймают на месте преступления?

— А кого бояться? Сторож всегда после двух часов ночи спать ложится и дрыхнет: из пушки стреляй — не разбудишь. А участковые на баптистов местных грешили, у них ведь дом молитвы тоже недалеко от магазина расположен.

Майор покачал головой:

— Лет-то тебе сколько, криминалист?

— Осенью тринадцать будет. На уголовное дело по возрасту ещё не тяну.

— А если я тебя в детприёмник оформлю, а родителей оштрафую? Тогда как?

— Не сделаете вы этого. Я ведь вам помог расхитительницу поймать и ещё, может, не один раз помогу. А родители ни при чём, они ничего и не знают.

— Сыщиком мечтаешь стать?

Мальчуган кивнул.

— Как Шерлок Холмс?

— Как лейтенант Коломбо.

— Ну а зовут тебя как, Коломбо?

— Василий. Мы в посёлке всего два года живём. Из Казахстана переехали.

— Там тоже милиции помогал?

— Было дело...

— Ну ладно, Василий. Сахар я в отдел отнесу, приобшчу к делу, а ты домой поезжай. Понадобисься — я сам тебя найду. Доберёшься самостоятельно?

— Доберусь. На автобусе. Школьников бесплатно сейчас по району возят.

Майор пожал мальчугану руку. Тот несколько смутился и опустил глаза.

— А я не выдержал и халву магазинную съел. Можно, я потом заплачу за неё — попрошу у отца и отдам?

Начальник угрозыска улыбнулся и легонько похлопал его по плечу:

— Ступай. Учись хорошо и больше, не посоветовавшись со мной, никаких противозаконных мер не принимай. Ладно?

Василий кивнул, улыбнулся и, повернувшись, бодро зашагал в сторону автобусной остановки.

ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ

У МЕЛЬНИЦЫ

Накануне наступления у рядового Лохова разболелись зубы. Всю ночь мучался мужик: с боку на бок переворачивался, и пепел, и махру прикладывал — не помогало. Лишь перед самым рассветом, чуть отпустила боль, одолела его дремота. И приснились ему эти самые зубы. Будто выпали они все сразу, и выплюнул он их на ладонь, а второй ладонью вытер кровь с лица. Проснулся Лохов весь в поту, ощупал челюсть: вроде все зубы на месте и как будто уже и не болят. Подивился Лохов странному сну, повернулся на другой бок и снова уснуть попробовал. На этот раз увидел он во сне брата своего младшего, Васятку. Приснился ему тот самый случай из детства, когда Петька Марченко отобрал у шестилетнего Васятки туесок со смородиной. Обнял тогда Лохов младшего братишку, прижал к себе, погладил по белокурым волосам.

Вновь проснулся в поту боец, перекрестился украдкой, осмотрел землянку. Спят вроде бы все. Толкнул легонько похрапывающего рядом Марченко. Вместе воевали односельчане, в одной роте, с самого призыва в действующую армию, с августа 1941-го.

— Ну чё тебе? — нехотя отозвался Марченко. — Болят всё?

— Да вроде тише. Уснул даже... Петро, ты, случаем, не знаешь, к чему зубы снятся? И кровь?

— Да бес их разберёт, сны эти, — сказал Марченко, укладываясь поудобнее. — Думаешь про них, вот и снятся. Говорили раньше: кровь видеть — к родне. А где её здесь, родню-то, увидишь? Во сне разве что...

— А я во сне Васятку нашего видел,— проговорил Лохов.— Где сейчас он? Ни слуху ни духу. Мать в письме писала, что ещё в конце сорок первую бумагу получила: без вести пропал, мол... Так больше ничего и неизвестно. Слышь, Петро? А, Петро?..

Лохов хотел сказать ещё что-то, но оттуда, где лежал Марченко, уже слышалось лёгкое посапывание.

...Наступление в самом начале развивалось довольно успешно. Они преодолели две линии траншей неприятеля и вышли к третьей. Их группа человек из десяти, во главе с командиром роты старшим лейтенантом Зубаревым, решила зайти к противнику с фланга. Они уже пересекли лесную дорогу, берёзовую рощу и незамеченными побежали по открытой местности, представляющей собой низину у подножия холма с мельницей. Когда же до мельницы оставалось всего ничего — метров пятьдесят, оттуда неожиданно застрочил пулемёт. Лохов с разбегу плюхнулся наземь и, пропахав носом добрых полметра, замер, раскинув руки, крепко зажмурив глаза.

Минут пять-шесть было тихо. Слегка приподняв голову, Лохов обнаружил, что находится за небольшим пригорком, а чуть сзади него — Марченко и командир роты.

— Вот сын собачий,— проворчал сквозь зубы Зубарев,— ловко, шельмец, нас уложил. Теперь всё коту под хвост — вся атака наша... И ни хрена, главное, не придумаешь: ни назад, ни вперёд не дёрнешься.

Минут на пять снова наступила тишина. Затем её нарушила короткая пулемётная очередь, и кто-то вскрикнул, вскинув руки вверх.

— Не высовываться! — что было мочи заорал Зубарев.

С мельницы снова послышался пулемётный треск, и стая пуль, взрыхлив землю, окопалась на вершине пригорка, прямо над головой Лохова.

— У, мразь, лихо замаскировался,— выбрав ещё пару крепких выражений, выругался командир роты.— Как тебя выкурить оттуда-то?..

Зубарев осторожно, но внимательно стал осматривать местность. Казалось, будто время застыло, и, прежде чем ротный проговорил следующую фразу, Лохову показалось, что прошла целая вечность.

— Слушай, Марченко,— наконец голос командира разорвал звенящую тишину,— сможешь пробраться вон к тому пню?

Зубарев кивнул на широкий обгорелый пенёк метрах в двадцати от мельницы.

— Понимаешь, надо засечь его, гада. Он пока на тебя внимание переключит, я в это время его вычислю...

— Я... я сильно крупный... Он меня сразу накроет,— сказал, пряча глаза, грузный Марченко.

— Да, верно,— согласился Зубарев.

Ещё с минуту помолчали.

— А может, ты, Лохов? — снова проговорил Зубарев.— Ты и порасторопней. Я, конечно, приказывать не буду, сам видишь, положение какое... Только прошу: выручай, браток.

— Что ж, можно и попробовать,— согласился, словно выдавливая из себя слова, Лохов и глянул на Марченко.

Тот отвёл взгляд.

— Молодец,— похлопал его по голяшке сапога Зубарев.— На, возьми мой пистолет, а мне свою пушку передай.

— Ты, Петро, чуть чего — матери напиши, ладно? — попросил, обращаясь к земляку, Лохов.

Марченко кивнул и снова отвернулся.

— Ну, давай, милоч,— подбодрил Лохова командир роты.— Сейчас мы его сбросим оттуда...

Лохов «прошёл» на брюхе добрую половину пути, а пулемёт всё молчал. «Выцеливает, гад. Хочет, чтоб наверняка, чтоб сразу точняком прихлопнуть». Преодолев ещё несколько метров, Лохов осмотрелся: до пня оставалось метров восемь-девять. Пулемет молчал по-прежнему, и он решил рискнуть — вопреки здравому смыслу резко поднялся и, пригибаясь, побежал. Он не помнил, как достиг цели и «приземлился» у самого пня. В себя он пришёл только тогда, когда услышал над головой посвистывание пуль и почувствовал, как на каску его и гимнастёрку посыпались щепки от пня. Лохов попробовал было пошевелиться, но новая свинцовая порция прошила обгорелый пенёк и заставила его прижаться к земле ещё теснее.

— Что, не удался номер? — послышалось откуда-то сверху.

И послышалось так неожиданно, что Лохов даже вздрогнул.

— Теперь-то ты у меня на самом крючке, браток.

На несколько секунд в воздухе вновь повисла тишина.

— Чего молчишь? Наложил, небось, в штаны со страху-то?

Теперь сомнений не было: кричали с мельницы. И кричали чисто по-русски. Лохов чуть приподнял голову. Пулемёт молчал. Вдруг Лохову захотелось ответить кричавшему, и он отозвался:

— А о чём мне говорить с тобой, сволочь фашистская?

— Ну, хоть помолись вслух перед смертью. Маму вспомни...

— Незачем мне молиться... Неверующий я...

— Атеист, значит. А может быть, ещё и большевик-коммунист?

— Да нет, не коммунист. О чём сейчас очень сожалею.

— Сочувствующий, значит? Ну-ну. Недолго тебе сочувствовать осталось. Так беспартийным и помрёшь. Я об этом позабочусь, не сомневайся.

— И как тебя такого земля держит? — Лохов приподнялся ещё больше, почти присел. — А ведь мать-то тебя, наверное, в России рожала, да ещё и мучилась, как все русские бабы.

— А ты мою мать не трожь. Не тебе судить о ней, понял? Такой женщины, как она, во всём районе нашем, да и по всему низовью Бирюсы нету, не было и не будет. Ясно?

— Врёшь!

— Чего?

— Врёшь, говорю, сволочь, что в низовьях Бирюсы родился! Твои земляки за Одером на Гитлера молятся...

— И тем не менее, браток, родом я с берегов сибирской речки Бирюсы, и деревня моя Родники называется. Слыхал, может?

Лохов вскочил как ужаленный.

— Собака! Холуй немецкий! — закричал он не своим голосом. — Да в нашей деревне не было предателей и не будет, понял?

— Лохов, ложись! Лохов! — послышался сзади окрик ротного.

Лохов на секунду обернулся. Зубарев бежал к нему, одной рукой прижимая к груди автомат и размахивая другой. В это время под крышей мельницы мгновенно приоткрылась створка окна, и блеснул ствол пулемёта. А ещё через секунду короткая очередь уложила командира роты наземь.

Но этих мгновений и секунд хватило Лохову, чтобы сориентироваться, выхватить из-за голяшки сапога пистолет и дважды выстрелить. Пулемёт умолк. Вторая створка мельничного окна со скрипом отворилась, и из оконного проёма выпала человеческая фигура в чёрной военной форме, с обнажённой головой.

Лохов молча подошёл к убитому, перевернул труп на спину. Перед глазами поплыли круги. Он машинально

присел на корточки и легонько провёл ладонью по окровавленному лбу и белокурым волосам убитого. К мельнице подходили оставшиеся в живых бойцы. Ковыляя и прижимая ладонью правой руки раненое плечо, подошёл Зубарев.

— Власовец, мать его,— пробормотал он.

Лохов продолжал теребить рукой волосы покойника.

— Лохов, ты чего? Чего ты? Сдурел, что ли?.. А ну встань! Встань сейчас же!.. Живо! Встать! — закричал старший лейтенант.

Двое солдат взяли Лохова под руки, подняли, отвели в сторону.

— Товарищ старший лейтенант, так ведь то брат же его,— тихо сказал Марченко, перевязывая рану ротного.

— Брат? Какой ещё брат? Ты что, Марченко? Какой такой брат? Лохов...

На глаза Лохова навернулись слёзы. Зубарев присел на пригорок, одной рукой с трудом отстегнул от ремня фляжку и сделал два длинных глотка, поморщился, затем, с трудом поднимаясь, прохрипел:

— В походную колонну... По двое!

Марченко взял Лохова под руку, поставил рядом с собой.

— Бегом — м-марш! — скомандовал Зубарев.

Они побежали, с каждым шагом всё дальше и дальше удаляясь от мельницы. А налетевший невесть откуда лёгкий летний ветерок тихонько коснулся белых Васькиных волос, потрепал их, качнул доселе неподвижные крылья ветряной мельницы и отозвался скрипом в жерновах...

ТАРАН

Так получилось, что машину младшего лейтенанта Степашкина подбили в первом же бою, мало того — почти с первого же выпущенного со стороны противника снаряда. Снарядом разорвало гусеницу, и вдобавок к этому, пока танк, как выразился впоследствии командир танкового батальона майор Ребров, «выписывал кренделя и выделявал выкрутасы вокруг собственной оси», механик Гусев сжёг сцепление.

— Молодец! — «похвалил» Степашкина после боя комбат.— Хорошей мишенью был ты для фрицев. И механик твой — тот ещё гусь, из штрафничков, тоже подражания достоин... Так вот, лейтенант, что ты и как будешь делать, меня мало волнует. Даю тебе ночь на ремонт. Бери своего «гуся», а наводчика с заряжающим откомандируй в распоряжение зама по тылу, вдвоём справитесь. Завтра в девять ноль-ноль чтоб был в тридцать четвёртом квадрате. И чтоб у меня без опоздания, ясно? Опоздание будет расцениваться как дезертирство. Всё!..

Проводив взглядом колонну уходящих боевых машин, командир танка и механик взялись за ремонт техники. Ремонт давался тяжело. У Гусева ничего не клеилось: то ключ выпадал из рук, то гайка не хотела выворачиваться, то болты никак не шли по резьбе. При этом механик-водитель «тридцатьчетвёрки» погибал такой многоэтажный мат, вспоминая всё и вся на свете, что у вчерашнего студента-физика Алёши Степашкина невольно краснели уши. Спать не пришлось. Когда стемнело, работали при свете костра, а то и на ощупь. Где-то уже перед самым рассветом Гусеву наконец удалось завести машину

и сделать пробный объезд вокруг опушки. Вылезая из люка, Гусев улыбнулся перемазанной физиономией и поднял вверх большой палец правой руки: порядок, мол. Наскоро умывшись и перекусив, они двинули грозную боевую технику по указанному комбатом маршруту. Дорога шла негустым лесом, затем вывела к не паханым второй год полям. Местность стала несколько ровнее, и они, обогнав колонну пехотинцев, прибавили оборотов. Незаметно для себя Алексей задремал. И проснулся от резкого толчка, вернее, от удара шлемофоном о корпус танка, когда машина резко остановилась, а двигатель заглух.

— Что, Гусев? Опять?! — выкрикнул Степашкин, обращаясь к механику, и приготовился к самому худшему.

— Да нет, — успокоил его механик-водитель, — с двигателем, слава Богу, всё в порядке. Тут другое. Какой-то придурак на трофейном «мерседесе» обогнал нас и ходу не даёт, автоматом тычет... Чё ему надо, не пойму!..

По башне постучали. Алексей приподнялся и, откинув крышку люка, высунул голову наружу. Над ним стоял человек в форме офицера Красной Армии. Ствол автомата, висевшего на правом плече стройного капитана, «смотрел» прямо в переносицу Степашкину.

— Фамилия?! — резко крикнул капитан.

— Чья? Моя? — Алексей растерялся на секунду, но тут же поправился и громко произнес: — Младший лейтенант Степашкин!

— Я капитан Скворцов из штаба дивизии, — отрекомендовался стоявший на башне офицер и тут же добавил в приказном порядке: — Вот что, лейтенант, разворачивай оглобли на двадцать третий квадрат.

— Зачем?

— Потом объясню. Сейчас нет времени. Каждая минута дорога.

— Мы не можем,— сказал, высовываясь из своего люка, Гусев.— Нам приказано в девять ноль-ноль при-быть на место дислокации.

— Какая там дислокация?! — капитан замахал перед лицом Алексея стволом автомата.— Приказ комдива не обсуждается. Там немецкий танк прорвался на нашу территорию и щёлкает артиллерийские расчёты, как орешки. А ты тут мне базар разводишь. Живо разворачивай машину, говорю! Не то я тебя, лейтенант, под трибунал отправлю!

— Товарищ младший лейтенант! Так ведь это же диверсанты! Ей-богу, диверсанты! — сказал Гусев, вы-бравшись из люка и поднимаясь во весь свой громадный рост.— Разрешите обезоружить?!

— Я тебе обезоружу, падла! Только попробуй! — ка-питан спрыгнул на землю и вскинул ППШ.— Перестреляю, как куропаток!

От стоявшего наперерез «мерседеса» подошёл водитель.

— Да вы что, мужики? С ума посходили, что ли? Нам комдив лично приказал перехватить какой-нибудь танк или самоходку и — срочно на вторую линию. Каждая ми-нута дорога, а вы здесь спорите...

— У меня ведь всего два снаряда,— сказал неуверен-но Алексей,— и ни наводчика, ни заряжающего...

— Да мы его одним шлёпнем, лейтенант,— проговорил, уже успокоившись, капитан и снова забрался на башню.— Я сам артиллерист, за заряжающего пойду... А немца мы быстро вычислим: ему одна дорога — километра полтора

отсюда влево тракт проходит. Он по нему пойдёт... Давай, Женин, показывай путь! — крикнул он шофёру.

Гусев молча посмотрел на командира. Тот кивнул:

— Следуй за «мерседесом».

Механик, матерясь сквозь зубы, полез обратно в люк.

— Что, из штрафбата этот фрукт? — спросил капитан про Гусева, устраиваясь в «купе» заряжающего.

Алексей кивнул.

— Я их насквозь, голубчиков, вижу, таких вот. У меня был тоже один такой — не то директор макаронной фабрики, не то начальник с мыльного завода... Сидел за вредительство. А тут срок, что ли, кончился — его ко мне в дивизион... Ох и помучился я с ним. Он все мои приказы сомнению подвергал, иронизировал по каждому пустяку. Кое-как «сплавил» его в другой дивизион...

— А что там за танк прорвался? — перебил Алексей.

Гусева он уважал и за возраст, и за смекалку, и за исполнительность. До того как попасть по статье «за вредительство», Гусев работал инженером на одном крупном заводе и, как выражался комбат Ребров, «рубил в технике» не хуже конструктора. Ну а что ругался безбожно, так это...

— Да хрен его знает, танки эти... Лёгкий такой, манёвренный и, главное, понимаешь, без снарядов. Смертник, что ли? Но виртуоз, ничего не скажешь, прошёл к нам незаметно. Знал, видимо, гад, где что. Тут как раз мы передислоцировались, снаряды начали вывозить — и он как на лыжах. Да и до штаба дивизии недалеко...

...Алексей первым увидел вражеский танк. Вынырнув из-за молодого березнячка, тот шёл по трассе напрямиком на них на большой скорости.

— Капитан, готовь снаряд! — крикнул он.

— Слушаюсь, товарищ лейтенант! — капитан сунул снаряд в казённый, глаза его светились, в голосе чувствовалась весёлая злость. — Готово!

Алексей поймал танк в треугольник прицела.

— Гусев! Короткая!

Машина шла на тех же оборотах. Гусев, видимо, не услышал его команды.

— Короткая, Гусев! Короткая остановка, говорю! — заорал что было мочи Степашкин.

Танк резко остановился, и Алексей непроизвольно нажал на рукоятку спуска. Снаряд прошёл мимо.

— Ах, лейтенант, лейтенант, — всплеснул руками капитан.

Алексей энергично крутил рукоятку поворота башни, пытаясь удержать цель в поле зрения.

— Заряжай второй, капитан! — крикнул он, не отрываясь от прицела.

Капитан возился с затвором.

— Что там?

— Да гильза не выходит! Заклинило! — капитан стучал молотком по гильзе.

— Вот хреновина!..

— Ну что там у вас? — крикнул из своего «отсека» Гусев.

— Гильза не выходит...

— Ну, мать вашу, вояк таких, — Гусев зло сплюнул. — Крути башню, лейтенант.

— Что? — не сразу понял Алексей.

— Башню разворачивай стволом назад, тебе говорю! — громко и зло крикнул Гусев и резко взял с ходу.

Алексей, догадавшись о намерениях механика-водителя, стал быстро крутить рукоятку поворота башни. Ничего не понимающий капитан схватил его за плечо:

— Куда?! Ты что, лейтенант, бежишь?! Бежишь, что ли?! А ну назад! Назад! Я тебе приказываю!

— Уйди! — Алексей резко дёрнул плечом.

Расстояние между «тридцатьчетвёркой» и вражеской машиной стремительно сокращалось. Предчувствуя сильный удар, Алексей зажмурил глаза. Время, казалось, остановилось. Шли долгие секунды, но удара всё не было. Алексей снова открыл глаза и увидел в смотровую щель башни совсем близко развернувшуюся боком и пытающуюся уйти от атаки в лоб вражескую машину. Четыре белых треугольника, в сумме представляющие собой крест, выделялись на фоне башни. В это время последовал удар. И всё-таки он был неожиданным. Алексей на короткое время потерял сознание, а когда пришёл в себя, понял, что ничего не слышит. Он не помнил, как открыл люк и как выбрался наружу. Сквозь чёрный дым был виден лежащий на боку с разорванной гусеницей немецкий танк. Катки его слабо крутились. Неожиданно откуда-то из-за трансмиссии показался немецкий танкист с окровавленным лицом. Он тщетно пытался поднять зажатый в руке пистолет. Как автомат капитана оказался в его руках, Степашкин не помнил. Не помнил он и того, как, вскинув автомат, разрядил почти весь диск в немца. Он продолжал бы стрелять ещё и ещё, если бы Гусев не вырвал из его рук оружие и пару раз не потрянул за грудки. Слух и сознание вернулись вместе с рокотом мотора приближающегося «мерседеса». Гусев же тем временем вытянул из люка заряжающего капитана и лёгкими шлепками по щекам приводил его в себя.

— Классная работа! — заметил, слегка присвистнув, водитель «мерседеса» Женин, рассматривая перевернутый танк.

Капитан, уже оклемавшись, попытался улыбнуться.

— Ну, лейтенант, нам теперь по ордену точно выпишут,— сказал он, похлопав свободной рукой по плечу Алексея.

Артиллерист в жизни был оптимистом. Ещё через минуту он уже тряс Алексея за плечи и кричал ему в ухо, что они герои.

Перед глазами Степашкина стоял немец с окровавленной физиономией.

— Слушай, капитан, отойди от меня...

— Что?!

— Пошёл ты... говорю! — выкрикнул Алексей.

— Ну, пацан! Слюни распустил. Заплачь ещё! Маме пожалуется! — капитан сплюнул и спрыгнул на грешную землю.— Поехали, Женин. Что с детьми разговаривать? Ему ещё в бирюльки играть, а его воевать заставили, Родину защищать...

Захлопнув за собой дверцу машины, капитан крикнул в сторону Степашкина:

— Пойми ты, пацан, здесь война. И если бы ты не убил этого фрица, то похоронку принесли бы твоей матери!

Алексей молчал. «Мерседес» почти бесшумно откатил. Гусев проводил его взглядом, а затем попробовал запустить двигатель. Это ему удалось, хотя и не с первого раза.

— Можем следовать дальше, товарищ младший лейтенант,— сказал он Степашкину.

— Полчаса до девяти ноль-ноль осталось. Как думаешь, успеем? — спросил его тот.

— Если через поле и лесок махнём, то успеем, — заверил механик-водитель.

...Когда они въехали в расположение танкового батальона, Гусев вдруг остановил машину и улыбнулся...

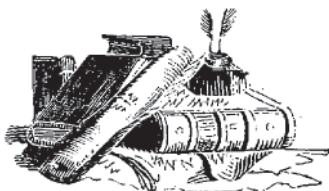
— Ты что? — спросил его Степашкин.

— Да так... Ничего... Вспомнил, как вы капитана этого... Я первый раз от вас такое слышал.

— Я тоже, — сказал Алексей.

И оба громко рассмеялись.

Кижа, Усть-Удинский район Иркутской области, 1988

МОЯ ВЕРОНИКА

Повесть

Когда стрелки часов приближаются к двенадцати и бледный месяц заглядывает в наполовину замёрзшее окно, Вероника, откинув одеяльце, осторожно встаёт. Крадучись, на цыпочках, чтобы не разбудить меня, она идёт в противоположный угол комнаты, туда, где возле телевизора стоит наша ёлка. Я не сплю: лежу с открытыми глазами и слежу за каждым её шагом. Подойдя к ёлке, Вероника садится на корточки напротив игрушечного Деда Мороза.

— Здравствуй, Дедушка Мороз! — обращается к нему вполголоса Вероника. — Мы с тобою не виделись долго-долго — целый год! Сегодня на тебе новая красивая шубка, совсем не такая, как в прошлом году, у бабушки. Ты снова принёс подарки? Не хитри, дедушка, не улыбайся, я уже не маленькая и знаю, что под Новый год игрушечные Деда Морозы оживают и раздают детям подарки. Пока дети спят... А знаешь что, дедушка: подари подарок и моему папе. Ну и что, что он большой? Подари ему жужжащую бритву, а то он бреется такой, которая режет лицо, и у него потом идёт кровь. Знаешь, какой мой папа добрый-предобрый, хороший-прехороший. Мы с ним ходили в парк, катались на карусели и ели мороженое, а потом он купил мне куклу Алёнку и маленькую кроватку. А летом мы с ним поедem далеко, на море, и папа покажет мне настоящего дельфина, а может быть, мы даже увидим большого кита... такого большущего-ребольшущего... Подари... Ладно?

Я представляю, как сейчас смотрит Вероника на игрушечного Деда Мороза: пристально, чуть прищурив глаза. Так смотрит она и на меня, когда что-нибудь просит купить. Причём просьбу она всегда заканчивает словами: «А, папа?..»

Папа... Подумать только, не прошло и полгода, а я уже привык, что меня называют папой. А тогда...

Тогда, когда я приехал в этот город...

Однако, чтобы было понятно многое, мне всё-таки лучше начать рассказ с дождливого осеннего сентябрьского дня, когда я познакомился с Надей.

Я хорошо запомнил тот день, ту долгую осень — большей частью тёплую, но иногда с продолжительными, по нескольку дней морозящими дождями. Осень, ставшую поворотной в моей судьбе.

Итак, была осень, конец сентября — время тихой светлой грусти и пожелтевшей листвы, когда думается возвышенно и непременно с оттенком чего-то утраченного безвозвратно, но больше всё же о хорошем: да, уже что-то прожито, но главное, лучшее и долгое в жизни, верится, всё же впереди.

В тот день я долго бродил по городу, а когда заморосил дождь, решил зайти в парк, надеясь переждать под крышей деревянной летней эстрады.

Ещё, казалось, недавно наполненный музыкой, гамом, криками детворы, скрипом качелей, теперь городской парк пуст и уныл.

Порывистый ветерок беспощадно срывает пожелтевшие листья с молодых тополей и кружит их по аллее, капли мелко морозящего дождя расходятся кругами в лужах на асфальте, и промокшие, озябшие воробьи жмутся под козырьком павильона.

Да, уже настоящая осень.

Я прохожу мимо застывшей карусели, направляюсь к летней эстраде; вот и она. Я поднимаюсь по ступенькам на сцену и

вижу девушку, она тоже укрылась здесь от дождя, но не теряет времени даром — что-то одиноко и тихо поёт под гитару.

— Вам грустно? — спрашиваю я девушку.

Она поднимает голову. Пальцы уверенно продолжают перебирать струны. Русые волосы разбросаны по плечам, в больших голубых глазах лукавые искринки.

— Нет, — выдержав паузу, говорит она. — Просто сегодня мой день... День моего рождения.

— От души поздравляю! — я протягиваю ей ветку клёна с ещё не опавшими листьями. — Наконец-то и я отыскал человека, который родился со мной в один день...

Девушка благодарно улыбается, а я замечаю, какая красивая у неё улыбка.

— Спасибо, — говорит она. — Значит, мы с вами просто счастливые люди, ведь не каждому удаётся родиться в такой день — день увядания осени...

Я сажусь напротив.

— Хотите, я вам спою? — предлагает она.

— Хочу.

Она поёт весёлую шуточную песню, и мы смеёмся.

— Автор песенки Новелла Матвеева. Знаете такую поэтессу? — спрашивает девушка.

— Знаю, — говорю я. — Слышал даже кое-что в авторском исполнении. А хотите, я вам что-нибудь из Визбора спою? Слышали про этого автора?

— Слышала, — кивает она и напевает: — Милая моя, солнышко лесное...

— Где, в каких краях встретишься со мною?.. — подхватываю я, и мы поём уже в два голоса.

Гитара переходит в мои руки, потом снова к ней, затем опять ко мне...

Девушка поёт о куколке-бедняжке, а я всё смотрю и смотрю на неё и не могу насмотреться. Она красива! Как она красива! Как всё в ней красиво: и голос, и движенья, и песни, которые она поёт... А как она их поёт!

На душе у меня уже тепло, хорошо и спокойно, и мир, сжавшийся до размеров этой вот эстрады, становится светел и прекрасен, и притихает как-то сразу нудный дождь, не беспокоит прохладный ветерок, а тяжёлые свинцовые тучи на небе редуют.

— Давайте прогуляемся, — говорит она, когда наступают неожиданная минутка молчания.

Я соглашаюсь, хотя не очень-то хочется уходить с уютной эстрады опять под дождь.

— Давайте.

— Вот и хорошо.

Она берёт гитару, подаёт мне руку, и мы, спрыгнув на землю, идём по устеленной листопадом, умытой дождём мокрой аллее навстречу уже не так часто морозящему дождю.

Мы бродим по широким улицам большого города, промокшие, подолгу стоим у витрин магазинов и, смеясь, прыгаем через лужи на асфальте. Нам не надо никаких зонтов, мы просто не думаем о них, а пожилые прохожие, прикрывшись от дождя зонтиками, как рыцари от стрел щитами, смотрят на нас, и некоторые из них не скрывают улыбок... Наверное, они вспоминают свою молодость...

— Тебе не холодно? — спрашиваю я, когда мы выходим на центральную площадь города.

— Нет, ведь твоя рука крепко сжимает мою.

Как-то вполне естественно и незаметно мы переходим на «ты». Она называет своё имя. Оно коротко и красиво слетает с её губ, и я немного теряюсь, прежде чем произнести своё.

— Ну вот и познакомились,— говорит она.

Между тем, чтобы совсем не промокнуть, мы заходим в молодёжное кафе, что под городскими часами. Я заказываю две чашечки кофе и шоколад. Она, обжигаясь, пьёт горячий кофе, а я снова с восхищением смотрю на неё: лицо, пылающее розовым румянцем, руки, ещё не совсем согретье от холода; слушаю её голос и не могу представить, что знаком с этой девушкой всего каких-то полдня.

«Ты знаешь её давно... Очень давно... Ты знал её всегда, и она всегда была с тобой — в твоих мечтах и снах. Ты долго искал её, а она была рядом. Ты проходил мимо неё, но не видел. Ты искал и не находил... И вот наконец нашёл. Нашёл... Это именно она, та, что снилась тебе не один раз, приходила и оставалась с тобой до рассвета, а потом исчезала... И вот сейчас она рядом с тобой, наяву, и ты должен сделать всё, чтобы не потерять, не упустить её, не дать ей исчезнуть... Не упusti, слышишь? Не упusti!..» — шепчет мне голос ликующей души моей.

— Подожди минутку,— говорю я и, встав из-за стола, выбегаю на улицу.

Через минуту возвращаюсь с букетом гвоздик.

Она удивлена.

— Сегодня твой день,— стараюсь быть спокойным я.

— Однако у тебя тоже праздник, и половина букета по праву твоя.

Я беру её руку. Она смотрит мне в глаза, словно пытается что-то понять, а потом склоняет голову на моё плечо.

Вот так я познакомился с Надей.

Я учился тогда на последнем курсе архитектурно-строительного института. В свои двадцать пять имел уже за

спиной, как полагал, немало: три года детского дома, год работы на стройке, два года армии,— и вполне резонно считал, что кое-что в жизни уже повидал.

До тринадцати лет, даже почти до четырнадцати, я был обыкновенным, нормальным ребёнком, жил, как большинство детей, с родителями и даже бабушкой и учился в обычной школе. Правда, в нескольких обычных школах. Ничего необычного в то время не было в том, что родители мои были романтиками — строителями, вернее, мостостроителями,— и кочевали по стране в поисках духа романтики, строили железнодорожные и автомобильные мосты через большие реки Урала и Сибири и, естественно, возили меня с собой. До седьмого класса я сменил три школы, а родители построили несколько мостов. И отец, и мама работали, как они выражались, на переднем крае — на передовой — и порой не бывали дома по несколько недель. Я рано привык к самостоятельности, воспитывался рядом с такими же, как и я, соседскими ребятами — детьми мостостроителей. Бывало, жил в семье у соседей, а иногда случалось, что дети друзей моих родителей жили у нас.

Я учился в пятом классе, когда умерла бабушка, а потом, спустя два года...

Событие, изменившее всю мою дальнейшую жизнь, случилась, когда я перешёл в седьмой класс. «Производственная трагедия», как потом было написано в газете, произошла летом. В июне неожиданно в реку упал новый пролёт моста. Как потом установила приехавшая из Москвы комиссия, строители всё делали по технологии, нарушений при монтаже не было, но установленный за сутки до трагедии и практически уже испытанный новый пролёт нового моста почему-то всё же упал. Рухнул он в самый разгар рабочего дня, когда на нём находились люди и некоторая техника. Видимо, не выдержал

нагрузки. Среди работающих там в то время людей были и мои родители... Их так и не нашли. Ни отца, ни матери не было ни среди выплывших, ни среди тех, кого выловили потом, спустя несколько дней, ниже по течению. После трагедии на мосту без родителей, как говорили — сиротами, остались четверо детей. Самому старшему было пятнадцать. Паренька взяла под свою опеку бригада монтажников, устроив его в городское профтехучилище — учиться на монтажника. За двумя другими, братом и сестрёнкой, приехали родственники и увезли куда-то, подальше от места трагедии. А я попал в детский дом. Родственников, желающих взять меня на воспитание, не нашлось. Да я, откровенно говоря, и не знал, есть ли они у меня. Родители мои познакомились в начале пятидесятых. Отец потерял родителей в войну, в то же время жизнь разлучила его с единственным братом, о котором я только слышал в раннем детстве. А мама была единственным ребёнком у бабушки. После того как родители закончили учёбу и стали строить мосты (на стройке они и познакомились), а затем появился я, бабушка, выйдя на пенсию, оставила свой дом в деревне и приехала жить к нам. Других родственников я не знал. До пятого класса я всегда видел только её, а когда бабушки не стало, привыкал к самостоятельности, проводив родителей на стройку, один.

Смерть родителей и детский дом изменили мою жизнь, сделав из общительного в детстве мальчишки замкнутого в отрочестве человека.

Я не стану рассказывать подробно о моей жизни в детском доме, годах армейских и даже студенческих, ибо они, в общем-то, мало имеют отношения к этому повествованию. И думаю, что буду прав, если скажу, что упоминание о моём детстве и юности для дальнейшего рассказа нужно, но не более чем.

Наверное, с тех самых юных лет, когда я оставался надолго без родителей, мне стало нравиться одиночество, тогда и появилась привычка бродить одному по улицам города, один на один со светлыми мыслями. Эта привычка — думать о хорошем, прогуливаясь по городу, — осталась у меня, и когда я стал взрослым. Иногда, когда ко мне приходило неожиданное вдохновение, я записывал в тетрадку стихотворные строчки. Поэтому себя я не считал, желанием непременно почитать кому бы то ни было свои сочинения не горел, а потому никому не показывал свои вирши. Некоторые из стихотворений я пытался сопровождать аккордами под гитару и даже напевал негромко. Никому я не хотел демонстрировать и своего песенного творчества. А вот любовь к спорту я никогда не скрывал. Со школьного детства я любил бегать эстафеты, стайерские дистанции и играть в футбол. Футбол не оставлял ни в детдоме, ни в армии, а в институте даже играл за студенческую команду.

За время учёбы я ни разу ни с кем из студентов и студенток не поссорился. Может быть, потому, что с первого дня был избран старостой и имел определённый авторитет среди остальных — на два, а то и на три года помладше меня — ребят. Может быть, потому, что был постарше, я так и не сблизился толком ни с кем из ребят своей группы ни в институте, ни в общежитии. Не складывались у меня дружеские отношения и с девушками. Правда, в то время в архитектуру и строительство девушки шли нечасто, всё больше предпочитали педагогику и медицину. Нельзя сказать, что я совсем не смотрел в сторону противоположной мне половины рода человеческого. Смотрел, и мне иногда нравились некоторые скромные на вид студентки и даже молодые преподавательницы, но не более чем нравились. Я продолжал сочинять стихи и песни. С возрастом они были всё больше и

больше о любви. Однажды я понял, что делаю это только для того, чтобы встретить её и не пройти мимо. Я ждал её и знал, что она должна вот-вот появиться в моей судьбе, встретиться на жизненном пути и этой встречи мне никак не миновать. Несколько раз я приходил на студенческие дискотеки, но атмосфера их мне не очень нравилась, а потому в часы нахлынувшей меланхолии и светлой грусти я предпочитал вновь и вновь бродить по улицам и скверам города, часто ходил в театры, библиотеки, на концерты авторов самодельных песен — близких мне по духу людей. Но она не появлялась и не встречалась мне ни на пешеходных дорожках улиц, ни на скамейках скверов, ни в фойе или партере театров, ни в концертных залах, ни в библиотеках. Время шло, а она никак не появлялась. Но я упорно продолжал свои прогулки и верил, что предчувствие не может меня обмануть.

Нередко я заглядывал в городской парк, что был недалеко от медицинского института.

Как тогда, в тот день...

А Надя училась в медицинском...

Жила она с мамой, Ниной Петровной, в однокомнатной квартире панельного пятиэтажного дома. Нина Петровна работала медицинской сестрой в поликлинике речного пароходства, а Надя собиралась стать врачом-терапевтом.

Почти месяц после знакомства местом наших встреч был парк. Мы бродили по аллеям, ходили в кино и в театр, сидели в любимом кафе. Осень в тот год хотя и была затяжной и тёплой, но всё же медленно, но неумолимо катила к холодному и снежному ноябрю. В конце октября мы перенесли наши свидания в кафе. Они стали короче. После часа-двух общения я провожал Надю до подъезда, ещё около часа мы стояли в

подъезде, говорили, мечтали. Потом расставались и скучали до следующего свидания — до завтрашнего дня.

В канун ноябрьского праздника Надя решила пригласить меня в гости и наконец-то представить своей маме.

— Время пришло, — сказала она, улыбаясь.

Представился и повод: Надя купила новую люстру, и теперь нужно было сменить в зале старую люстру на новую. А я, как Надя объяснила Нине Петровне, понимал кое-что по электрической части.

Я никогда не причислял себя к людям из робкого десятка, но на встречу с Ниной Петровной шёл не без волнения. Причём волновался как никогда ранее. Видимо, не совсем привычно чувствовала себя накануне встречи со мной и Нина Петровна. Она встретила меня в прихожей, молча кивнула на приветствие и ушла на кухню. Я смутился ещё сильнее, но выручила Надя: потянула меня за рукав в комнату, напоминая мне, зачем я пришёл сюда и что пора браться за работу. Люстра с тремя плафонами в виде раскрытых лепестков лилии уже ждала на диване.

Я быстро справился с работой электрика: новая люстра всеми тремя лампочками светила ярче старой, и Надя в благодарность при матери поцеловала меня. Как бы мимолётно чмокнула в щёку, похвалив:

— Молодец! Вот что значит мужчина в доме.

На этот раз смутилась Нина Петровна и снова заторопилась на кухню, пояснив на ходу нам: нужно приготовить чай.

Потом мы пили чай с пирожками, которые Надя напекла специально «к встрече электрика», говорили об учёбе, студенческой жизни. Я отвечал на вопросы Надиной мамы, рассказывал о себе: о детском доме, армии, институте. Нина Петровна осторожно поинтересовалась моими планами, и

я ответил, что собираюсь после окончания учёбы поехать в Сибирь, на строительство комбината и нового города.

— А мы с Наденькой родились в этом городе и жить намерены только здесь,— сказала Надина мама, посмотрев при этом на дочь, и добавила: — До скончания века, наверное.

Но Надя, казалось, не заметила взгляда матери: в это время она листала страницы принесённого ею фотоальбома, в котором упорно искала какую-то фотографию.

— Здесь и бабушка Нади всю жизнь прожила, и дедушка, и мать бабушки... если уж всю родословную вспоминать...— продолжала говорить Нина Петровна, поглядывая то в мою сторону, то на дочь.

— А твой дедушка здесь почти не жил: железную дорогу строил,— сказала вдруг Надя матери, показывая на фото в альбоме.— Вот он какой... В форме железнодорожника. Ты сама рассказывала, что он только и делал, что по стране ездил — стальные магистрали строил.

— Ну, тогда другое время было...— быстро отреагировала на слова Нади Нина Петровна, подсаживаясь ближе к дочери.— Время строительства стальных магистралей...

— Каждое время другое, сейчас в стране тоже строек немало...— заметил я, и никто мне тогда не возразил, а даже, как мне показалось, и Надя, и её мама мысленно со мной согласились.

Как мне показалось, в тот вечер мы сидели за столом долго: смотрели альбом, несколько раз принимались за чай, слушали рассказы Нины Петровны из её молодости. Помню, что я засобирался, когда на улице стало смеркаться, и пришёл в общежитие, когда совсем стемнело.

С того памятного вечера я стал бывать в гостях у Нади. Нельзя сказать, что бывал часто, но один раз за две недели

обязательно задерживался на вечерний чай, с обязательным просмотром фотографий. Единственный фотоальбом просматривался так регулярно, что вскоре я уже стал узнавать на фотографиях дедушку и бабушку Нади, её тётю, живущую где-то далеко — на Крайнем Севере. Узнавал и Надиного отца. Его фото хранилось отдельно, и о нём говорили всегда немного.

— Он погиб, когда я была маленькая... — объяснила мне кратко Надя, и больше никто на эту тему не говорил.

Надина мама теперь уже приветливо встречала меня и охотно общалась с нами, всегда умело поддерживала разговор, зная, когда лучше вставить реплику, когда оставить наши высказывания без комментариев, а когда надо уйти на кухню. За время визитов я узнал, что Нина Петровна умела хорошо заваривать чай и пекла очень вкусные пирожки с картофельной, капустной, грибной и рисовой начинкой, а также пончики с повидлом и вареньем.

— Наденька у меня опыт неплохо переняла, знает теперь, как стряпать и печь, и главное — умеет это так же неплохо делать, — говорила мне не без гордости за себя и дочь Нина Петровна. — А я, в свою очередь, у своей мамы научилась. Главное — тесто вовремя использовать. И запомните, молодой человек: стряпать из хорошего теста — это одно, а печь, постоянно поддерживая нужный огонь и нужную температуру, — это совсем другое. И то, и другое — искусство, а сочетание их даёт хороший результат. Как вам результат?

— Отличный результат! — восклицал я под одобрительную улыбку Нины Петровны.

На пироги иногда заглядывала соседка по лестничной площадке, пенсионерка Марина Николаевна, много лет работавшая врачом-терапевтом в больнице речников. Марина Николаевна

своим неторопливым говорком (как она пояснила: «То ли вятским, то ли нижегородским, не знаю сама, рано оторвалась от родителей и жить начала самостоятельно») умела расположить к себе, как я впоследствии убедился, всех окружающих её людей. Разговор она начинала всегда с тем вроде бы обиденных, а потом как бы «по случаю» переходила, как говорила она сама, «на другую колею» и «по случаю и по теме» рассказывала нам какую-нибудь интересную историю. Часто — из своей медицинской практики. Рассказывала всегда забавно и всегда громко смеясь, так что слушающий её человек невольно поддавался настроению рассказчицы и сам начинал смеяться ещё до того, как понимал, над чем, собственно, смеяться надо. Каждый раз во время своих визитов или случайных встреч возле дома Марина Николаевна непременно спрашивала, что нового у нас с Надей и, как она говорила, «на ниве нынешнего образования».

Проявляла интерес к моей дипломной работе и Нина Петровна, она интересовалась современными направлениями в архитектуре. И, я думаю, делала это вполне искренне, потому что всегда слушала с интересом мои рассуждения на эту тему. Почти каждый раз, когда случалось заглянуть на чаепитие Марине Николаевне, она просила Надю спеть что-нибудь под гитару, и не было случая, чтобы Надя отказалась. Она послушно брала в руки гитару и пела песни из репертуара Новеллы Матвеевой, которые очень любила, а потом под одобрительные аплодисменты соседки передавала музыкальный инструмент мне, и я пытался развлекать женщин, исполняя им песни современных бардов, в основном Окуджавы и Визбора.

Обе женщины не возражали, если мы оставляли их компанию в разгар чаепития и уходили с посиделок в кино, на творческий вечер бардовской песни в архитектурно-строительном институте или даже (что случалось реже) на

дискотеку. Куда идти, мы решали с Надей заранее, и разногласий у нас не возникало. Почти не возникало, а если мнения всё же расходились в чём-то, то мы, немного поспорив, быстро приходили к единогласию. Чаще побеждало её мнение. Я уступал не потому, что она была права, а потому, что не хотел видеть её милое личико хмурым.

А время шло, и защита моего диплома приближалась. Надя знала, что я не изменю своего решения ехать в Сибирь, и между нами уже было решено, что после того, как закончит учёбу, она тоже придет ко мне.

Решение это далось нам вроде бы просто и в то же время не совсем просто. Надя согласилась сразу, а вот её мама...

Чем ближе было прощание с институтом, чем чаще я стал бывать у Нади в гостях, тем яснее стал понимать, что с поездкой Нади в Сибирь могут возникнуть немалые проблемы. Нина Петровна становилась в своих разговорах всё настойчивее. Вначале она вроде бы только намекала мне — на аспирантуру, на возможность устроиться в этом городе «в строительный трест или в какое-нибудь архитектурно-проектное бюро», а когда поняла, что её намёки никак не могут повлиять на меня и я решения своего менять не собираюсь, то однажды открыто и просто сказала:

— Если вы, молодой человек, отправитесь на далёкую стройку, то о моей дочери можете забыть.

Произошло это за очередным чаепитием с пирожками, без присутствия Марины Николаевны.

Откровенно говоря, я уже был настроен на то, что однажды Нина Петровна заговорит со мной откровенно, ждал прямо поставленного вопроса и даже не один раз мысленно готовился к тяжёлому разговору, как уже полагал, с будущей тещей, но всё же был застигнут заявлением Надиной матери,

высказанным в такой вот форме, врасплох. Я ответил ей не сразу. И даже не ответил, а только попробовал объясниться.

— Понимаете, Нина Петровна... — начал было я.

— Я-то понимаю! — перебила меня хозяйка. — А вот вы, дорогой мой молодой человек, очень привлекательной наружности, такой привлекательной, что вам верить безоговорочно хочется, вы понимаете, куда зовёте и собираетесь увезти мою дочь? Она же ведь, кроме мамы, этой квартиры и этого города, ничего не знает... Она погибнет там! Просто погибнет. Погибнет вместе с вами! Я понимаю, что гены ваших родителей, страсть к перемене мест, эта ваша романтика зовут, даже манят вас в дали дальние, и вы не можете усидеть на месте. Но Надя другая. Другая! Неужели вы этого не видите?

Такого резкого выпада от скромной, на мой взгляд, женщины я не ожидал. После этих слов я хотя и понял, что противостоять сегодня мне Надиной маме нет никакой возможности, она не примет никаких возражений, но всё же попробовал, вначале робко, а потом немного увереннее, предпринять попытку если не переубедить, то хотя бы успокоить разволновавшуюся Нину Петровну. Я сказал что-то стандартное, что говорят обычно все в таких случаях: о том, что романтика помогает людям жить интересно, и о том, что молодым надо начинать с нуля, с самого начала и всего добиваться самим. Сказал об этом как-то несвойственно робко и почти сразу понял, что сделал это напрасно. После моей неуверенной речи меня, мягко говоря, попросту выставили за дверь.

Ни на второй, ни на третий день, ни неделю спустя эта дверь для меня не открылась, и в ответ на набранный номер телефона в трубке долго и протяжно гудело.

Я надеялся встретить Надю на улице, ходил возле мединститута, бродил по парку, но там, где мы виделись раньше каждый

день, она теперь не появлялась. Однажды, набравшись смелости, я пришёл к Надиному дому. Шёл туда решительно, намереваясь непременно увидеть Надю, обязательно поговорить с Ниной Петровной и получить ответы на мучающие меня вопросы. Поговорить не получилось, и ответов на вопросы я не получил. Возле подъезда мне встретила Марина Николаевна и отговорила от «горячего», как она сказала, визита.

— Поймите, Саша, Нина Петровна одна, без мужа, воспитывала Надю. Всё это было на моих глазах. Мы вместе долго работали с ней в одной поликлинике, вместе переезжали в этот дом, построенный для медработников речного пароходства, вместе обживались на новом месте. Я помню Наденьку ещё дошкольницей, потом первоклассницей... В общем, знаю их семью хорошо... Нина Петровна делала всё, чтобы Надя училась и не чувствовала себя обделённой. У неё были свои планы, свои взгляды на будущее дочери, а тут вы со своим заявлением и своей непоколебимой решимостью непременно ехать в Сибирь. Конечно, маме не хочется оставаться одной, отпускать свою дочь куда-то далеко, очень далеко. Поверьте, она тоже очень переживает, что наговорила вам многое, что не было нужно, сгоряча, но она не могла себя сдержать. Поверьте, только поэтому, а не потому, что она относится к вам плохо. Очень даже неплохо. Я-то уж знаю. Но боюсь, что если вы сейчас придёте и начнёте опять доказывать свою правоту, то она снова не сдержится...

— Я хотел Надю увидеть... Мне нужно ей хотя бы что-то сказать...

— Я понимаю вас, понимаю хорошо, очень даже хорошо. Но прошу вас, погодите и с этим. Вы можете поспешно всё испортить. Наденька, я знаю, тоже переживает. И за вас, и за маму... Я вижу, как она страдает, мучается... Она любит вас,

поверьте, любит. Так, как она, могут переживать только влюблённые люди... Послушайте меня, потому что я хорошо знаю Нину Петровну, поэтому не советую вам искать сегодня с ней встречи, ни к чему нынче вообще затевать какой бы то ни было разговор. Вот увидите, она сама найдёт вас, сама придёт с разговором. До вашего отъезда ещё есть время, и я уверена: всё образуется, и всё у вас будет хорошо...

И я послушался добрейшую Марину Николаевну, поблагодарил её и вернулся в общежитие. Но тоска не оставляла меня, я не находил себе места. Мысленно едва ли не каждый вечер я прощался со своей любовью, рисовал себе самые печальные картины своего одинокого будущего, плохо спал. За неделю я исписал две тетради рифмованными строчками. Вечерами я писал стихи, ночами мучился от тяжёлых раздумий, а утро встречал с новой надеждой на встречу. Я жил Надеждой и с надеждой.

Как долго длился тот июль —
Его вторая половина.
К окошку тянулась рябина,
Туман качался, словно тюль.
Мне о тебе листва шептала,
Ночами тихо плакал дождь,
И знал я: где-то ты идёшь,—
Но так тебя мне не хватало!
Я жил предчувствием той встречи,
И ждал тебя мой дом и сад,
Дороги не было назад...
И больше века длился вечер!
И ночи не было конца...
И звёзды на реке купались,
И эхом в сердце отзывались
Шаги под утро у крыльца...
И ты вошла...

Дверь настежь отворила,
Ворвался август с ароматом трав...
И буднично сказала:
— Ты был прав...—
Как будто никуда не уходила...

Я терпел, верил и жил надеждой.

И не напрасно.

Насколько хорошо знает жизнь и людей Марина Николаевна, я убедился очень скоро. Примерно за неделю до моего отъезда Надина мама действительно нашла меня сама — она пришла ко мне в общежитие.

Нина Петровна ждала меня во дворе на скамеечке, и я, проходя мимо, даже не сразу узнал её. Поджидала она, видимо, меня не один час и проявила немалое терпение: я вернулся в общежитие из института под вечер, а она, как я потом понял, приехала после полудня.

— Молодой человек, моя дочь больна. Больна из-за вас,— сказала она, едва увидев меня.— Нам надо поговорить и что-то, в конце концов, решить.

— Давайте поговорим,— согласился я, приглашая её к себе в комнату.

Наш с ней разговор нельзя было назвать откровенным. Она в основном осторожно расспрашивала, было видно, боясь обидеть неделикатным вопросом, а я, в свою очередь, так же осторожно отвечал, опасаясь сказать лишнего и обидеть её.

— Наверное, всё складывается, как и должно быть: попробуйте пожить в разлуке,— сказала на прощание Нина Петровна.— Если у вас любовь, то вы выдержите данное вам испытание, а если... В общем, время покажет и всех нас рассудит: кто был прав, кто не прав...

Я не спорил и лишь согласно кивал головой в такт её словам. Можно сказать, что мы расстались по-хорошему и даже восстановили прерванные было отношения.

Провожать меня Надя пришла с Мариной Николаевной. Пожилая женщина вежливо сообщила мне, что Нина Петровна сегодня «неотложно занята и прийти к поезду не смогла», а потом деликатно ушла изучать расписание пригородных электропоездов, оставив нас с Надей наедине. А Надя сразу же, едва сдерживая слёзы, неожиданно стала говорить напутственные слова о том, чтобы я «обязательно зарекомендовал себя там с самой наилучшей стороны и сумел выдвинуться». Сделать это я должен был для того, чтобы, после того как она закончит учёбу, мы, поженившись, «сразу же получили бы ключи от квартиры, а не мыкались, как некоторые, по общежитиям». Я понимал, откуда шли эти наставления, так непривычно срывающиеся с Надиных губ, поэтому кивал, делая вид, что соглашаюсь, и успокаивал себя мечтою о том, что когда мы будем жить вместе, самостоятельно, вдвоём, всё у нас будет так, как было в первые дни нашего знакомства, — возвышенно и романтично, а о том недоразумении, как я считал — вынужденном, мы никогда и не вспомним.

Капельки горячих слезинок падают мне на руку и обжигают сердце.

— Но почему? Почему? — шепчут её губы. — Почему ты уезжаешь? Зачем?..

— Так надо, Наденька. Ведь я ненадолго, скоро мы опять будем вместе... Я, как только приеду на место, сразу же напишу... Обязательно напишу, ладно? Ты будешь ждать моего письма?

Она согласно быстро и часто кивает.

— Поезд отправляется! — кричит мне проводница, но я не слышу её.

— А теперь иди... Иди, пожалуйста. Поезд уже отходит... — шепчет она, а глаза наполняются слезами всё больше и больше. Кажется, вот-вот — и она разрыдается.

Вагон качается и медленно плывёт вдоль перрона мимо меня.

— Иди...

Ещё несколько секунд я стою в нерешительности, затем, обняв её за плечи, с силой прижимаю к себе и целую в горячие, дрожащие, солёные от слёз губы, а потом запрыгиваю в почти уже набравший ход поезд. Я запрыгиваю на подножку вагона и, держась одной рукой за поручни, другой машу ей. Машу до тех пор, пока проводница не втягивает меня в тамбур и не закрывает дверь.

Я уехал.

В Сибирь я ехал действительно по зову сердца. Гены моих родителей, видимо, и вправду не давали мне покоя, и я верил и даже предчувствовал, что маленький сибирский городок, расположенный на Транссибирской магистрали, ждёт меня, как ждали реки и мосты моих отца и мать. Я был уверен, что еду навстречу судьбе. Городок имел большие перспективы: на его окраине начинали возводить домостроительный комбинат, и строительство было объявлено всесоюзной стройкой. Я чувствовал, что вступаю в большую самостоятельную жизнь, может, даже во многом неожиданную. Предчувствие неожиданного не обмануло меня.

Подъезжая к незнакомому пока для себя населённому пункту, я из окна вагона с интересом рассматривал его улицы и дома. Отметил, что городок состоит в основном из небольших деревянных двухэтажных домиков, собранных из брусьев. Да и само здание вокзала небольшое и деревянное. Время было вечернее, и народу на перроне было много. Не знаю, может быть, от почти трёхсуточной езды, а может быть, от необычного таёжного воздуха, у меня, едва я ступил на перрон, слегка перехватило дыхание и закружилась голова. Но чувство необъяснимого буйного восторга уже наполнило мою душу, и сразу же уверенно подумалось, что я не ошибся в предчувствиях и этот город действительно станет моим.

На-все-гда!

Опьянённый предвкушением перемен, вокзальной суетой, запахом тайги и новостроек, я поправил гитару на плече, взял в руку чемодан и уже хотел было направиться вслед за приехавшими этим же поездом людьми к автобусной остановке, как вдруг услышал...

— Папа! Папа!

Вначале я не придал этому никакого значения: мало ли кого могут окликать на вокзале города, где у меня пока нет знакомых. Народ сновал по перрону, каждый был озабочен чем-то своим и почти не обращал внимания на окружающих. Ехавшие со мной в поезде люди слились с встречающимися, и уже трудно было отличить, кто минуту назад был пассажиром, а кто пришёл их встречать. Кругом шумели и окликали по имени. Разглядывать кого-то, оборачиваться на оклики мне в голову не приходило. Но когда маленькая девочка лет пяти-шести со слезами на глазах подбежала ко мне и, обхватив ручками мои колени, стала говорить не кому-то, а именно мне:

— Папа, папа, я знала, что ты приедешь ко мне, папа! — я откровенно растерялся.

Я присел на корточки, стараясь внимательно разглядеть девочку. На ней было светло-зелёное платьице, поверх которого была надета лёгкая курточка синего цвета; из-под платочка в горошек проглядывали две косички. Глаза ребёнка были в слезах.

— Девочка, ты, наверное, обозналась? — попробовал вступить в объяснения я.

— Папа, папа, ты приехал! Пойдём домой, пойдём скорее... Бабушки уже нет...

Девочка обняла меня за шею и прижалась к лицу своей мокрой от слёз щёчкой.

Я не знал, что мне делать. Первым делом, подумав о том, что она потерялась в толпе, отстав от своего папы, попробовал было поискать глазами человека, который мог быть отцом девочки, но напрасно: никто не давал мне ни повода, ни даже намёка, что ищет ребёнка. Напрасно я пытался успокоить девочку, говорил, что я не её папа, а её папу мы сейчас поищем и обязательно найдём,— она лишь крепче прижималась ко мне. Тогда я открыл чемодан, достал кулёк конфет, печенье...

Но всё это было напрасным, она не проявила интереса к гостинцам, а продолжала всхлипывать, никак не унимаясь, и всё время повторяла:

— Папа, папа, пойдём домой. Пойдём...

Вокруг нас стали собираться любопытные. Народ в большинстве своём продолжал суетиться, но некоторые уже стояли рядом и откровенно наблюдали, чем закончится моя встреча с девочкой. Мне даже показалось, что две или три женщины были готовы принять участие в том, чтобы я признал в девочке дочь, а одна даже предложила позвать милиционера.

В этой непростой для меня ситуации смущение моё вдруг стало перерастать в любопытство. Девочка продолжала настаивать на своём, и мне оставалось только одно средство, чтобы утешить ребенка,— согласиться и пойти с ней.

— Хорошо, пойдём,— сказал я девочке, поднимаясь.

Она почти сразу успокоилась, вытерла слёзы, взяла меня за руку и уверенно повела к автобусной остановке.

События принимали интересный оборот. Я ждал романтики и неожиданностей от этого города и новой самостоятельной жизни, и вот они случились. Неожиданность случилась, едва я шагнул на перрон, причём неожиданность полная. И романтика в этом случае тоже имела присутствие. Своеобразное.

«Куда, интересно, приведёт меня судьба с помощью вот этой девочки?» — думал я, смирившись с обстоятельствами.

Мы обогнули здание вокзала и вышли к автобусной остановке. Среди ожидающих автотранспорта оказались и несколько человек из числа тех, с кем я недавно ехал в поезде в одном вагоне и которым говорил, что никого в этом городе не знаю и меня никто встречать не придёт. Одни теперь посматривали на меня с улыбкой, другие вовсе делали вид, что не замечают.

Автотранспорт не заставлял себя ждать: один автобус подходил за другим, только что отошедшим. И мы ждали недолго: сели в автобус, на переднем стекле которого выделялась цифра «1». Автобус прошёл несколько кварталов, примерно остановки через три девочка потянула меня за руку, давая понять, что надо выходить. Мы сошли у типичного двухэтажного домика, стоявшего несколько в стороне от других. Девочка, как и в салоне автобуса, продолжала крепко держать меня за руку и повела именно к этому одиноко стоящему дому. Мы вошли в подъезд, как оказалось — единственный в доме, поднялись на второй этаж.

— Позвони, папа,— кивнула мне девочка, показывая на дверь квартиры под номером восемь.

Я уже был готов, как мне казалось, ко всему и, не раздумывая, позвонил.

Дверь нам открыли сразу двое: молодая ещё женщина и мужчина в очках.

— Вероника! — не то радостно, не то удивлённо вскрикнула женщина и наклонилась, чтобы обнять мою спутницу.

Но та сделала шаг назад, крепко, что было силы в детской ручонке, сжала мою руку и уверенно проговорила:

— Это мой папа, и мы здесь будем жить!

Женщина на секунду застыла, а мужчина, глядя на меня, снял очки...

— Вы кто? — спросил меня мужчина.

Я не знал, что сказать.

— Понимаете... Я сейчас только с поезда... Приехал на строительство комбината... — начал было прояснять ситуацию я, но девочка решительно шагнула за порог, потянув меня за собой.

— Это же мой папа,— сказала она отчётливо, и мужчина с женщиной расступились, пропуская нас.

Потом началось выяснение, вернее, прояснение некоторых обстоятельств. Мне сказали, что Вероника сирота, что недавно умерла её бабушка, жившая в смежной комнате, не оставившая никаких сведений о родителях девочки, и теперь одному Богу известно, где они есть, и есть ли, и вообще были ли. Говорили о том, что хотели было взять девочку к себе — может, на время или как получится,— и даже ходили в городской совет и другие инстанции, но столкнулись с такой бумажной волокитой, что

желание ходить по кабинетам у них быстро отбили. Меня пригласили на кухню, где мужчина признался, что теперь они находятся в ожидании, когда за девочкой придут из детского дома.

— Уже решено: документы находятся на оформлении в детдом, но мы ей пока ничего не говорим. Не хотим травмировать. И так недавно с бабушкой рассталась, а теперь ещё... Там ведь для неё совсем другая жизнь начнётся...

— Ну а что прикажете делать? — спрашивал меня мужчина, по имени Геннадий.— Ведь она нам всё-таки чужая, а я собираюсь привезти сына от первого брака. Хотя, может быть, дети бы и поладили между собой. У Аллы детей нет, а мы уже привыкли к девочке — до смерти бабушки жили рядом почти целый год, так что Веронику хорошо знаем: хорошая, спокойная девочка, очень послушная. Все последние дни жили мы спокойно, даже дружно, можно сказать, ладили с ней как с родной нам. А сегодня утром Вероника потерялась, исчезла: как выясняется, ушла спозаранку из дома на вокзал... Видимо, почувствовала, что снова наступают перемены в её жизни. Дети, говорят, обладают предчувствием — иногда даже более острым, чем взрослые... Беду предчувствуют... Мы, поверьте нам, очень волновались, искали... В милицию, правда, не ходили, а так — где только не искали... Ведь жалко ребёнка... Сиротка теперь...

Потом женщина, по имени Алла, показала мне ордер на всю, как она сказала, жилплощадь, пояснив, что кое-что из мебели они уже перенесли в пустующую комнату, а бабушкину утварь вынесли в подвал: ведь занимать комнату когда-то нужно.

Алла смотрела на меня несколько виновато, будто ища сочувствия и поддержки. Я, впервые в жизни оказавшись в такой непростой ситуации и не зная, как вести себя, лишь несколько раз кивнул ей.

Всё это время Вероника старалась стоять рядом со мной, а когда я отходил от неё ненадолго, она испуганно хлопала ресницами своих больших глаз и умоляюще смотрела в мою сторону. Когда же хозяйева пригласили нас в комнату и я сел на стул, она обхватила меня ручонками за шею и не отходила, пока разговор не закончился. При этом всё повторяла:

— Папа, папа, ты ведь не уйдёшь, папа?

По просьбе Геннадия и Аллы я остался ночевать. Мне постелили в комнате бабушки, Вероника улеглась на свою детскую кроватку, ещё стоявшую в этой же комнате. Вся ночь прошла в раздумьях и воспоминаниях. Я вспомнил своё детдомовское детство, попытался представить бабушку Вероники и её родителей, думал о том, как лучше написать об этой истории Наде. Вероника же, раскинув ручонки, крепко спала, улыбаясь во сне, и, казалось, губы её беззвучно шептали лишь одно слово: «Папа».

— Ну что делать будем с девчонкой-то? — спросил меня утром Геннадий.— Она в тебе папу признала. Тебе и надо что-то решать.

— А что решать? Раз признала — так тому и быть, буду папой, а там как судьба повернёт.

Геннадий покачал головой:

— Решительный ты парень: вот так сразу — вчера был свободный, а сегодня уже с ребёнком...

— Ну а вы как бы поступили, случись с вами такое?

— Не знаю,— смутился Геннадий.— Думаю, что со мной, во-первых, такого бы не случилось, а во-вторых, тут же сложностей много возникает: отцовство брать на себя в этой ситуации слишком ответственно, а если и взять, то

никто не даст просто так — доказывать надо долго всем, походить по инстанциям... Разрешат ли?..

— Думаете, что в детдом отдать девочку лучше?

— Не думаю, но всё же... Ведь уже дело с детским домом почти решённое, инспекторша к нам приходила, забрала документы старушки и ещё какие-то бумаги, заставила нас копию свидетельства о рождении ребёнка сделать и заверить...

— Знаете что, Геннадий, я вас хочу попросить, если это понадобится, конечно, чтобы вы сказали, что я родственник Вероники. Или дядя, или двоюродный брат. Узнал, мол, о смерти бабушки и приехал.

Геннадий задумался.

— Ты думаешь, что нас могут привлечь к разбирательству?

— Ну, мало ли что может быть? Может, и потребуется какое-то разбирательство по этому случаю. Скажите хотя бы, что я вам назвался родственником.

— Сказать-то скажем... Правда, мы тебя совсем не знаем, но раз девочка признаёт, может, ты и родственник действительно... А может, и вправду отец? Скажи мне честно, как мужчина мужчине.

Геннадий засмеялся.

— Конечно, если потребуется, мы скажем, что вы представились нам как родственник Вероники,— вступила в разговор Алла.— Мы видим, человек вы хороший. Во всяком случае, впечатление на первый взгляд такое складывается... Но понимаете...— Алла замолчала, перевела взгляд на Геннадия, потом снова посмотрела на меня.— Понимаете, если окажется, что вы родственник, у нас могут быть проблемы с нашим заселением на жилплощадь покойной бабушки... При некоторых обстоятельствах комнату могут передать вам.

— Я обещаю вам, что на жилплощадь, переданную вам, претендовать не собираюсь и не буду,— успокоил я Аллу с Геннадием.— Мне, как молодому специалисту, приехавшему сюда по направлению, с красным дипломом, обещали сразу же предоставить жильё — комнату в общежитии. И предоставят, должны предоставить.

— Конечно, предоставят,— согласился Геннадий.— Вон сколько сейчас новостроек под жильё возводят. Я сам на стройке работаю, в строительно-монтажном поезде, инженером в плановом отделе. Мы производственные цеха, Дом культуры, больницу, стадион для комбината строим. У нас всех молодых или комнатами в общежитии, или квартирами-маломерками обеспечили, и в первую очередь тех, кто прибыл по направлению или, как говорят ещё, по путёвке.

— Возьмите вот это — тут какие-то вещи её и бабушки,— сказала Алла, провожая нас с Вероникой до порога и передавая небольшую хозяйственную сумку.— И вот метрики — свидетельство о рождении Вероники. Тут фамилия родителей указана и как их звали. В милиции наводили справки о них, узнайте там. Может, ещё какие-нибудь родственники найдутся...

— Спасибо, я обязательно узнаю... — пообещал я.

Прощавшись с хозяевами, утром нового дня вместе с Вероникой мы вышли из подъезда деревянной двухэтажки, бывшей для девочки до вчерашнего дня домом. Я обратил внимание, что она без сожаления расставалась с местом, где, как я понимал, прожила не один год. Она взяла с собой только куклу и бабушкины очки. Видимо, прав был Геннадий: потеряв бабушку, Вероника своим детским чутьём поняла, что для неё наступают не лучшие перемены, и место, где она жила с бабушкой, теперь перестало быть её домом.

Первым делом мы пошли в отдел кадров строительного управления, потом к заместителю начальника по кадрам и быту, затем к заму по производству и снова в отдел кадров. Изучив направление, мой диплом и выслушав историю с Вероникой, после нескольких долгих и непродолжительных бесед, объяснений, удивлений и консультаций по телефону нас отправили в рабочее общежитие, где добродушная и ещё не пожилая женщина — комендант Серафима Сергеевна — выдала мне ключи. Она же провела нас, попутно объясняя, где и что расположено, сначала по длинному коридору, а потом вверх по деревянной лестнице и снова по коридору в угловую комнату с одним, но зато большим, почти на всю стену, окном.

— Ну, располагайтесь,— сказала Серафима Сергеевна.— Постельные принадлежности получите у кастиелянши, а если что надо будет ещё, какие вопросы решить, то обращайтесь или ко мне, или к дежурной.

Она подбадривающе кивнула нам и ушла.

— Ну вот, Вика-Вероника, здесь мы будем жить,— сказал я, поставив вещи к окну и присев на кровать.

— Одни? — спросила Вика-Вероника, несмело присаживаясь рядом.

— А кто нам ещё нужен? — улыбнулся я.

— Никто! — радостно воскликнула девочка и, шустро забравшись ко мне на колени, чмокнула меня в плохо побритую в утренней спешке щёку.

А потом мы долго бродили по городу, ели мороженое, кружились на карусели и смеялись, смеялись, смеялись...

Комнатка в двенадцать квадратных метров на втором этаже общежития оказалась уютной. Солнце с рассвета заглядывало в наше окошко, а на карниз открытого окна то

и дело садились осмелевшие воробьи и, реже, голуби. Мы поспорили с Вероникой, были голуби дикими или ручными. Я говорил, что они ручные и, наверное, принадлежат кому-то из местных любителей, с детства обожающих этих Божьих птичек, а Вероника утверждала, что они прилетели из лесу как предвестники хороших для нас новостей.

— Перед тем как тебе приехать за мной, папа, ко мне тоже прилетал голубь,— сказала она,— и поэтому я узнала, что ты приезжаешь...

Что можно было сказать в ответ на эти слова ребёнка? Я не нашёл ответных слов.

Вероника оказалась хорошей хозяйшкой. Я уходил на работу рано, когда она ещё спала, а она не только не боялась оставаться одной, но ещё и следила за чистотой и порядком в комнате, а вечером, когда я возвращался, кормила меня ужином. Помимо супа или каши, меня всегда ждали ещё салаты из огурцов и помидоров. Чаще со сметаной, как готовила ей когда-то бабушка, но иногда с подсолнечным маслом, как учил её теперь я.

Я начал работать мастером на строительстве городского Дома культуры. Строил его почти в центре города строительном-монтажном поезде, где работал бывший сосед Вероники Геннадий. Однажды мы встретились с Геннадием случайно в конторе СМП, разговорились, и вечером он зашёл к нам в гости, а потом пришёл ещё раз, в выходной день, уже с Аллой и сыном — десятилетним мальчиком Витей. Складывающаяся дружба с Геннадием и его семьёй имела для нас с Вероникой немало положительного. Во-первых, они нам помогали в бытовом плане: стульями, скатёрками, наволочками, даже ложками и вилками, а во-вторых, я был

благодарен Геннадию за то, что он помог мне остановить дело с оформлением Вероники в детский дом и устроил её в детсад неподалёку от общежития. А в-третьих...

В-третьих, а скорее всего, это и было во-первых, Геннадий сделал большое, я бы сказал — главное, дело. Он нашёл время, силы, проявил терпение и настойчивость и узнал кое-что о родных Вероники. Я сам не раз пытался узнать об этом, но в милиции мне долго обещали навести справки, говорили, что направили запрос или даже несколько запросов по месту жительства и работы родителей девочки, но ответы на запросы, очевидно, не торопились... Я подал документы на удочерение Вероники (меня поправили, сказав, что правильно будет: усыновление ребёнка), и долгий процесс рассмотрения моей просьбы начался. Где, в каких инстанциях проходило это рассмотрение, но оно тянулось месяц за месяцем, не давая никаких результатов. «Вот если бы вы были человеком семейным, то вопросов было бы к вам меньше,— говорили мне.— А холостому человеку, без собственного жилья, живущему в общежитии... В этом случае необходимо всё взвесить. Притом ребёнок с вами разного пола, тут тоже есть свои нюансы. Будет ли девочке удобно жить со взрослым мужчиной в одной комнате? Ведь не будет она всё время ходить в детский сад. Дети имеют обыкновение подрастать и взрослеть...» В общем, препятствий, в том числе неожиданных, появлялось немало. Я особо не комплексовал по этому поводу. Нас с Вероникой никто не разлучал и даже не предпринимал попытку это сделать: наоборот, многие окружавшие нас люди всячески старались поспособствовать, даже те, кто говорил нам о сложностях усыновления. А это было для нас главным. Хотя я не однажды выдвигал мысленно предположения, что о судьбе родителей Вероники мне просто не хотят говорить, но

был спокоен и по этому поводу, полагая, что рано или поздно всё прояснится. Очевидно, глядя на мои переживания и видя, как мы с Вероникой всё больше и больше становимся привязанными друг к другу, Геннадий и проявил настойчивость. Узнал он немного, но в то же время достаточно, чтобы было понятно, что Вероника после смерти её бабушки действительно осталась одна на целом свете и жалостливое русское слово «сиротка», как это ни печально, больше других подходит к ней. Вернее, подходило, пока она не встретила меня.

Как я узнал из рассказа Геннадия, судьба родителей Вероники была очень схожа с судьбой моих отца и матери. Во многом, если не сказать — почти во всём. Даже в том, что жизни их так же оборвались неожиданно, в один день и очень рано. Они были археологами и по полгода, а то и больше времени проводили на раскопках, оставляя маленькую Веронику на воспитание бабушки — матери мамы Вероники. Скорее всего, Вероника не знала своих родителей — просто не помнила. Когда девочке было два года, молодые археологи работали на международных раскопках в Южной Америке, часто летали самолётами, которыми управляли не профессиональные пилоты, а любители из числа учёных-археологов, что на Западе не редкость. И однажды спортивный самолёт, потеряв управление, врезался в скалу недалеко от места раскопок. Самолёт взорвался, и от него, а также от пилота и двух пассажиров мало что нашли. Вероника осталась у бабушки и всё время, сколько помнили соседи, жила со старушкой в доме, куда позже переехали Геннадий с Аллой. О других родственниках девочки никто ничего не знал. Геннадий сделал на этом основании вывод, что их просто нет.

— Старушка ни разу ни о ком из родных не вспоминала. Никому не писала писем, никто к ней в гости не приезжал, и она ни к кому не ездила и ехать не собиралась. Мы почти

три года рядом прожили — хоть бы словом обмолвилась о ком-то. Про родителей Вероники говорила смутно, что они не приедут и ей самой поднимать ребёнка надо, и всё... — сказал Геннадий. — Та ещё партизанка бабушка была — слова лишнего не вытянешь...

Надо ли говорить какое впечатление произвела на меня история Вероники, её родителей и бабушки. Я был потрясён, кроме всего прочего, и тем, что судьба, по одной ей ведомым законам, свела именно меня, а не кого-то другого, с этой сироткой и доверила заботиться о ней. Мне нужно было сесть именно в этот поезд, хотя я мог поехать и несколькими днями позже, приехать в город именно в этот день, а Веронике в этот час оказаться на перроне и увидеть меня. Неужели это всё только совпадения? «Нет в мире ничего случайного», — убедился я ещё раз и дал сам себе клятву: не оставлять бедную девочку никогда, ни при каких обстоятельствах.

В общем, жизнь моя на новом месте началась необычно, живо и, как я всё более убеждался, вполне закономерно, и я её принял такой. На работе дела шли у меня хорошо. Дело своё я знал и опыта набирался. Очевидно, встреча с Вероникой, частое общение с Геннадием и его семьёй повлияли и на мой непростой характер. Я стал более открытым. И на производстве, и в общезжитии у меня появились новые знакомые — интересные люди из числа монтажников, инженеров, работников культуры, врачей, с которыми я часто бывал на различных культурно-массовых мероприятиях, во многих участвуя лично. На некоторые из них я брал с собой Веронику. С новыми друзьями мы всегда живо обсуждали успехи наших спортсменов на соревнованиях, говорили не только об этом и о прошедшем недавно в городском кинотеатре новом кинофильме, но и мечтательно

заглядывали в недалёкое будущее, пытались представить наш город через год, полтора, два. Пожалуй, не было в городе жителя, кто бы с интересом не рассуждал на эту тему. Интересно, каким он будет, наш город, в недалёком будущем? Ведь всё меняется у нас буквально на глазах, и мы сами вершим эти перемены. И беседы на спортивные темы не заканчивались только разговорами. Спортивная жизнь в городе тоже кипела бурно, и я не оставался в стороне от неё. Ходил в спортивный зал и даже несколько раз участвовал в лыжных переходах на десять километров. Недалеко от Дома культуры заканчивалось строительство стадиона, там обещали соорудить ледовый каток, и я уже мечтал о том, как мы с Вероникой, среди шумной толпы взрослых и ребяташек, будем кататься на коньках под светом ярких фонарей и громкие музыкальные мелодии.

Всё складывалось и шло вроде бы неплохо, но было то, что всё время тревожило меня тогда: отсутствие каких-либо вестей от Нади.

Ответа на своё первое письмо, в котором я написал Наде о моих впечатлениях в новом городе: истории с Вероникой, работе, Доме культуры и общезитии, я ждал почти три недели; потом написал второе, более подробное, и ждал ещё полмесяца. Я заказывал переговоры, но телефон далёкой от меня Надиной квартиры на мои запросы отвечал лишь длинными, как мне казалось — необычно длинными, гудками. Я уже начал серьёзно беспокоиться: а не случилось ли там какого-нибудь несчастья с Надей и Ниной Петровной? Почему они молчат? Но буквально тут же вспоминал о Марине Николаевне и успокаивал себя: уж она-то бы точно общилась мне, случись что. Но всё же что-то произошло опять с Надей, и она снова поменяла своё отношение ко мне. Я в этом был уверен. Иначе почему она не отвечает мне?

Прошёл ещё месяц, потом второй. За летом пришла осень, за сентябрём — октябрь...

Иногда вечерами, когда Вероника засыпала, я подходил к окну и долго смотрел на освещённый уличными фонарями двор общежития, проглядывающую из-за сосен часть улицы, где ходили автобусы и автомобили. Прибитые ветром или дождём к окну листочки берёзок, растущих во дворе, напоминали мне осень прошлого года и нашу встречу в городском парке.

Порывистый ветерок беспощадно срывает пожелтевшие листья с молодых тополей и кружит их по аллее. Капли мелко морозящего дождя расходятся кругами в лужах на асфальте, и промокише, озябшие воробьи жмутся под козырьком навильона.

Я прохожу мимо застывшей карусели и направляюсь к летней эстраде, где одинокая девушка что-то тихо поёт под гитару.

— Вам грустно? — спрашиваю я девушку.

Она поднимает голову. Пальцы уверенно продолжают перебирать струны. Она красива! Русые волосы разбросаны по плечам, в больших голубых глазах лукавые искринки.

— Нет, — выдержав паузу, говорит она, — просто сегодня мой день... День моего рождения.

Примерно недели за две до её и своего дня рождения я отправил Наде подарочную бандероль, а утром в наступивший день рождения — поздравительную телеграмму-молнию, но ответа и на эти послания так и не получил. Всё чаще и чаще я задумывался о том, почему вначале вроде бы благосклонная судьба моя вывела ко мне на жизненную дорогу прекрасную девушку, дала возможность установить

дружеские отношения, достичь почти полного взаимопонимания, а потом послала испытания в виде каких-то не совсем ясных преград. Может быть, всё дело только в моём не совсем решительном характере? Может быть, нужно быть более настойчивым и решить однажды всё одним махом — раз и навсегда? Я уже стал подумывать о том, чтобы отпроситься с работы — взять неделю за свой счёт и...

Но как быть с Вероникой? Навряд ли стоит её отрывать от детского сада и везти с собой. Оставить на Геннадия и Аллу? Конечно, ей там не будет скучно вместе с Витькой, но захочет ли она возвращаться в дом, где жила и откуда ушла с такой лёгкостью? Ведь я уже звал её несколько раз туда, нас приглашали в гости, но она отказывалась, и я один не шёл, а находил предлог. Геннадий и Алла, я думаю, понимали, в чём причина, и хозяин приглашавшего нас семейства в таких случаях всегда находил правильный выход:

— Ну, коль Магомед не идёт к горе, то ждите, гора сама нагрянет. Так и знайте: придём, и что есть в холодильнике из продуктов — ничего не оставим.

— Будем рады разделить с вами наши продукты питания! — поддерживал его инициативу я.

Вариант оставить Веронику на Геннадия и Аллу отпал, как отпал и вариант оставить её на милейшую Серафиму Сергеевну, так не похожую на типичных комендантов общежитий, которых нам показывают в кино. Вероника (я почему-то был уверен) не пошла бы и к Серафиме. И вообще никуда бы и ни к кому бы не пошла. Поэтому вариант был один: никуда не ехать и ждать.

И я ждал. Ждал. Ждал...

Как-то сразу и неожиданно
Осень в двери постучалась.

Отворил — листвою румяной
На крыльцо она спускалась.
— Разреши,—
И в дверь впорхнула,
Краски мне перемешала,
Покачала абажуром,
Холодком в лицо дышала.
— Что молчишь? — меня спросила.
Я в ответ пожал плечами.
— Ту не жди, она забыла,
Там, за дальними холмами.
Улыбнулась:
— Я оттуда.
Без тебя легко, поверь, ей.
А с тобою было трудно —
Нужно адское терпенье:
Угождать, любить и верить
В те туманные мечты,
В те несбыточные цели,
Что выдумываешь ты.
То не каждому по силам,
В том с тобою мы сродни...
Подмигнула мне игриво.
Я ответил:
— Уходи...
Осень хлопнула дверями,
Рассердилась:
— Посмотри...
И дождями, как слезами,
Била в окна до зари.

А солнце становилось уже не таким ласковым и всё позже и позже заглядывало в окно, заставляя нас с Вероникой дома только в выходные дни. Птички уже всё реже и реже садились на карниз, теперь окно было закрыто и даже утеплено нами на зиму, и Веронике приходилось открывать форточку, чтобы

насыпать голубям, воробушкам и присоединившимся теперь к ним синичкам хлебных крошек или пшена и тем самым заманить к нам в гости. Дело кончилось тем, что из фанерки от посылочного ящика я соорудил небольшую кормушку, и мы пристроили её к оконной раме. Для этого пришлось взять большую лестницу у рабочих жилищно-коммунальной конторы.

Чем больше узнавал я Веронику, тем больше удивлялся её не по годам развитой деловитости и самостоятельности. Она сама собирала себя в детский сад: готовила одежду, без робости бралась за утюг и гладила платица, колготки, юбочки, даже носовые платочки. Она бралась и за стирку, и за приготовление не только обедов, но и ужинов. Чистила картошку и лук и часто сама брала инициативу на себя по доведению супа или каши до полной готовности; а что она нередко ходила за хлебом, сахаром и другими продуктами в близко расположенный от нас гастроном — и говорить не стоит. Как само собой разумеющимся можно считать её еженедельную субботнюю генеральную уборку всей комнаты. Во время уборки я нередко, бывало, играл, как говорят в театре, роль второго плана, выполняя приказания Вероники. А именно: приносил воду в ведре из умывальника, протирал пыль на гардине, полке с книгами, отодвигал шкаф и холодильник.

А по вечерам или выходным, когда у нас не было намечено культурного выхода в город, мы садились за книги. Я читал ей про Гулливера в стране великанов, про живущего среди зверей мальчика Маугли, о весёлых приключениях Тома Сойера и Нильса, путешествующего на диких гусях, про Карлсона, который живёт на крыше. Это были толстые, пока непосильные для неё книги, а вот детские книжки-брошюрки про царя Салтана и Мойдодыра Вероника уже могла осилить сама. Нередко она удивляла меня тем, что просила вдруг рассказать

что-нибудь об авторах уже знакомых ей книг и уверенно, даже без малейшей заминки, произносила имена и фамилии зарубежных писателей: Даниэль Дефо, Джонатан Свифт, Сэмюэль Клеменс, Редьярд Киплинг, Сельма Лагерлёф.

В один из длинных-предлинных (как любит говорить Вероника) вечеров закончившегося выходного, уже в начале ноября, я написал письмо Марине Николаевне, а в конце следующей рабочей недели, под вечер, меня вызвали на междугородный переговорный пункт. Надо ли говорить, что я не бежал, а летел по городу, мимо автобусной остановки, не дождавшись автобуса, отказавшись от услуг Геннадия, который хотел подбросить меня до переговорного на новеньких, только что купленных им «Жигулях» и уже пошёл было к автостоянке... Я бежал, не замечая знакомых, сокращая путь дворами, боясь только одного — опоздать. Примчавшись на переговорный за сорок минут до назначенного времени, я несколько раз надоедал телефонистке вопросом: можно ли соединить пораньше, если вызываемый и вызывающий уже ждут?

— Разговор может начаться позже намеченного времени, но никак не раньше,— отвечала мне русоволосая девушка.

После назначенного времени пришлось прождать ещё минут пятнадцать, и вот наконец...

— Вам в третью кабинку,— сказала телефонистка.

Она говорила ещё что-то, но я не слышал. Через несколько секунд, оказавшись в кабинке и взяв в руки телефонную трубку, я уже не слышал никого в этом мире, в том числе себя самого. Видимо, я кричал громко — не помню, видимо, мне делали замечание — не знаю, но успокоился только тогда, когда понял, что со мной говорит Марина Николаевна.

— Я восхищаюсь вами, Саша,— говорила она.— Вы молодец! Усыновить ребёнка, вернее, удочерить — в наше время это подвиг. Подвиг — поверьте мне. Наденька, она молода ещё, она ещё многого не понимает, но я уверена: она поймёт, поймёт, Саша. А вот с Ниной Петровной сложнее. Ей надо это всё перебороть в себе, передумать, понять, принять... Поймите и её тоже, Саша. Вы не так много знакомы с Надей... Вы старше её, и Нина Петровна вполне могла допустить, что у вас уже был ребёнок до того, как вы познакомились с Надей... Или от первого брака, или незаконнорождённый, как раньше говорили... Я-то понимаю, что вы не такой человек и обманывать никого не станете, тем более Наденьку... Но матери... Матери, имеющей единственную дочь и готовой сделать всё, чтобы дочь её была счастлива... Ей трудно понять, представить даже: мужчина с ребёнком — и молодая девушка, её дочь, почти сама ещё ребёнок... Саша, держитесь, крепитесь... Я думаю, разум победит — всё образуется... Передавайте привет от меня малышке... Напомните, как её зовут?

— Вероника. Спасибо за поддержку, Марина Николаевна,— поблагодарил я.— Спасибо, хоть вы меня немного успокоили... Теперь знаю: ничего страшного ни с Надей, ни с Ниной Петровной не случилось...

— Не случилось, Сашенька, не случилось. Живите, работайте спокойно и верьте, что Надя умная девочка и вы будете вместе. Все вместе: вы, Надя и Вероника... И Нина Петровна с вами счастлива будет. Вот увидите...

— Спасибо, я тоже верю и надеюсь: скоро это произойдёт. И я верил и надеялся на свою Надежду.

Совсем стемнело. Дождь перестал, тучи рассеялись, и на холодном небе выступили по-осеннему крупные звёзды.

Мы стоим на мосту, укутавшись в мой плащ. Под нами чуть слышно течёт блестящая река, а где-то далеко грохочет железнодорожный состав и виднеются огни светофора. Мы стоим совсем близко друг от друга и мечтательно смотрим на звёзды.

— Ты знаешь, — тихо говорит она, — я всегда восхищалась звёздами, их величиной и красотой, и в то же время боялась: боялась их холодного мерцания и недоступности!

Она вдруг замолкает и переводит взгляд на меня. В её глазах блестят прозрачные слезинки, в которых отражаются электрические огни. Я чувствую, как дрожит её тело. Букетик из гвоздик и клёна выскользывает из рук и летит вниз, в холодную осеннюю воду. Она не замечает этого, уже положив руки мне на плечи и уткнувшись головой в грудь.

— Прости меня... Пожалуйста... Прости... Прости, что больше не встретимся... Прости, что не сможешь понять, как трудно мне прощаться со звёздами и шелестом листопада. Шумом осеннего дождя и безмолвием этой реки... Как больно ходить по земле, прыгать через лужи и скользить по мокрому асфальту. Не видеть больше знакомые лица, расстаться с родными, навеки потерять тебя... Прости...

Я ошеломлён. Я не могу понять этой резкой перемены её настроения, глажу её пушистые волосы и растерянно пытаюсь успокоить.

— Ну не плачь. Не надо... Зачем нам расставаться? Ведь всё так хорошо. Мы встретились. Я не знаю, что тебя беспокоит, но думаю, всё поправимо. Ведь правда же? Правда?

Она поднимает лицо, глаза полны слёз.

— Не спрашивай меня ни о чём, ладно? — её слабый голос дрожит. — Не спрашивай, Саша, ладно? Обещай, что не будешь ни о чём спрашивать.

Не в силах возразить — я обещаю.

— Мы больше не увидимся.

— Но... я никуда не отпущу тебя!..

— Сделаешь только хуже... И себе, и мне.

— Но почему?

— Не спрашивай... Ты же обещал...

Я опускаю голову. Она вытирает слёзы, пытается улыбнуться.

— Что-то я сегодня совсем дала волю слезам. А судьба всё-таки подарила мне счастливые часы. Жаль только, что под самый занавес...— последние слова она произносит как-то загадочно, с горечью улыбаясь.— Ты простил меня?

— Да.

— Как, однако, быстро летит время,— она смотрит на часы.— Поцелуй меня.

Мы стоим на шатком подвесном мосту. Прямо над нами горят звёзды, а под ногами серебряной лентой блестит река, и где-то уже далеко на её волнах качается ярко-красный букет.

Я просыпаюсь от непонятного мне страха и первые минуты силюсь понять: кричал ли я во сне? В комнате тихо. Со стороны Вероникиной кровати слышится лёгкое посапывание. Значит, она спит и ничего не слышала. В прошлый раз, когда мне приснился похожий сон и я вскрикнул во сне, Вероника не просто услышала, но даже, проснувшись, пыталась меня успокоить. Не ребёнок, а чудо. Настоящая находка. А ведь и вправду — находка.

В глазах всё ещё стоит качающийся на волнах букетик из гвоздик и кленовых листьев, а в ушах слышится стук вагонных колёс мчащегося вдали поезда. Стук колёс и вправду слышен: день и ночь на стройку подадут вагоны

с оборудованием, кирпичом, железобетонными блоками. Подъездные пути проходят недалеко, примерно километрах в полутора-двух от нашего общежития, и ночью, когда стихает уличный шум, иногда слышно, как тепловоз катит вагоны, а особенно — когда подаёт сигналы.

До утра мне, наверное, опять не уснуть. Когда некоторое время спустя сон не приходит, встаю осторожно, нащупываю в темноте ногами тапочки, надеваю их и, тихонько подойдя к письменному столу, зажигаю настольную лампу. Неяркий её свет сразу падает на толстую общую, как у школьников-старшекласников, тетрадку. В неё я записываю мои стихи. Я открываю тетрадь на новой, не начатой пока странице в крупную клеточку и начинаю записывать пришедшие на ум строчки:

Сгорела осень золотая,
Пришла зима...
И снегопад
Шёл долго-долго, отдаляя
И разделяя нас... Назад
Ты не смогла уже вернуться,
И эти новые снега
Припорошили память, чувства,
Нас разбросав по берегам.
Остались письма без ответа,
И телефонные звонки
Тебя преследовать по свету
Не успевают... И гудки
Разрежут комнату пустую.
И разошьёт мороз окно...
И вновь по памяти рисую
Я, краски взяв и полотно,
Тебя... И имя повторяю...
Плохой художник и поэт...
Но не смогу...

И кисть роняю —
Вновь не окончен твой портрет.
Потом всю ночь гляжу на звёзды,
Не в силах справиться с тоской...
А утром покупаю розы
И целый день живу тобой!..

А на дворе уже декабрь. Снег лежит во дворе, на крышах домов, на карнизе, в кормушке, которая, благодаря Веронике не заледенела, постоянно пополняется кормом и собирает птиц. Окно подёрнуто ледком, и через проталинки смотрят в мою тетрадь со стихами тихие звёзды. Если бы я не был строителем, то, наверное, стал бы художником.

Но декабрь не всегда балует ясной звёздной ночью. Чаще стоят короткие морозные белые дни и холодные, красные от встающей над лесом зорьки рассветы, синие недолгие вечера и тёмные снежные буранные ночи, когда ветер стучится в окно с завыванием, похожим на безутешный долгий плач.

Дни корóтки —
 словно точки,
Ночи дли́нны —
 как тире...
И морзянкой в одиночку
Воев вьюга во дворе...

Однажды в субботнее зимнее утро, после того как мы с Вероникой навели порядок и, вымыв полы, сели на диван, чтобы позаниматься азбукой, в дверь постучали, а затем резко открыли. Открыли так резко, что я даже не успел надеть тапочки, встать и подойти к двери. А когда встать попытался, то не смог.

На пороге стояла Надя. Зимняя новая шубка, меховая шапка под чуть рыжеватый цвет шубы, румянец на щёчке.

— Не ждали?

Оставив дверь раскрытой, не дождавшись от меня никакой видимой реакции на её появление — ни моего кивка, ни моего приглашения, Надя энергично вошла в комнату, решительно подошла к столу и, выдвинув стул, сначала поставила на стол дорожную сумку, а потом села напротив нас.

Мы с Вероникой растерянно смотрели на неё.

Да, это была она — Надя! Надя!!!

Сердце готово было вылететь из груди, чувства рвались за ним наружу. Что касается души, то она уже парила где-то под самым потолком, только я сам продолжал сидеть на месте и смотреть на долгожданную и нежданную в этот день и эту минуту гостью.

— Ну что же ты сидишь? — спросила Надя, глядя на меня.— Не рад мне, что ли?

— Что ты, Надя! Рад я, конечно. Просто не могу опомниться, ты появилась так неожиданно...

Быстро встав с дивана, я подошёл к двери и закрыл её. Повернувшись, увидел на ещё мокром полу свежестоптанные следы.

— Раздевайтесь, Надежда Павловна. Пожалуйста, будьте как дома,— проявил я готовность помочь снять гостье пальто, подойдя к ней.

Но Надя с интересом продолжала осматривать нехитрый интерьер нашей комнаты. А я смотрел на неё. О, она была красива, как фея! И новое пальто, и длинный вязаный шарф, и такая же вязаная шапочка, и даже пышный, живой румянец на щёчках — всё это невероятно шло ей!

— Неплохо устроились,— после паузы проговорила наконец гостья.— А я, собственно, за вами.

— За нами?..— не понял я.— А куда нам? Ехать или идти?

Вопросы мои, видимо, звучали нелепо.

— Какая милая девочка! — словно не слыша меня, Надя перевела взгляд на Веронику. — Иди, девочка, поиграй во дворе, побегай с ребятами, на санках покатайся. А мы поговорим немного с дядей, а потом все вместе пойдём погуляем: ты, я и дядя, — а может, даже поедем на автобусе за город.

— Ты, я и папа? — поправила Вероника и, отложив азбуку, посмотрела в мою сторону. — А мы тоже собирались за город. Правда, папа?

Я кивнул.

— Папа?! — удивилась Надя. — А я, признаться, никогда бы не подумала, что у такой взрослой девочки может быть вот такой молодой папа.

Она посмотрела на меня, мне показалось, не совсем по добром, а затем, попытавшись улыбнуться, снова обратилась к Веронике:

— Ну хорошо, пусть будет так: ты, я и твой папа.

На лице Вероники засияла улыбка, она взглянула на меня:

— Папа, можно пойти погулять?

Я кивнул:

— Только недалеко от дома.

Прежде чем Вероника побежала одеваться, я заметил, с каким любопытством и настороженностью Надя поочередно взглянула на нас с ней.

— Да у вас тут, я смотрю, просто идиллия. Полное взаимопонимание! Ну, Саша, ты делаешь успехи. Причём огромные и быстрые успехи. За такое короткое время приручил ребёнка. У тебя, вернее, у вас, Александр, бесспорный педагогический дар. Может, даже более, чем у Макаренко. Бросайте свою стройку и айда в школу. Воспитывать молодое поколение.

Мне показалось, что в словах Нади звучала ирония. Заметила это, видимо, и Вероника. Она остановилась у двери возле вешалки и, взяв в руки пальто, посмотрев на Надю, сказала:

— Меня никто не приручал...

Надя смутилась, но ненадолго.

— А взрослых перебивать нехорошо. И в разговор, который они ведут между собой, встревать тоже детям не следует,— сделала она, уже с более добродушным тоном в голосе, замечание.— И вообще, с незнакомыми или малознакомыми взрослыми дети твоего возраста разговаривают лишь после того, как их о чём-нибудь спросят.

— Извините,— сказала тихо Вероника.— Но вы неправильно говорите: детей не приручают, приручают животных, чтобы они в цирке выступали...

— Какая ты умная...— снова заметила, и снова не без доли иронии, Надя.— Не девочка, а просто вундеркинд.

— Вундеркинды на пятёрки учатся, а я только на следующий год в школу пойду,— снова не удержалась от ответа Вероника.

— А я уже сейчас вижу, что ты самым умным ребёнком в классе будешь...— сказала Надя уже более спокойно. Как мне показалось, сбавляя колкость в голосе.

Я проводил Веронику до порога и едва только закрыл за ней дверь, как снова почувствовал не совсем доброе отношение к себе со стороны Нади. Повернувшись ко мне, она осмотрела меня с ног до головы. Осмотрела очень внимательно.

— Ты вообще-то на что-нибудь способен? — спросила она.

Я пожал плечами:

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Почему ты не можешь сделать всё сам? Почему я должна ехать к тебе за тысячи километров только для того, чтобы пристроить в детский дом привязавшуюся к тебе девочку?

— Какой детский дом? Надя, ты о чём говоришь?!

— Что Надя? Что Надя?! Ты думаешь, что она вечно будет жить с тобой?

— Я не знаю... Может быть, потом и отыщутся родители.

Надя с силой задвинула стул, подошла ко мне, глядя прямо в глаза. Я попробовал обнять её, но она отстранилась.

— А я знаю. Никаких родителей у неё нет и не было. Тебе её специально подбросили. Да-да. Спе-ци-аль-но. Видят: простачок такой, спокойный, давай ему подбросим ребёнка, нам гора с плеч...

— Да что ты такое говоришь? Кто мне кого подкинул?! Ты знаешь, сколько мне усилий стоило, чтобы разрешили оставить ребёнка? Чтобы Вероника осталась со мной?..

— А ты не перебивай меня! Мне и знать этого не надо, понял? Ты думаешь, что только у тебя одного и есть сострадание к другим? У меня тоже есть. Есть! И мне жалко эту девочку, но пойми, у нас у самих будут дети. Как они будут относиться к ней? Как она будет относиться к ним? Да и вообще... Вообще, мы с тобой ещё молоды, чтобы иметь такую взрослую дочь. Сколько ей лет, кстати?

— Скоро будет семь.

— Вот видишь! Мне только двадцать три, тебе двадцать шесть... Мама говорит...

— Я так и понял, что без мамы дело не обошлось! Это она тебе советовала не отвечать на письма?

— Я сама не маленькая! И мама ни при чём!

— Знаю я, как она ни при чём...

Надя замолчала, села на диван, и мне показалось, что она, словно мёртвая царица, проснулась от долгого тяжёлого сна и теперь приходила в себя, изучая окружающий её мир.

— Знаешь, как я устала, Саша... — сказала она, и я почувствовал, что передо мной сейчас та самая девушка с мокрой эстрады из того сентябрьского дождливого дня, оставшегося далеко-далеко в прошлой жизни.

И вот они, жизнь та и та девушка, возвращаются ко мне.

— Вижу, Наденька, вижу...

Я присел рядом. Она склонила голову мне на плечо.

— Как думаешь, мы будем счастливы? — спросила она.

— Конечно, — ответил я уверенно. — Нам много для этого не надо. Лишь бы взаимопонимание было.

— И я тоже об этом, — встрепенулась Надя. — Давай, чтобы у нас во всём было взаимопонимание.

— Давай...

— Тогда ответь мне на один вопрос. Ответишь?

— Отвечу.

— А почему Вероника сразу стала называть тебя папой?

— Да откуда мне знать?.. Наверное, она никогда не видела своего папу и решила, что папа должен быть таким, как я.

— А почему она выбрала именно тебя?

— Ну выбрала и выбрала! — сказал я уже громче обычного. — Хорошо, что меня, а не другого. Теперь я даже рад этому. Зачем ты задаёшь эти вопросы?

— А может, она больна? Может, у неё с головой что? — спрашивала больше себя, чем меня, Надя, уже отстранившись и не глядя на меня.

Она встала, подошла к окну.

— Ну ничего, в детдоме её обследуют.

— Надя! — выкрикнул я уже раздражённо. — Как ты можешь так говорить? Ни в какой детский дом я ребёнка не собираюсь отправлять и не отправлю! Я хочу, чтобы ты об этом знала точно.

— Я прошу тебя, не повышай на меня голос. Ты раньше никогда не был таким. Я тебя таким не видела... Моя мама и то...

— При чём тут твоя мама?! Ну при чём тут мама?! — не в силах больше сдерживаться, выкрикнул я.

— Не кричи, понял? Не кричи,— Надин голос дрогнул, казалось, она вот-вот заплачет.

Мне стало жаль её, и я виновато опустил глаза.

— Ты тоже раньше не была такой. И я тебя такой не знал...

— Какой такой?

— Жестокой! Вот какой! Когда я писал тебе письмо и рассказывал о Веронике, я думал и не сомневался даже, что ты меня поймёшь, и не думал даже, что у нас будут какие-то проблемы с Вероникой. Раздор из-за ребёнка.

— Но ведь это не наш, не знакомый нам ребёнок. Неизвестно чей. Ты не боишься, что вдруг найдутся её настоящие родственники и обвинят тебя в том, что ты украл их ребёнка?

— Если бы они были, то уже нашлись бы. Так что не найдутся. А если и найдутся, навряд ли будут претендовать...

— Саша, извини, но мне иногда кажется, что ты не совсем здоров...

— Ты что имеешь в виду? Мои умственные отклонения? Так их нет. Я совершенно здоров.

— Ну, извини, извини, я не хотела тебя обидеть...

Она подошла ко мне, снова присела рядом, коснулась пальцами моих волос.

— Ну как ты не понимаешь, Саша? — голос её стал мягким, почти бархатным.— Ну подумай хотя бы обо мне. Я ведь никогда не смогу полюбить чужого ребёнка. Тем более её... Мне не полюбить её насильно. Да и она тоже

никогда не будет относиться ко мне как к матери... Видишь, какая она...

— Какая?

— Настырная. Слышал, как она мне ответила? Какое замечание сделала?

— Ты же её приручённой назвала, вот она и обиделась. Она ведь почти взрослая. Всё понимает.

— Вот видишь, всё понимает, всё помнит, и сегодняшней день запомнит, и не простит мне никогда мои нечаянно вырвавшиеся сравнения.

— Да откуда ты знаешь? Откуда у тебя такие предположения? Ты ведь не знаешь Веронику совсем! Видишь её сегодня в первый раз... Она добрый, ласковый ребёнок. Вы поладите... Поймёте быстро друг друга. Вот увидишь...

Я взял Надю за руки — ещё холодные от мороза.

— Почему ты не сообщила, что приезжаешь? Хотела сюрприз?

— Хотела! — воскликнула Надя, отдёрув руки и снова поднимаясь. — Об этом потом поговорим. Сейчас главное — девочка...

— Да с девочкой всё в порядке, — я тоже поднялся. — Отличная девочка Вероника. Отличная девушка Надя. Всё отлично! Сейчас будем пить чай, раздевайся, давай к столу. Мы вчера суп вкусный сварили. Сейчас разогреем...

Я достал из холодильника кастрюлю с супом, включил электроплитку. Надя продолжала стоять. Она подошла к окну и смотрела теперь во двор.

— Ну давай раздевайся, давай, — я снова подошёл к ней, и на этот раз без усилий шуба оказалась в моих руках, а затем и на вешалке возле двери.

Надя молча отошла от окна, села за стол.

— Неужели ты хочешь, чтобы у нас из-за неё были постоянные ссоры? — спросила неожиданно она, когда я ставил на стол кастрюлю с разогретым супом.

— Ну что ты всё выдумываешь? Никаких ссор не будет у нас.

— Ты оптимист... Оптимист... — вздохнула Надя. — Я тоже совсем недавно была оптимисткой... А теперь...

— А что случилось теперь? — я сел рядом. — Что там без меня случилось?

— Без тебя ничего не случилось... Всё случилось раньше... При тебе или с тобой... Как правильно и лучше сказать, не знаю... Когда ты стал настаивать в разговоре с мамой на своём отъезде в Сибирь, я вдруг поняла, что я тебя совершенно не знаю. Не знаю, какой ты... Тот наш порыв, та наша встреча осенью на эстраде, тот дождь — всё это было так неожиданно и романтично, и казалось, что это любовь...

— А что, если не любовь? Я уверен, что это и была, и есть любовь...

— А я теперь не уверена... Не совсем уверена... Ты понимаешь?..

Предчувствие неладного вдруг колыхнулось во мне.

— Тебе встретился кто-то другой? — спросил я, не дав Наде договорить.

— Нет, нет! — она взяла меня за руку. — Кто мне мог встретиться? Живу без тебя отшельницей и думаю только о тебе... Но какие-то сомнения подступают иногда. А вдруг это нечто другое — наши с тобой отношения? Вдруг они не любовь? Вдруг это романтическая дружба, а любовь мы ещё настоящую не встретили? Ни ты, ни я... Если мы ошибаемся? Что тогда?

— Мне сердце подсказывает, что я не ошибаюсь, — сказал я.

— Будь умником! Я специально разузнала, что недалеко, километрах в пяти-шести отсюда, в селе есть детский

дом. Директором там мамина одноклассница. Мама написала ей письмо, и я уже побывала там, договорилась. Поехали сейчас. Все документы мы оформим позже. А пока пусть девочка поживёт там, привыкнет.

Всё сказанное Надей не укладывалось в голове. Я закрыл лицо руками, пытаюсь сосредоточиться. Надя осторожно коснулась моих волос.

— Ну, соглашайся, Саша, соглашайся. Ради нашей любви! Поедем, пожалуйста. Автобус туда четыре раза в день ходит, так что часа через два-три будем уже здесь. Вдвоём. Возьмём шампанское, я торт привезла. Посидим славненько. А?

Я молчал. Надя решительно встала, сняла с вешалки куртку и стала одевать меня.

— Ну хорошо, езжайте вдвоём. Так даже будет лучше. Отвезёшь и пообещаешь ей скоро приехать. А я пока здесь похозяйничаю.

Она потянула меня за руку, поставила, словно манекен, на ноги, застегнула куртку, надела шапку и, дружелюбно хлопывая по плечу, подтолкнула к двери.

— Сейчас до автостанции, а потом на автобус в Берёзово. Там найдёшь детский дом, спросишь Тамару Васильевну. Передашь привет от меня, ну и объяснишь всё, конечно. А потом... Потом мы обсудим наши дела.

Она вытолкнула меня в коридор, подбадривающе кивнула и захлопнула двери.

Вначале я по инерции брёл по узкому коридору, затем спустился по лестнице, постоял в вестибюле. Наверное, вид у меня был не самый лучший, потому как вахтёрша, с которой я поздоровался, посмотрела на меня сострадательно. Выйдя из подъезда, я увидел на скамейке Веронику.

— А где та тётя? Она что, не пойдёт с нами? — спросила она.

Я посмотрел на девочку, молча взял за руку, и мы пошли. Мы шли к автобусной остановке. И так, как я понял, мне предстояло выбирать между Надей и Вероникой. Только так и не иначе. Ну откуда, откуда у Нади такая жестокость? За тот небольшой промежуток времени, что мы прожили вместе, я привык к Веронике и теперь даже не представлял, как буду без неё. Кто будет помогать мне мыть посуду на кухне и подметать в комнате? Кто будет читать выученные в детском садике стихотворения и петь детские песенки? Надя, милая, неужели это ты? И что тому причиной — снова представления матери или уже собственная инициатива?

Автобус долго ждать не пришлось. Он подошёл сразу и, что самое удивительное, несмотря на выходной день, был почти пуст. Я посадил Веронику на сиденье, а сам встал напротив на задней площадке и, глядя в окно, продолжал размышлять. О Веронике, о Наде, о себе. Время, однако, шло. И автобус медленно двигался вперёд, удаляя нас от нашего дома. Когда он сделал очередную остановку, никто из него не вышел и никто не зашёл.

— Папа, следующая — «Парк», — сказала Вероника.

Я посмотрел на неё и промолчал. Её взгляд был по-детски печален.

— «Парк», — некоторое время спустя сказала женщина-кондуктор. — Следующая — «Автостанция».

— Папа, мы ходим? — снова спросила Вероника.

Я молчал.

— Поехали! Никто не ходит! — крикнула кондукторша водителю автобуса.

Одна створка задней дверцы захлопнулась, а вторая осталась открытой, словно приглашала выйти. Внезапно

шальная, даже безумная мысль нахлынула на меня. Страшная мысль о том, что если мы не сойдём с Вероникой из этого автобуса сейчас, то не выйдем из него никогда!

Никогда!

Не знаю, какая сила управляла мною в тот момент, но я, схватив Веронику на руки, быстро устремился к полуоткрытому проёму двери. Автобус, уже было тронувшийся с места, снова притормозил, и я услышал, как вслед нам закричала кондукторша:

— Пьяный! Ей-богу, пьяный! И как только таким детей жёны-то доверяют?!

Вероника смотрела на меня удивлённо.

— Ты не испугалась, Вика? — спросил я её.

— Не-а. Нисколечко, — ответила она. — Я сильно не хотела ехать на автостанцию. А теперь ведь мы не поедem туда, да?

— Нет. Теперь-то уж мы поедem домой, — убеждённо сказал я.

...Когда дверь в нашу комнату открылась и Надя увидела нас с Вероникой, то от неожиданности выронила из рук вазу с яблоками. Яблоки рассыпались по столу, сбив фужеры, несколько штук упали прямо в торт, а остальные, упав на пол, покатались к нашим ногам. Одно, второе, третье...

— Мы будем жить втроем, Надя, — отчётливо выделяя каждое слово, произнёс я.

Вероника, прочитав вполголоса игрушечному Деду Морозу стихотворение, встаёт, на прощание машет ему рукой и, пожелав спокойной ночи, направляется к окну.

— Что там, Вика? — спрашиваю я её тихонько.

— Идёт снег. Пушистый-препушистый,— говорит она, повернувшись ко мне вполоборота.— А ты что, не спишь, папа?

— Нет.

— Тогда можно я лягу к тебе?

— Можно.

— И возьму свою куклу?

— Бери.

Я представляю, как на лице Вероники вспыхивает улыбка. Она подбегает к своей кровати, берёт куклу и, радостная, бежит ко мне.

— Мы сегодня ещё поспим, а завтра будем сидеть долго-долго, пока часы не пробьют двенадцать, а потом ляжем спать, а когда проснёмся, то Дедушка Мороз уже положит нам под подушку свои подарки. Правда, папа? — говорит моя лепетунья, укладываясь поудобнее.

— Правда,— я глажу её по пушистым длинным волосам.— Спи, Вероника.

Рядом на стуле лежит её белое платье Снегурочки. Завтра Вероника наденет его, и мы отправимся на детский утренник. Она будет читать стихи, петь новогодние песенки и кружиться в хороводе. А я, выбрав время, куплю ей новую куклу, большую шоколадку и школьный букварь. Ведь на будущий год Вероника пойдёт в школу. А себе наконец-то куплю электробритву. И всё это после незаметно положу под подушку.

Но это будет завтра, а пока, обняв куклу и прижавшись ко мне, моя Вероника крепко-крепко спит.

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛУЧ БУДУЩЕГО»

Фантастическая повесть

Рисунок Н. Соколовой

ПРОЛОГ

«Жаль, очень жаль, что не сможет продолжить существование такой феномен Вселенной, как три планеты нашей звёздной системы, на которых зародилась жизнь. Две планеты должны погибнуть: одна, столкнувшись с гигантской кометой, разлетится на несколько частей, другая же, сдвинувшись в результате взрывной волны с привычной орбиты, претерпит большие химические изменения в атмосфере. По всем подсчётам, „устоит“ лишь третья — самая молодая, только-только начинающая свою биологическую эру. Увы, мы не в силах предотвратить надвигающуюся катастрофу, и потому обе цивилизации вынуждены на искусственно созданной планете — гигантском звёздном корабле — отправиться в свободный полёт, чтобы найти для себя новую подходящую среду обитания. Но мы надеемся вернуться на молодую уцелевшую планету. Правда, это случится не скоро — тогда, когда на планете возникнут предпосылки для жизни человека. Ну а пока люди готовятся в свободный полёт по Вселенной. В полёт, однако, уйдут не все. Останется группа наблюдения. Останется для того, чтобы наблюдать и фиксировать процесс и последствия надвигающейся катастрофы. Эта честь выпала нам: мне, моей жене Мари и сыну Эду. Кроме того, мы ждём ещё одного важного для нас события — в скором времени у нас появится ещё один малыш. Он явится на свет, когда мы уже станем жителями той уцелевшей планеты, и его крик будет первым криком первого живого существа, родившегося в не знавшем пока жизни мире...

Завтра — старт...»

(Из дневника Кьюра Протта)

— Говорит Центр! Говорит Центр! — металлический голос Главного компьютера звучал из всех включившихся одновременно динамиков.— Говорит Центр! Внимание всем, всем, всем! Случилось непредвиденное! Случилось непредвиденное! В результате столкновения планеты с кометой взрывной волной отбросило спутник-космодром, и он, попав в зону влияния уцелевшей планеты, стал её спутником. Это повлекло большие климатические изменения на поверхности планеты. Частично повреждена станция. Работавший за бортом человек погиб. Женщина — в состоянии клинической смерти. Детей удалось спасти. Всем роботам экспедиции действовать согласно инструкции номер один! Всем занять положение согласно инструкции номер один! Говорит Центр! Говорит Центр!

Главный робот экспедиции КИБ-14 щёлкнул тумблером, и надрывающиеся третий час динамики умолкли.

КИБ-14 анализировал. Итак, взрослые члены экспедиции погибли. Их тела погружены в раствор жидкого гелия и помещены в блок Хранения. Они будут покоиться там до тех пор, пока не поступит сигнал с Искусственной планеты и не будут получены дополнительные инструкции. Станция после незначительного ремонта функционирует нормально, но теперь вся ответственность за работу экспедиции ложится на него — Главного робота экипажа — КИБа-14.

Что касается детей, то двенадцатилетний Эд хотя и самостоятелен, но всё же ещё малоопытен, и ему предстоит ещё многое узнать и постичь. А только что родившемуся малышу нужна постоянная забота, такая, которую может оказать лишь взрослый человек.

— Докладывает группа, анализирующая состояние планеты,— вновь автоматически включился динамик.— Условия на поверхности планеты вполне приемлемы для проживания людей. Запасы кислорода и питательных веществ неограниченны. Рекомендуется высадка экипажа в условно-южной части как наиболее подходящей и менее пострадавшей от стихии.

— Подготовьте к спуску аппарат, всё необходимое для жизнеобеспечения людей и шестерых роботов из серии КИБ. Спуск намечается на ноль часов сорок минут условного времени,— отдав приказ, КИБ-14 снова щёлкнул тумблером.

Всю вторую половину следующих суток КИБ-14 не покидал Центр управления. Через шестнадцать часов и сорок шесть минут после отделения от станции спускаемого аппарата компьютер уловил сигнал.

— Центр! Центр! Докладывает Шестой! Докладывает Шестой! Посадка произведена успешно. Условия местности близки к идеальным. Эд чувствует себя хорошо. Приступаем к монтажу жилого городка и лаборатории. Какие будут указания?

— Подготовьте посадочную площадку для большого спускаемого аппарата, ангар для хранения оборудования, создайте все необходимые условия для новорождённого человека. Через двадцать четыре часа всё должно быть готово. Конец связи.

КИБ-14 находился в видеозале и просматривал последнюю хронику с Большой планеты, когда вновь случилось непредвиденное: на несколько секунд отключилась электроэнергия, и станцию лихорадочно затрясло. Он буквально ворвался в рубку Центра.

— Датчики зарегистрировали поток волн неизвестного происхождения, — доложил компьютер. — Они промчались над планетой мгновенно, за сотую долю секунды, и в зоне высадки группы и по всей планете произошли серьёзные изменения.

— Где данные?

— Обрабатываются.

— Что с группой? Связь есть?

— Пока нет.

— Ускорить обработку и немедленно доложить!

Через два часа КИБ-14 снова был в зале просмотра. На экране мелькали первые полученные с планеты кадры: улицы больших городов, автомобили и пешеходы, гигантские строения, шоссе и тоннели. На рейде стояли огромные корабли, взмывали в небо и совершали посадку авиалайнеры. Особое внимание КИБа-14 привлекли две гигантского размера площадки, находящиеся в разных частях планеты, и странные строения, отдалённо напоминающие аппараты, предназначенные для работы на околопланетной орбите. Неужели космодромы и ракеты? Что же произошло? Откуда за какие-то считанные часы на планете, где только-только возникли первые живые одноклеточные организмы, появилась достаточно развитая цивилизация?!

— Планета заселена неравномерно, — комментировал компьютер. — В юго-восточной части её обитают человекоподобные существа, недалеко отошедшие в развитии от первобытного строя, однако на северо-западе цивилизация достигла средней классификации. Зафиксированы несколько ядерных реакторов, взрывы атомных устройств, начинённых ураном, запуски летательных

аппаратов на орбиту планеты. Имеется радио- и теле-вещание...

— Что с экспедицией?

— На месте высадки обнаружены полуразрушенные строения, в том числе и площадка, явно предназначенная для приёма большого спускаемого аппарата, ныне покрытая густой растительностью. Ведётся тщательное обследование дна океана.

— Достаточно,— КИБ-14 поднялся.

Экран тотчас же погас, и компьютер отключился.

Почти восемнадцать часов потратил блок Памяти и Информации, перебирая архивы и пытаясь найти аналогичный случай из практики космических экспедиций, но ничего так и не обнаружил. Согласно инструкции, работа экспедиции не должна прекращаться, несмотря ни на какие чрезвычайные обстоятельства, до получения специального указания, но даже всезнающая, казалось, инструкция оказалась бессильной подсказать, как поступить в сложившейся нестандартной ситуации. КИБ-14 знал одно: он не может отступить от инструкции, ибо это будет нарушением Закона. Он был запрограммирован для выполнения и сохранения Закона. Сложившаяся ситуация потребовала от него неимоверного напряжения всех клеток тела. Он размышлял, выстраивал мысли в логические цепочки, разрывал и создавал новые. На первый план теперь выходила проблема малыша. Нужно было сделать так, чтобы оставшийся последним в составе экспедиции человек выжил. И не только выжил, но и смог адаптироваться в новой среде обитания, успешно развиваться и впоследствии стать руководителем экспедиции.

К шести часам утра Главный робот экспедиции КИБ-14 наконец-то принял самое оптимальное, на его взгляд, решение.

Дождь, зарядивший с утра, не утихал. На улице было уже совсем темно, когда Николай Петрович, прослушав последние известия, выключил приёмник и собрался было приготовиться ко сну, как вдруг во дворе настойчиво залаяла Альма.

«Кого-то там опять принесло на ночь глядя!» — недовольно подумал старый холостяк и, накинув брезентовую куртку, вышел на крыльцо.

— Извините пожалуйста, — выкрикнули из темноты. — У вас свет горел, ну я и решил постучаться... Хотел узнать: будет ли сегодня какой транспорт до Еловки? Автостанции здесь нет... Извините, что побеспокоил...

Николай Петрович подошёл поближе к калитке. Молодой человек с рюкзаком на плече, в мокром дождевике, переминался с ноги на ногу. Был он без головного убора, и Николаю Петровичу показалось, что аккуратная причёска на его голове почему-то не намочила.

— Сегодня уже нет. В такую слякоть ни один вездеход туда не отправится. Да и поздно уже, — сказал Николай Петрович.

— Вот это положеньице! — молодой человек был явно обескуражен. — И что теперь делать? Я сюда на попутке добрался. Мне сказали, вездеходы на Еловку отсюда постоянно ходят...

— Вы, наверное, в Еловку на работу едете? — спросил Николай Петрович, разглядывая сквозь стёкла очков

незнакомца.— Человек, вижу, вы новый, не встречал раньше в наших местах...

— Да. Я по направлению, после окончания института. В Еловке врач нужен.

— Вы врач?! — обрадовался Николай Петрович.— Коллега... А я — ветеринар здешний.

Николай Петрович заметно повеселел и, распахнув калитку, стал зазывать гостя:

— Да вы проходите, проходите, пожалуйста! Промокли небось. А у меня чай горячий есть — согреетесь в пять минут. А утром уедете. Глядишь, утихнет ливень — и пойдёт на Еловку гусеничная техника... А я, знаете, один живу, и к тому же на самой окраине. Всегда рад новому человеку. И многие, надо сказать, у меня остаются. Ничего удивительного в этом нет: строится новая дорога, а новая дорога всегда зовёт к себе новых людей романтической природы, а вы — романтик, сразу видно. Я, как только вас увидел, сразу определил: романтик. Только человек романтической природы не боится, несмотря на непогоду, в путешествие по незнакомым местам пускаться.

В доме, при свете, хозяин ещё раз глянул на причёску гостя. Сомнений не осталось: дождь вымочил всю одежду незнакомца, но голова его была сухой. Николай Петрович удивился, но ни о чём спрашивать не стал: отправил гостя к умывальнику, а сам стал собирать на стол. Когда же неожиданный гость, умывшись, вышел к столу, по-прежнему аккуратно причёсанный волос его был влажным.

Разговаривали долго и улеглись далеко за полночь. Николай Петрович едва сомкнул веки и погрузился в сон,

как вновь залаяла Альма, и кто-то громко и требовательно постучал сначала в окно, потом в дверь.

И ветеринар, и его гость почти одновременно выглянули в окно, а затем, наспех одевшись, выбежали на крыльцо.

У крыльца стола женщина в телогрейке, повязанная белым платком.

— Николай Петрович, помогите! Бога ради, помогите! У нашей Анюты родовые схватки начались, а фельдшер с утра в город уехал... Что теперь делать, не знаю... На вас вот вся надежда осталась,— голос пожилой женщины дрожал.— Помогите, Николай Петрович...

— О Господи! — всплеснул руками старик.— Ведь я всего-навсего скотский доктор! Одно дело животные: коровы, овцы, свиньи, собаки... А здесь — человек! Мне не приходилось...

— Но что теперь делать? Как быть? Ведь помрёт невестка, и дитя помрёт! — женщина растирала мокрое от дождя и слёз лицо.

А дождь и не собирался умолкнуть. Молодой человек, выпускник медицинского института, накинул на голову капюшон и решительно сказал:

— Ведите!

Женщина бросила на него недоверчивый взгляд, а затем, словно ища поддержки, посмотрела на ветеринара. Тот же, взяв парня под локоть, коротко спросил:

— Сможешь?

— Приходилось,— уверенно сказал молодой человек и, отстранив руку старика, первым шагнул в калитку.

...Из спальни раздался пронзительный крик новорождённого. Вчерашний студент медицинского института

вышел из-за занавески, разделяющей комнату на кухню и спальню, и, снимая перчатки, направился к умывальнику. Ветеринар и новоиспечённый отец по имени Миша молча смотрели на него.

— Ну?! — не выдержал Мишка. — Кто? Дочка?

И, не дождавшись ответа, радостно выкрикнул:

— Сын!!!

— Двойня, Миша, двойня! — из-за ширмы показалось лицо женщины, прибежавшей в дом Николая и помогавшей теперь молодому человеку.

— Мальчик и девочка — двое внучат сразу.

Мишка застыл на минуту с открытым ртом, перева-ривая сказанное матерью. А затем, ударив себя рукой по коленке, снова улыбнулся:

— Никогда и ни за что не подумал бы. Это ж надо — двойня! Ей-богу, Петрович, никогда... Однако, давайте к столу. К столу!

— Помилуй, Михаил! — взмолился ветеринар. — Четвёртый час ночи!

— Да пусть хоть шестой. Я всё равно вас никуда не отпущу.

Мишка достал из шкафчика две бутылки шампанского и графинчик, наполненный до половины прозрачной жидкостью.

— Садись, садись, мил-человек. Завтра, не сомневайся, доставят тебя до твоей Еловки. Я сам позабочусь.

Он то и дело дружелюбно похлопывал молодого человека по плечу, затем принёс кресло и поставил его на самое почётное место у стола — возле окна. Бабушка двух внучат и ветеринар попросили шампанского, себе Мишка

налил из графинчика и вопросительно глянул на медика. Тот кивнул на графинчик.

— Правильно,— поддержал его Мишка.— Спиртус гораздо ближе к медицине.

Выпили. Потом ещё. Ветеринар вначале обратил было внимание на то, как молодой человек запросто опрокидывает содержимое рюмки в рот, при этом даже не морщась и не запивая, как Мишка, водой. Однако, пригубив после шипучего напитка спирту и увлечьшись разговором с Мишкой о международном положении, он вскоре перестал обращать внимание и на время, и на всё остальное. Бабушка поминутно выскакивала из-за стола и исчезала за ширмой, проведывая невестку и внучат.

Улучив момент, врач незаметно для всех поднялся и вышел во двор. Дремавшие собаки не проявили по этому поводу ни малейшего беспокойства. Не подняли они голов и тогда, когда перед молодым человеком бесшумно открылись высокие ворота и, выпустив его, так же, без малейшего скрипа, закрылись. Молодой врач пересёк улицу, легко перемахнул почти через двухметровый забор, прошёл по соседнему двору и огородом направился в сторону реки. Он отлично ориентировался в темноте на незнакомой местности. Достигнув берега и плавно спрыгнув с крутого яра, молодой человек отыскал в зарослях хорошо замаскированный летательный аппарат и... принял облик КИБа-14.

Удобно усевшись в кресле, КИБ-14 взглянул на часы. Они показывали четыре часа тридцать девять минут местного времени. Таёжный сибирский посёлок строителей новой трассы ещё мирно спал. Спал под шум морозящего третий день дождя и не знал, да и не мог знать о том, что

его посетили существа неземного происхождения, и один из них — ребёнок, ничем не отличающийся от других детей Земли,— будет жить и воспитываться здесь, в молодой семье строителей. В этом и заключалась первая часть плана КИБа-14. Плана, разработанного самым разумным и мудрейшим в настоящее время существом Солнечной системы.

КИБ-14 закрыл дверцу, чуть подал рычаг вперёд, и аппарат, бесшумно оторвавшись от поверхности Земли, взмыл в пасмурное небо.

Был сентябрь 1960 года.

Часть первая. ДОМ НА БОЛОТЕ

Глава первая

Дядя Лёша, Марина и я

Мой дядя был самых что ни на есть честных правил. В свои сорок восемь он сохранил в себе не только оптимизм, но и чувство доброты в его первоизданном виде. Верил в человеческие идеалы (на протяжении почти трёх десятков лет любил одну женщину, которая теперь жила далеко, имела двух взрослых детей и, кажется, даже внуков), с юношеским задором восторгался всем прекрасным и великим. Был любопытен до всего нового и неизведанного. В его квартире имелась неплохая библиотека, коллекции почтовых марок и старинных монет, спортивный уголок и уголок живой природы. В состав последнего, помимо двух аквариумов, входили огромный сибирский кот, говорящий попугай и птичка колибри.

Дядя работал в областной молодёжной газете, где заведовал отделом культуры и литературы, и, как он сам выражался, «кроме всего прочего, публицистики и юморесок, иногда пописывал стишки и поигрывал в футболчик — дабы не потерять спортивной формы».

Последнее, правда, случалось лишь тогда, когда команда местного университета по тем или иным причинам временно теряла из своего основного состава ряд игроков, а с ним заодно и безвозмездно одно, а то и два очка после очередного матча. Вот тогда и надевал дядя Лёша футболку под номером четырнадцать и вставал в центр обороны, «цементируя» защиту. Здесь, наверное необходимо сказать и о том, что в своё время он пытался сделать из меня такого же вот свободного защитника —

как он говорил, «самого полезного игрока в команде». Но я упорно лез в нападающие, страстно желая вгонять мячи в сетку ворот соперников. Однако скоростные качества меня подводили, и по воле тренера я частенько оказывался «оттянутым в тылы». Я спорил, не соглашался и в конце концов оказывался на скамейке запасных. Но я не обижался и в глубине души был уверен в том, что мой час ещё настанет. Обязательно настанет. Впрочем, обо мне, как и о Марине, разговор несколько иной.

Писать стихи и заметки в газету я начал независимо от дяди. Мы жили в городке районного значения, отдалённом от областного центра расстоянием в шестьсот пятьдесят километров. Как, наверное, все начинающие поэты, писатели и журналисты, я тоже начал со стихов в восьмом классе. В девятом написал зарисовку о бригаде строителей и вместе с подборкой стихов отправил в районную газету. Зарисовку напечатали, стихи нет. Тем не менее это событие меня окрылило, и я сделал репортаж о сдаче жилого дома под ключ и, подкрепив его новой стихотворной подборкой, отправил в адрес редакции. Репортаж появился на первой странице буквально через два дня, подборка застопорилась. Через месяц я замахнулся на очерк о ветеранах войны (приближался День Победы). Очерк неожиданно попал на доску лучших материалов газеты, и мать, перечитав его несколько раз, с гордостью посмотрела на меня:

— Ну, ты, сынок, у меня в дядю Лёшу — писатель...

И я окунулся в магический мир печати. Уже не помышляя о стихах, писал заметки на школьные темы, освещал спортивные и культурные мероприятия и твёрдо был уверен в выборе дальнейшего жизненного пути.

С Мариной мы познакомились на вступительных экзаменах на факультет журналистики. Это случилось на удивление просто

и как-то само собой. На одной из консультаций мы оказались за одним столом и неожиданно разговорились. Марина жила на самом севере области. Она была на год постарше меня и поступала в университет во второй раз. Недобрав в прошлом году положенного количества баллов, она до нынешнего лета работала в своей районной газете. На следующий день Марина уже читала мне свои стихи и очень хотела, чтобы я прочёл в ответ свои. Я отказывался, говорил, что с этим детским лепетом покончено и ворота к нему нет. Она в ответ лишь многозначительно улыбалась.

В университет мы поступили. Я поселился на квартире у дяди Лёши и по вечерам ходил провожать Марину до общежития. Иногда Марина заходила к нам «на чай», и мы, бывало, подолгу обсуждали текущие журналистские дела, дискутировали. Со второго курса я ушёл служить в армию. Марина ждала. Но, ожидая, продолжала учиться. И когда я после двухлетнего перерыва восстановился на свой курс, она была уже на четвёртом. Я не могу определить точно, когда наша дружба переросла в любовь. Иногда мне казалось, что мы любили друг друга всегда. С самой первой встречи. Мы были уверены друг в друге и твёрдо знали: что бы там ни случилось, мы всегда будем вместе. Мы скучали друг без друга, когда выпадала недолгая разлука, и созванивались по нескольку раз в день. А нынешним летом решили втроём (включая дядю Лёшу) поехать на север, в Маринины родные места.

План этой поездки зародился ещё зимой, когда однажды вечером Марина поведала нам историю о таинственном доме на болоте. И мы, как подобает настоящим романтикам, загорелись. Первым «воспылал» дядя Лёша. Он обмозговывал это дело дня три, а потом вдруг сказал:

— Хлопцы, а что, если нам махнуть туда и своими глазами посмотреть на этот самый «Ноев ковчег»? Что скажете?

— Конечно! — радостно поддержала его Марина.

Я же молча пожал плечами, Это означало, что в принципе я был не против, хотя в душе, говоря откровенно, сомневался в том, что мы что-либо там найдём. Решение о поездке было принято в тот же вечер, и мы начали готовиться в путь.

Но прежде — рассказ Марины.

Глава вторая

Рассказ Марины

Мы с братом были одного дня рождения. Однако, несмотря на это, очень сильно отличались друг от друга. В младенчестве, говорили, брат много болел, но впоследствии стал вполне здоровым ребёнком. Правда, несколько странным. Ни с кем из ребят он не дружил, да и со мной общался очень редко. Книг почти не читал, а доставал где-то журналы по радиотехнике и собирал по схемам приёмники. И всегда всё знал, о чём бы я его ни спросила. Однако в учёбе не выделялся. Иногда мне даже казалось, что он не считает учёбу делом серьёзным. Родители наши бывали дома редко — больше мотались по трассе: строили жильё, административные здания и разного рода сооружения, прилегающие к новой железной дороге, — и воспитанием нашим занималась в основном бабушка. В её обязанности входило собрать нас в школу, накормить и уложить спать. В пору же летних каникул мы были целиком и полностью предоставлены сами себе. А в то самое лето и вовсе надолго остались одни (бабушка уехала к папиной сестре).

Началось всё с того, что мы небольшой группой во главе с десятиклассником Валерой отправились на несколько дней к расположенному за небольшим перевалом и находившемуся

километрах примерно в двадцати от посёлка лесному озеру. Мы построили недалеко от озера шалаши и целыми днями купались и загорали, а вечерами, собравшись у костра, пели под гитару или слушали самодельный Максимкин (брата звали Максимом) транзисторный приёмник. Надо сказать, что приёмник улавливал радиоволны и обращал их в звук без всяких помех в любом месте, где бы Максим его ни включал. Дни летели быстро. Примерно через неделю запасы продовольствия у нас стали заканчиваться, и мы начали подумывать о возвращении домой, но неожиданно зарядил дождь. Он шёл весь день и весь вечер и только к ночи притих.

В ту памятную ночь я долго не могла заснуть. Вначале вслушивалась в разговоры девочек, потом в треск разожжённого после дождя костра и в крики ночных птиц. Наконец я задремала и проснулась оттого, что почувствовала, как кто-то меня тормошит. Это была моя подруга Вера, дежурившая вместе с одноклассником Петькой у костра.

— Марина, Максим ваш куда-то пошёл в лес — к озеру, наверное... Идёт мимо нас, а глаза у него закрытые... Так страшно...

Мы выскочили из шалаша и увидели Валеру с Петькой.

— Тише! — сделал нам знак Валера. — Ничего страшного. Обыкновенный лунатик. Пойдём за ним осторожно. Он до воды дойдёт и остановится. Главное — не спугнуть его.

— А где луна-то? — как бы невзначай спросил Петька, и мы разом глянули в небо.

Оно было пасмурным. Валера пожал плечами и, поманив нас, нырнул в кустарник. Миновав заросли, мы поднялись на холм и увидели, а вернее, различили фигуру Максима у воды.

— Будьте здесь! — скомандовал Валера, осторожно спускаясь вниз.

Через некоторое время он подкрался к Максиму совсем близко и спрятался за поваленное дерево.

— Сейчас он его разгипнотизирует,— прошептал Петька.

«Как?» — хотела спросить я, но не успела. Именно в это время и возник свет. Он был как вспышка, появившаяся мгновенно и застывшая на несколько минут. Фигура Максима, поглощённая этим светом, на некоторое время исчезла. Время будто застыло, и никто из нас не смог уловить то мгновение, когда вспышка стала сокращаться. Она удалялась, словно уплывала по озеру, и — что самое страшное — уносила Максима с собой! Фигура Максима, появившаяся вновь, поплыла за лучом света и стала уменьшаться в размерах по мере сокращения луча.

— Максим! Максимка! — закричала я, сбегая вниз к озеру.

Но голос мой таял, растворялся, едва сорвавшись с языка. Я бросилась в воду вдогонку за братом, но ноги мои увязли в какой-то появившейся здесь неожиданно болотной жиже. В небо взметнулось огромное зарево, и озеро бесшумно забурлило и стало испаряться...

...Я проснулась в палатке, когда было уже светло. Первое, о чём я подумала, — о ночном происшествии, которое теперь казалось кошмарным сном: «Слава Богу, что это был лишь сон!»

Выглянув наружу из шалаша, я увидела остатки дотлевающего костра. Вокруг никого не было. В безоблачно-голубом небе ярко светило солнце, и, радуясь ему, оживлённо щебетали птицы. Я прошла через кустарник, поднялась на холм и... не увидела озера! На его месте было болото. Самое обыкновенное болото — с кочками, жижей трясины, куликами и... небольшим домиком посередине. Мне ещё подумалось, что на курьих ножках, как в фильме «Морозко», помните? Надо ли говорить, как я тогда испугалась и чуть было не закричала? Но тут увидела

Валеру. Он шёл краем болота и с помощью шеста выискивал брод. Я окликнула его. Валера удивился, увидев меня.

— Как ты здесь оказалась? — спросил он строго, подойдя ко мне.

— Как? — переспросила я удивлённо. — Мы же на озеро пришли... Все ребята... А Максим ушёл...

— Какое озеро? Какие ребята? Какой Максим? Ты о чём говоришь? — Валера странно посмотрел на меня.

Я оглянулась назад, на поляну, и обомлела. Там, где ещё пять минут назад были шалаши и дымился затухающий костёр, теперь росла высокая, в рост человека, трава.

— А озеро? А дом?.. — прошептала я.

— А, дом... — как-то странно сказал Валера и посмотрел в сторону болота.

Я не поверила глазам: дом плыл, удаляясь от нас, а поверхность болота прямо на глазах зарастала камышами. Земля закачалась; облака, лес, трава — всё куда-то поплыло, и я упала, потеряв сознание.

Но самое удивительное началось потом. Когда я снова пришла в себя, то увидела, что нахожусь дома, а у моей кровати стоят мама, папа, бабушка и человек в белом халате.

«Врач», — догадалась я и тихо спросила:

— Где Максимка?

Взрослые смотрели на меня удивлённо-выжидающе.

— Максимку нашли? — снова спросила я.

— Тебе плохо, доченька? — забеспокоилась мама. —

Скажи, где у тебя болит, деточка?

Я ещё раз спросила про Максима.

— Успокойся, Мариночка, милая. Тебе, видно, сон страшный приснился. Ты очень долго спала, — успокаивала

меня мама. — У нас в посёлке и мальчика-то с таким именем нет.

— Он же братик мой... Мы двойняшки...

Бабушка всхлипнула, а врач сказал:

— Если это не пройдёт в течение двух дней, то девочку необходимо будет отправить в областной центр.

У меня снова закружилась голова.

А на следующее утро я проснулась с ясной и чёткой мыслью — как сейчас говорят, установкой — о том, что НИЧЕГО НЕ БЫЛО. Не было озера за перевалом, не было нашего похода, не было ни светового луча, ни дома на болоте. И не было, наконец, никогда у меня и брата по имени Максим. О нём вообще НИКТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ. Но я помнила всё. Помнила, но ясно понимала, что не могу говорить о происшедшем на озере НИ С КЕМ. Эту мысль как будто кто-то специально внушил мне за прошедшую ночь, а затем предложил поиграть в неведомую ранее игру. То в погребе, то на чердаке, то за поленницей дров я находила собранные когда-то Максимом транзисторные радиоприёмники, которые на следующий день, куда бы я их ни прятала и ни запирала, исчезали бесследно. Так продолжалось около года, а затем прекратилось. Тоже неожиданно.

Шло время. Я закончила школу, поступила в университет, познакомилась с вами. И вот прошлым летом мы с родителями отправились на сенокос. За тот самый перевал. Решили заночевать и пособирать грибов, как у нас принято говорить, «на жарёху». На одной из лесных опушек на глаза мне попался странный предмет. Когда я подняла его и внимательно рассмотрела, то узнала Максимкин транзистор, тот самый, который он брал с собой в поход. Осмотревшись, я узнала и поляну — это на ней располагался тогда наш лагерь.

Я поднялась на холм и увидела дом. Он находился примерно на том самом месте, где предстал перед нами впервые в ту странную и далёкую теперь уже для меня ночь. Дверь его была раскрыта, а на пороге стоял человек. И хотя между нами было приличное расстояние, мне показалось, что я вижу, как он улыбаётся и приглашает войти. Страху не было, и я даже попыталась идти к дому, но что-то сковывало мои движения. Видение продолжалось около минуты. Затем дверь медленно, как мне показалось, со скрипом, закрылась, дом поплыл, а болото за несколько секунд покрылось камышами.

Вот такая история...

Марина закончила рассказ и посмотрела вначале на меня, а потом на дядю Лёшу. Мы сидели в мягких удобных креслах. Чуть слышно играла магнитола, и блики цветомузыки, переливаясь, отражались в Мариных глазах.

— После случая на сенокосе с меня будто сняли обет молчания,— сказала Марина.— Я поняла, что должна и даже обязана рассказать обо всём кому-то. Но кому? И вот сегодня я вдруг почувствовала, какой-то внутренний толчок подсказал мне, что я должна рассказать всё именно вам, а вы мне должны поверить. Вы мне верите?

— Знаете что, Мариночка, а весьма любопытна эта ваша история,— сказал после небольшой паузы дядя Лёша.

— Правда? И она не кажется вам неправдоподобной?

— Не знаю, поверите вы мне в свою очередь или не поверите, но эта история, так искренне рассказанная вами, задела меня. Я не могу этого объяснить, но...

Дядя Лёша задумался.

А через три дня мы уже приняли решение совершить вояж к пропавшему озеру и начали готовиться в путь.

Глава третья

Начало экспедиции

Всё. Дальше, казалось идти было невозможно. Туча мошкар, зависшая передо мной, закрыла видимость и с отчаянной быстротой полезла в глаза, в уши, в нос, за пазуху, за шиворот куртки. Мне хотелось только одного — сесть, закрыть лицо руками и больше не двигаться. Впереди слышалось равномерное монотонное хлюпанье — дядя Лёша и Марина продолжали идти вперёд. Я не переставал удивляться их неиссякаемой энергии и энтузиазму. Для них, казалось, не существовало трудностей. И хотя я, как говорится, держался ещё молодцом, но будь на то моя воля — давно бы бросил это мероприятие.

После двух неудавшихся попыток пройти болото «в лоб» (с холма, где был расположен наш лагерь) дядя Лёша принял другое решение — сделать обходной манёвр и попытаться зайти, как он выразился, «с тыла». И вчера, отмотав за день этак километров сорок – сорок пять, мы наконец выбрали место «для новой и решительной атаки», а с сегодняшнего утра начали новый штурм.

Почва с этой стороны была несколько устойчивее, и заросли камышей попадались значительно реже, но зато здесь обитали полчища комаров и мошки. Я отнюдь не считаю себя человеком слабым, но сегодня убедился в том, что наше мероприятие стало приобретать фанатичный характер, и потому потерял веру в его успех окончательно. Очевидно, я плохо скрывал в себе пошатнувшееся чувство оптимизма, ибо, судя по поведению моих спутников, они это заметили. Впрочем, дядя Лёша, как всегда, был тактичен, а вот Марина...

Когда вчера за завтраком я рассказал им о том, что видел во сне этот самый дом со светящимися окнами и что окна

его были настолько большими, что напоминали витрины центрального универмага, Марина рассердилась не на шутку.

— А некоторых сюда вроде бы и не звали,— как бы между прочим обронила она.

У меня кольнуло под сердцем, и я уже было собрался с силами, чтобы высказать всё, что я думаю по поводу нашего путешествия, но дядя Лёша (спасибо ему), вовремя уловив назревающий конфликт, опередил меня:

— Только не надо ссор, ребята. Предпримем ещё парочку попыток, а потом будем решать, как нам быть дальше.

И, подмигнув мне и Марине, с улыбкой пропел:

Будем думать и гадать,
Как нам чудо соглядать,
Ка-ак нам чудо согляда-ать!

Марина улыбнулась, и у меня отлегло от сердца.

...Наконец-то мы вышли на небольшую поляну с прочным грунтом, метрах в ста пятидесяти от «большой земли».

— Привал, ребяташки,— скомандовал дядя Лёша.— Шуррик, займись костром. Мариночка, занесите островок на карту.

Дядя Лёша, словно капитан фрегата, дав нам чёткие указания, поднёс бинокль к глазам, чтобы «обозреть неведомые дали». Если бы не спортивная шапочка немецкой фирмы «Адидас», то дядю Лёшу можно было принять за настоящего капитана. Об этом говорили и его штормовка, и морской бинокль, и сапоги, и, главное, борода, которую он решил не сбривать до окончания путешествия.

Минут через двадцать мы присели у костра, и я подставил лицо под дым в надежде хоть немного отпугнуть надоедливую мошкарку.

— Значит, Александр, говоришь, гастроном тебе приснился? Гляди-ка...— дядя Лёша не терял чувства юмора.

— Хорошо, что не оперный театр,— подыграла ему Марина.

Я молчал.

— Ну, значит, повезёт непременно. Мне как магазин приснится — обязательно в чём-нибудь повезёт: то рубль по лотерейному билету выиграю, то фельетон напишу.

Дядя Лёша рассмеялся, и его громкий смех, идущий от самого сердца, от его доброй, вечно молодой души, пронизывал меня насквозь, согревал, придавал уверенности, отодвигал мелочи на второй, на третий, на пятый план.

На «островке» остались ночевать. Место было подходящее. Поставили палатку, из рыбных консервов приготовили уху, вскипятили чай и, поужинав, разместились внутри палатки, предварительно выкурив оттуда мошкарку. Затем долго говорили обо всём на свете: о тайнах Вселенной, о Бермудском треугольнике, о Марининой дипломной работе, строили далеко идущие планы на далёкое и близкое будущее. От моей раздражительности не осталось и следа. Более того, с пожеланием спокойной ночи Марина даже поцеловала меня.

Ночью начался дождь. Порывистый ветер трепал палатку, а тяжёлые капли дождя то ударялись о брезент, словно пытаясь пробить его, то, как бы удаляясь, затихали. Дождь шёл более двух часов, и когда наконец умолк, стало непривычно тихо. Не в силах заснуть, я решил выйти из палатки. Тихонько развязав шнур, раздвинул занавес и... обомлел. Вернее, вначале отдёргнулся, как от удара электротоком, а затем уже замер.

Метрах в двадцати от меня стоял дом, окно его ярко светилось...

Глава четвёртая

Дом на болоте

— Что там, Саша? — услышал я за спиной голос дяди Лёши, но ответить не смог.

— Саша, ты слышишь меня? Что с тобой?

Шоковое состояние не прошло и тогда, когда дядя Лёша с Мариной оказались возле меня. Свет от окна дома падал на вход палатки, и это расстояние от палатки до дома было похоже на световую дорожку.

— Всем оставаться на местах! — вполголоса скомандовал дядя Лёша и, выбравшись из палатки, взял в руки шест.

Мы с Мариной не дыша смотрели ему вслед. Смотрели, как он, осторожно ступая, пошёл на свет, ощупывая шестом дорогу впереди себя. Вот он уже вплотную подошёл к дому, но, едва приблизившись к окну, пропал из виду. Я окликнул его — ответа не последовало. Я крикнул ещё раз, потом ещё, погромче, но дядя Лёша не отвечал.

— Теперь пойду я, — сказала после продолжительной паузы Марина, выходя из палатки.

— Ни в коем случае, — остановил я её. — Теперь моя очередь.

— Нет, моя. Я тебя старше.

— А я мужчина, поэтому не должен подвергать тебя риску.

— Если ты мужчина, то не должен оставлять меня одну.

— Конечно, нет. Но... Но как же быть?

— Пойдём вместе.

Мы взялись за шесты. Марина пошла первой. Я ступал ей вслед. Медленно мы приближались к дому. Когда прошли примерно половину пути, мне показалось, что мы отклонились влево, и я сказал об этом Марине. Но она ответила, что

идёт прямо на свет. Мы прошли ещё несколько шагов — дом не стал ближе. Ощущение того, что мы всё-таки отклоняемся в сторону, не проходило. Неожиданно сзади послышалось чавканье болотной жижи, и мы с Мариной, одновременно обернувшись, увидели дядю Лёшу. Он шёл по нашим следам!

— Стоп, ребяташки! Мне кажется, я понял этот домик. Он просто-напросто водит нас по кругу. Очевидно, вокруг него защитное поле, которое нам, по всей видимости, не преодолеть. Нам кажется, что мы идём вперёд, а на самом деле огибаем дом и ходим вокруг него.

— А окно? Мы же всё время видим окно! — воскликнул я.

— Очевидно, дом имеет округлую форму, и свет распространяется по всей округе.

— А где же двери? — спросила Марина. — Я же видела раньше двери.

— Может быть, мы их ещё и увидим,— глядя на свет, сказал дядя Лёша.

И едва он успел произнести эти слова, как со стороны дома буквально брызнул огненный луч. Он был словно выстрел огнёмёта. Выстрел, направленный в Марину. Всё произошло за каких-то полсекунды. Ослепительный всплеск затмил глаза, земля вспыхнула у ног Марины, и Марина исчезла. Я ещё не успел понять толком, что же произошло, как со стороны дома последовал ещё один выстрел, и на том месте, где секунду назад стоял дядя Лёша, остался одиноко покачивающийся его шест. Очередь была за мной. Я уже понял это, но страха почему-то не чувствовал. Было лишь чувство томительного ожидания. Медленно тянулись секунды. Одна, вторая, третья... А выстрела всё не было и не было. Устав ждать, я не выдержал и, преодолевая сильный невидимый напор, ринулся навстречу пожирателю людей!

Я спотыкался, падал, вставал, снова продолжал бежать. Промочив одежду и набрав полные сапоги жижи, я наконец остановился, выбившись из сил от бессмысленного бега по кругу, ни на сантиметр не приблизившего меня к цели. Тяжело дыша, со злобой и бессилием смотрел я на светящееся окно и ждал, ждал, ждал...

И оно раскрылось...

Резко распахнулось, и яркий, пронзительный свет ударил по глазам. Я прикрыл лицо руками и напрягся. Напрягся изо всех сил, какие только во мне оставались. Я пытался устоять на месте, но чувствовал, что ноги мои пошли. Пошли помимо моей воли. Я шёл, как кролик в пасть удава! Несколько раз я пробовал открыть глаза, но не мог. Неестественно яркий свет слепил до слёз. И я шёл, не видя ничего вокруг. Так, с закрытыми глазами, сопротивляясь, я подошёл близко к дому, и тут ноги мои остановились. Я почувствовал, что стою недалеко от окна, но не решался, да уже и не хотел открывать глаза. Какая-то сила подбросила меня, и когда я всё-таки открыл глаза, то увидел, что стою в окне. Свет из ярко-оранжевого стал теперь мягко-голубым. Гигантская сила бесцеремонно втянула меня вовнутрь, окно захлопнулось, и я, упав на что-то твёрдое, небожно ударился головой.

Глава пятая

Ночной город

Я катился вниз по наклонной не то металлической, не то бетонной поверхности, переворачиваясь со спины на бок и пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь. Однако поверхность была идеально гладкой, и я то погружался в полную темноту, то

выныривал на яркий свет, пока вдруг не почувствовал, что попал в некий жёлоб, напоминающий санную трассу с крутыми поворотами и заносами на бордюре. Теперь я уже мог немного регулировать своё движение ногами и несколько замедлять его на поворотах, но по-прежнему скользил вниз. Скольжение длилось, по моему ощущению, довольно долго и через некоторое время стало утомительным. Я перестал сопротивляться, расслабил руки и ноги, снова закрыл глаза и положился на судьбу, думая о том, что всему на свете бывает предел — будет предел и моему падению. И он наступил, этот предел. Наступил резко и неожиданно — я подпрыгнул, как на трамплине, и, сделав немислимый воздушный пируэт, приземлился на мостовой.

На самой обыкновенной городской мостовой. Когда я поднялся на ноги, то увидел, что впереди и сзади меня, на расстоянии примерно двадцати метров друг от друга, возвышались стены каменных высотных зданий, а вымощенная булыжником дорога вела к мосту, переброшенному через обрыв. По дороге и по мосту шли, не обращая на меня ни малейшего внимания, люди в длинных, как у служителей церкви, одеждах.

Над головой висела крошечная тьма, а вся округа освещалась неярким неестественным светом, исходившим неведь откуда. Но самым удивительным было то, что я не чувствовал ни малейшего интереса ко всему — ни удивления, ни страха, словно я находился на скамейке университетского парка, а мимо проходили спешащие на занятия студенты. Когда со мной поравнялся полный человек в длинной тёмной одежде, я, увлекаемый каким-то инстинктом, пошёл за ним в сторону моста. Я шёл, впервые в жизни, наверное, не думая ни о чём. За мостом путь раздваивался — толстяк свернул вправо, я последовал за ним. Через некоторое время мы вышли на узкую улочку с каменными стенами и множеством дверей в них, будто

возникшую здесь из древних арабских сказок. Казалось, что вот-вот появится навстречу верхом на ослике человек в чалме и халате. Но ни людей, ни осликов, ни собак, ни кошек и никакой другой твари мне так и не встретилось. Не было здесь и настоящих деревьев. Нечто отдалённо напоминающее пальмы было, но оно было настолько ненатуральным, что обнаруживало себя даже при неярком свете. Дойдя примерно до середины улицы, толстяк остановился у одной из дверей и негромко постучал. Дверь отворилась, и он пропал в её проёме. Я постоял несколько секунд в нерешительности, а затем пошёл дальше.

Дальше дорога уходила вверх и выходила на площадь. Площадь была наполнена людьми. По всему периметру площади цепочкой стояли люди с корзинами у ног. Время от времени к ним подходили другие, рассматривали содержимое корзины, иногда протягивали стоящим предметы, похожие на камешки, и брали что-то взамен. По всей видимости, на площади располагался торговый ряд.

Перейдя площадь, я вышел на узкую тёмную улочку и медленно пошёл по ней. Шёл долго, пока не уткнулся в большую, обитую железом дверь.

Не зная почему, я слегка толкнул эту дверь, и она со скрипом отворилась, словно предлагала войти. И я вошёл. Оказавшись на узкой площадке, сквозь тусклый свет, идущий от камина снизу, я разглядел крутую каменную лестницу и двоих людей, сидевших за большим деревянным столом.

— Это он, — сказал один из них, кивнув на меня. — Пришёл. Надо привести его в надлежащий вид.

Второй оценивающе, как мне показалось, посмотрел на меня и поманил пальцем. Я послушно спустился по каменным ступенькам. Едва я подошёл к сидевшим у камина людям, как за моей спиной словно из-под земли вырос третий

человек. Я оглянулся, он кивком головы показал, что нужно следовать за ним.

Я посмотрел на сидевших, те утвердительно кивнули. Я тоже кивнул им и пошёл за человеком, поманившим меня, думая почему-то не о том, куда мы идём, а о камине, где огонь горел как-то ненатурально, каким-то неярким светом, и от него, как мне показалось, не шло тепло. Мы пошли по широкому коридору и, пройдя несколько метров, оказались у бассейна. Мой провожатый молча указал на воду. Когда я разделся, он осмотрел меня с ног до головы и, ничего не сказав, удалился. Я осторожно ступил в воду и сразу погрузился по грудь, испытыв доселе мной не изведенное чувство блаженства. Я плавал, нырял, как мальчишка, получивший разрешение родителей искупаться после долгого запрета, переворачивался на спину и лежал на воде с закрытыми глазами, всем телом ощущая, как отдыхает и расслабляется каждый мой мускул и каждый мой нерв. Мне захотелось, чтобы это состояние длилось вечно, но часа примерно через два после моего погружения в воду появился провожатый и знаком дал понять, что пора выходить. В руках он держал одежду — такую же тёмную, как и у всех обитателей этого подземного города. Я без малейшего колебания напялил её на себя, и мы пошли в обратном направлении, через коридор и комнату с камином. Тех двоих за столом уже не было, и камин, как мне показалось, на этот раз горел более натурально, высвечивая языками пламени предметы и бросая на неоштукатуренную стену длинные тени от них.

Мы вышли на улицу, пересекли часть площади. Мой провожатый в обмен на камешек приобрёл у торговца нечто серое и шарообразное и, положив купленное в сумку у пояса, повёл меня по незнакомой улице с такой же древневосточной архитектурой. Мы шли какое-то время по ровной улице вдоль

высокой каменной стены с редкими дверями в ней и остановились там, где улица заканчивалась неожиданно крутым нешироким обрывом. На другой стороне огромного рва светился окнами красивый замок, обнесённый каменной стеной. Из глубины рва несло сыростью, внизу что-то урчало и клокотало.

Мой провожатый ждал меня, пока я разглядывал замок, у открытой двери в стене. Последней по счёту и крайней от обрыва. Когда же я подошёл к нему, то он слегка склонил голову и, прижав правую руку к груди, молча предложил войти. Я вошёл.

На фоне небольшого дворика с постройками и фонтаном, с неестественными уродливыми деревьями и такими же уродливыми плодами на них стоял домик с террасой. Интерьер дома также был небогатым: стол, несколько табуреток, камин и лежанка в углу. Я посмотрел на своего спутника. Тот, кивнув на табурет, извлёк неизвестно откуда глубокую чашку и вложил в неё одну половинку разломленного им же шара. Затем, взяв чашу, подошёл к камину и поставил её у самого края. Я уселся к столу. Через несколько минут в ноздрях защекотало от приятного запаха. Смертельно хотелось есть. Мой молчаливый спутник поставил дымящуюся чашу передо мной, и пока я, обжигаясь, брал содержимое в руки, он, ненадолго отлучившись, принёс наполненную до краёв большую деревянную кружку. Пища была отменной. Она напоминала вкус хорошо сваренного мяса, в меру посоленного, с добавлением в него перца и лаврового листа. Покончив с едой и отпив из кружки, я вспомнил о существовании попутчика и пригласил его присоединиться. Тот отрицательно замотал головой и встал у камина, широко расставив ноги и скрестив руки на животе. Своим поведением он напоминал мне смиренного монаха.

Я сделал ещё несколько глотков и почувствовал полное удовлетворение жизнью. Затем, усевшись поудобнее, стал с

любопытством разглядывать своего опекуна. Пламя камина высвечивало его довольно хорошо сложенную фигуру. Продолговатое лицо, длинный нос, немигающие, будто неживые, глаза, большие руки. На тыльной стороне правой ладони отчётливо виднелась накладка из трёх латинских букв: «SIT».

— Сит,— прочёл я вслух.

Услышав это слово, незнакомец встрепенулся. Казалось, в эту минуту он был готов выполнить любую мою команду.

— Ты — Сит? — спросил я, делая из кружки два очередных глотка.

Он утвердительно кивнул.

— Ты — Сит.. А я — Алек... Алекс... Саша... — язык мой уже заплетался, и я почувствовал обрушившуюся на меня прямо-таки смертельную усталость.

Мой молчаливый собеседник ещё раз кивнул, забрал из уже непослушных моих рук кружку и поставил её на стол. Затем он легко приподнял меня на руки и понёс на лежанку. Я закрыл глаза. Мне казалось, что я снова продолжаю падать по наклонной. Цепляюсь, сопротивляюсь, но всё-таки качусь вниз. Вниз. Вниз. Вниз...

Глава шестая

Телохранитель

Падение прекратилось, едва я открыл глаза. В камине весело потрескивал огонь, и его яркий свет хорошо высвечивал жилище: занавешенное окно, облезлый холст на противоположной стене, изображающий не то застолье, не то какую-то битву, стол, табуретки и Сита, стоящего у камина в невозмутимой позе.

Захотелось пить. Сит, угадав моё желание, подал наполненную до краёв кружку. Осушив её, я почти сразу почувствовал прилив бодрости и здоровое чувство голода. На столе уже стояла чаша, и комната вновь наполнялась неповторимым ароматом. Сит принёс кувшин с водой и полотенце. Я умылся и сел за стол.

После завтрака решил немного прогуляться. Сит пошёл со мной. На площади он купил несколько серых шаров и, сложив их в сумочку у пояса, быстро догнал меня. Я понял, что теперь он не оставит меня ни на шаг и будет следовать за мной повсюду, и, сам не зная почему, улыбнулся.

Мы перешли мост, прошли мимо места моего «приземления» и совершенно неожиданно вышли на улицу, как две капли воды похожую на нашу. Ради интереса я прошёлся по ней до самого конца и... вышел к обрыву с замком на противоположной стороне. Сит спокойно, по-хозяйски раскрыл последнюю дверь в стене и молча посмотрел на меня. Я вновь оказался в знакомом мне дворе. Поднявшись на террасу и войдя в дом, я обнаружил, что всё было точно так же, как и в доме на другом конце города: стоял стол, горел камин, висел холст, а в углу ютилась лежанка. Я присел на край табуретки.

Через минуту Сит приготовил кушанье и поставил на стол наполненную кружку. Сделав два глотка, я снова почувствовал голод и с удовольствием начал есть, запивая чудодейственным напитком. Покончив с обедом, я погрузился в такое блаженство, что, улёгшись на лежанку, закинул ноги прямо на камин. В эту минуту я был доволен всем: жизнью, собой, Ситом. Доволен тем, что сыт, что хорошо выспался, что так ловко проделал путь из одного конца города в другой и безошибочно попал в «свой» переулок. А что, если

совершить обратный путь? Я поманил Сита, и когда тот пошёл — кивнул на кружку. Сит быстро наполнил её до краёв. Отпив больше половины, я оставил кружку на столе и вышел на улицу. Перейдя через мост, прошёл площадь и снова оказался на улице, заканчивающейся обрывом и замком на противоположной стороне. Сит, проворно обогнав меня, услужливо раскрыл передо мной дверь в стене. Тот же двор, один к одному: дом, комната, стол, наполненная менее чем наполовину кружка, пустующая чаша. Допив содержимое кружки, я резко бросил её на стол, выскочил во двор, а затем на улицу. Пробежал площадь, мост, улицу, вторую. Сит, опередив меня, открыл последнюю дверь в стене. И опять: двор, дом, пустая кружка... Развернувшись в дверях, я чуть было не столкнулся с Ситом, но тот ловко увернулся, давая мне дорогу. А я бежал уже в обратную сторону. Снова остались позади улица, вторая, мост, площадь, обрыв, замок и Сит, стоящий у раскрытой двери, спокойно-невозмутимый...

Тяжело дыша, я плюхнулся на табурет. Сит быстро наполнил кружку. Сделав традиционные два глотка, я повернулся к камину и перевёл дыхание, затем, отпив ещё, улыбнулся самому себе. Мне снова стало хорошо. Очень хорошо. Глаза закрылись сами собой. Сит взял меня под руку и повёл к лежанке. Уткнувшись головой в подушку, я почти сразу уснул.

Глава седьмая

Звездочёт и хозяйка замка

Меня ничуть не беспокоило однообразие моей жизни. Утром (если здесь вообще наступало утро), когда я просыпался, на столе стояли очередная кружка «добрého эля» (так назвал

я чудодейственный напиток, что подавал мне Сит) и чаша с горячей пищей. Программа дня была несложной: я умывался, завтракал, иногда «принимал ванну» (купался в фонтане, где вода всегда была идеальной). Затем Сит приводил меня в порядок (то есть причёсывал и брил). Далее по расписанию была прогулка из одного конца города в другой. Попутно Сит приобретал продукты питания (те самые шары). Потом были обед и обязательный послеобеденный сон. После — лёгкий ужин, состоящий в основном из кружки «эля», и экскурсия к обрыву. Стоя у kloчочущей бездонной пропасти, я ежедневно смотрел на такой близкий и недоступный мне замок. Впрочем, отчего-то он не казался мне таким уж недоступным. Я знал и даже был уверен: рано или поздно обязательно найду дорогу к нему, и произойдёт это без каких-то особенных усилий с моей стороны. Где-то глубоко в подсознании я иногда удивлялся своему спокойствию, и тогда искорка сомнения вспыхивала пламенем протеста против всей моей застойной жизни. Но вспыхивала она, как и подобает искорке, лишь на краткое мгновение. Кружка «доброе эля» рассеивала все сомнения, а вид всегда спокойного Сита порождал и укреплял во мне чувство величия и вседозволенности. Иногда мне даже начинало казаться, что этот ночной город со всеми его жителями и домами и даже замок за каменной стеной принадлежат мне и только мне, и стоит лишь только захотеть, стоит только приказать Ситу, и... Но какая-то неведомая сила сдерживала меня от всяческих приказов и расспросов. Мне по душе был именно такой Сит. Сит-молчун. Сит — исполнитель всех моих желаний. Сит-телохранитель, всегда неотступно следовавший за мной по пятам.

Время шло. Одна неделя следовала за другой. Вначале я было пытался подсчитывать дни, но затем, сбившись в очередной раз со счёта, плюнул на это дело. Изо дня в день

ничего не менялось в моей жизни, но это даже радовало меня. На улицах, на мосту, на площади я встречал одних и тех же людей. Многие из них, проходя мимо, тоже узнавали меня и почтительно кивали. Я же, сопровождаемый верным Ситом, шёл по улицам города с высоко поднятой головой.

Но вот однажды, во время очередной прогулки, мне на встречу попался странный человек с бородой. В отличие от остальных обитателей города, ходивших по улицам без головных уборов, он был в длинном, как у звездочётов, колпаке и с книгами, которые нёс, прижимая к груди. Он прошёл мимо нас с Ситом, не удостоив меня взглядом. Более того, Сит (мой преданный Сит!) остановился и, прижав одну руку к груди, сделал ему чуть заметный поклон. Когда же я возмущённо и недовольно глянул на Сита, тот, словно извиняясь, виновато опустил голову. Этот эпизод задел меня, ударил по моему самолюбию. Вернувшись домой, я выпил подряд две кружки «эля».

Во второй раз этот раздражитель в одежде звездочёта попался мне недалеко от моего дома. Он появился неожиданно в то самое время, когда я стоял у обрыва и смотрел на замок. Встав рядом, он высокомерно смерил меня взглядом, а Сит снова отвесил ему поклон. Звездочёт как бы вскользь бросил на него презрительный взгляд, а потом снова перевёл его на меня и, быстро отвернувшись, пошёл вдоль обрыва. Это было уже слишком! Впервые за всё пребывание в ночном городе я был вне себя от ярости. Так на меня здесь ещё никто не смотрел! Даже те двое — в самый первый день, в комнате с камином. А они... Они явно не чета этому умнику с книжками! Я кипел от злобы. Уже собираясь уходить, ещё раз бросил взгляд на замок. Звездочёт стоял у самых его ворот, на другой стороне обрыва, а ещё через минуту он пропал в воротах, которые сразу же, едва он вошёл, закрылись. Это окончательно

парализовало мою нервную систему. И даже две кружки «эля», выпитые мною почти залпом, не смогли её стабилизировать. Я выпил ещё две и повалился здесь же, у табуретки, на каменный пол. Сит попробовал было поднять меня, но я резко прикрикнул на него, и он отступил. Сон давался нелегко. Болезненно тяжёлый, он подавлял моё сознание. Я сопротивлялся: бил кулаками о пол, продирая глаза и тут же, вновь представив наглую ухмылку Звездочёта, закрывал их.

Ситу в конце концов всё же удалось уложить меня. Когда же я проспался, он, как всегда, стоял надо мной с кувшином и полотенцем в руках. Потрясение не проходило. Умывшись и лениво позавтракав, я приказал Ситу сделать мне увесистую трость. А когда трость была готова, попробовал на прочность, ударив ею несколько раз о стены и пол. Убедившись в надёжности трости, я выпил кружку «эля» и отправился на поиски Звездочёта. Ещё не зная, что сулит мне встреча с этим наглецом, я тем не менее искал её с огромным нетерпением. Мне очень хотелось на глазах у Сита унизить его, растоптать его самолюбие и доказать, что я нисколько не хуже и не ниже его.

Я вышагивал по улицам, опираясь на трость, а когда мне это надоело, перевернул её крюком вниз и, словно клюшкой, как левый хоккеист, стал сшибать попадавшиеся на моём пути камешки. Через некоторое время я так увлёкся и вошёл в азарт, что не заметил, как наткнулся на мосту на одного из прохожих и сбил его с ног. Бедняга, вскочив на ноги, испуганно захлопал глазами и, почтительно кивнув мне, поспешил удалиться. Это развеселило меня и придало ещё больше уверенности. Выйдя на площадь, я долго ходил вдоль торговых рядов, придирчиво разглядывая товар, цеплял крюком корзины, как бы пробуя их на вес. Одна из корзин подцепилась не очень удачно и, качнувшись на крюке, перевернулась. Из неё, ударяясь о камни и

подпрыгивая, словно мячи, посыпались шары. Это напомнило мне игру в футбол, и я, недолго думая, поддал один из шаров ногой. Тот, описав в воздухе невероятную траекторию, угодил одному из стоящих на площади в лицо. Я ещё больше развеселился и уже умышленно пнул по другой корзине. Потом поддел на крюк следующий шар и угодил ещё в одного торгаша. Ряды продавцов съедобными шарами дрогнули. Поспешно расхватав свои корзины, торгующая братия разбежалась. А я продолжал пинать шары, бить их клюшкой и истерично хохотать.

Площадь опустела. Сит, доселе молча созерцавший происходящее, осторожно тронул меня за плечо и тревожно кивнул в сторону моста. Оттолкнув его, я бросил взгляд туда, куда он показывал. Через площадь, ускоряя шаг, к нам приближались двое — те самые, из комнаты с камином. Отчётливо слышались их чеканные шаги. Тревожное чувство наполнило мою душу. И вдруг... Вдруг совсем неожиданно послышались резкие отрывистые звуки, похожие одновременно на барабанную дробь и походный зов трубы. На площадь вышла процессия. Впереди шёл Звездочёт, за ним несколько человек в кожаных жилетах и шортах. Двое из них были вооружены копьями. Ещё четверо несли на плечах карету-носилки. Те двое, которых я видел в комнате с камином, в нерешительности замерли на полпути, пропустив идущих. Когда процессия подошла к нам и остановилась, Сит сгорбился в поклоне. Штора в окне кареты приподнялась, и я увидел миловидное женское лицо. Сердце учащённо заколотилось. Впервые в этом городе я видел женщину! Мало того, черты её лица мне показались знакомыми! Где-то раньше я видел это самое лицо. Но где и когда, не мог вспомнить. Может быть, во сне?

— Склони голову перед хозяйкой замка, болван! — зло ухмыльнулся Звездочёт.

В эту минуту он напомнил мне шута. «К твоему бы колпаку да бубенчики», — подумал я, а вслух сказал:

— Плевать я хотел на вашу Роз-Мари.

Неожиданно для самого себя я схватил в руки выпавшую было трость и со всего маху ударил Звездочёта по колпаку. Колпак слетел, а Звездочёт, выронив из рук книги, стал смешно ощупывать свою голову, словно сомневаясь, на месте ли она. Я расхохотался и хохотал до тех пор, пока меня не прошибла слеза. Хозяйка замка, глядя на меня, тоже улыбнулась. Однако двое вооружённых с воинственным видом встали за моей спиной, грубо оттолкнув Сита.

— Ты пойдёшь с нами, — сказала хозяйка замка и опустила штору.

Процессия развернулась. Звездочёт, одной рукой направляя колпак, а другой поддерживая книги, вновь забежал вперёд. Я пошёл сзади носилок, за мной — два вооружённых воина. Шествие замыкал Сит. Проходя мимо тех двоих из комнаты с камином, я заметил, что они, слегка склонив в поклоне головы, довольно улыбались...

Глава восьмая

В замке

Навстречу нам не попало ни одной живой души. Город словно вымер. Истерический смех на площади вновь очистил меня от нахлынувшего было чувства тревоги, и теперь я был спокоен. Олимпийски спокоен. Куда и зачем мы идём, меня мало интересовало. Я знал, что иду навстречу неизбежному и это неизбежное не сулит мне ничего плохого. Моя жизнь в ночном городе располагала доверием к предчувствиям. И пока

они, эти предчувствия, меня не обманывали. Когда подошли к обрыву, я увидел мост, переброшенный из ворот замка чуть ли не до моего дома. У моста произошла заминка. Один из оруженосцев попытался преградить дорогу Ситу, но тот, не желая, очевидно, оставлять меня, оказывал ему сопротивление и упорно рвался вперёд. Минуту назад безразличная, душа моя сейчас вдруг сжалась от жалости и благодарности к этому единственному преданному мне здесь существу, и я решил вмешаться. Охранники растерялись. Хозяйка замка, удивлённая неожиданной остановкой, выглянула из окна кареты и, быстро разобравшись, в чём дело, разрешающе кивнула. Сит встал рядом со мной, и я ободряюще похлопал его по плечу.

По мере того как мы шли по мосту, он втягивался в ворота. Однако за воротами, как оказалось, он не кончался, а пролегал ещё через заполненный водой ров, проходил через железные ворота, являющиеся составной частью ограды. И только потом, словно лента эскалатора, втягивался под бетонный мостик. Поднявшись на мостик, мы оказались на небольшой площади внутри замка. С четырёх сторон нас окружали каменные высокие стены, а прямо перед нами возвышалась терраса, с которой спускались две лестницы с крутыми ступеньками. По ним сбегали вниз люди в длинных одеждах, на сей раз белого цвета, а в самом низу стояли вооружённые копьями охранники. Прежде чем носильщики опустили карету и открыли дверцу, бегущие были уже внизу и, встав полукругом, склонились в поклоне. Хозяйка небрежно, будто нехотя, вышла из своего «дилижанса», и едва она ступила на землю, как к ней бросились Звездочёт и некий молодой человек из «белых» обитателей замка. Оба почти одновременно коснулись губами её рук. Остальные же продолжали пребывать в поклоне.

— Этих — в Большой зал! — кивнув в нашу сторону, громко сказала хозяйка замка и медленно стала подниматься по ступенькам.

Волнистые каштановые волосы красиво ложились ей на плечи. Свита ринулась за ней. Молодой в белом (мысленно я назвал его Фаворитом) взглядом показал нам на противоположную лестницу, и мы с Ситом, ведомые охранниками, побрели за ним. Коридоры замка и крытые лестничные пролёты были настолько узки, что всем пришлось выстраиваться в колонну по одному. Я шёл следом за Фаворитом, за мной — Сит, далее — конвойные. Видимо, подражая хозяйке, Фаворит двигался лениво, осторожно, будто чего-то опасаясь, ступал на каждую ступеньку. На одном из лестничных поворотов я едва сдержался от того, чтобы не сделать ему подсечку. Представив, как он распластается на лестнице и как будет барахтаться, я засмеялся. Фаворит остановился и с удивлением глянул на меня. Я невольно замедлил шаг. Мне показалось, что он угадал мои мысли.

Наконец мы вышли в полутёмный коридор и остановились у деревянной двери. Фаворит отцепил от пояса длинный ключ и, вставив его в замок, повернул дважды. Мы снова вышли на террасу, но теперь уже располагающуюся с внутренней части двора. На противоположной стороне виднелись стены и окна замка, а внизу зиял чернотой квадрат внутриворцовой площади. Пройдя ещё довольно порядочный путь, мы, наконец, остановились у больших двустворчатых дверей, украшенных мозаикой. За ними находился огромный, весь в огнях, зал, пол которого был устлан яркими расписными коврами. Вдоль бело-мраморных стен располагались деревянные резные скамейки, а в центре зала — золочёное (так и хотелось сказать — старинное) кресло. «Тронный зал», — подумалось мне. От непривычки видеть в этом полутёмном городе такое количество света я

поморщился. Как-то неожиданно быстро зал заполнился людьми в длинных одеждах, с одинаковыми у всех волосами каштанового цвета. Они громко и оживлённо переговаривались, занимая ещё минуту назад пустующие скамейки, и мы — я, Сит, Фаворит и два охранника — оказались в центре внимания.

— Кончай бунчать! — громко выкрикнул Фаворит, и в зале наступила тишина, длившаяся, однако, не больше минуты.

Затем послышались уже знакомые мне звуки барабанной дроби, зова трубы, и появилась хозяйка замка, сопровождаемая Звездочётом. Все присутствующие встали, склонив головы. Фаворит уже был подле неё и, прикоснувшись губами к её перчатке, проговорил:

— Гой есте, хозяйка, гой есте!

— Гой есте! — хором повторили присутствующие.

Присев на край кресла, хозяйка замка махнула рукой, разрешая всем сесть. Звездочёт был в своём репертуаре: прижимая к груди книги, он устроился у самых ног хозяйки. Фаворит же, обойдя кресло, облокотился на его спинку. Он чувствовал себя совершенно раскованно. И лишь я и Сит в компании двух охранников продолжали торчать в центре зала. Хозяйка замка сияла хорошо знакомой мне улыбкой. Сомнений не было — я видел это лицо раньше: тот же слегка поддёрнутый вверх носик, веснушки, большие карие глаза.

— Ну, разбойай, разбойай нам сказку, новоявленный вельможа, — проговорил Фаворит, нагло глядя на меня.

Я молчал.

— Ну что, гузеешь тута про дела свои сказывать? — Фаворит вышел из-за кресла и стал медленно приближаться к нам. — Вон этот вот дока, — кивнул он в сторону Сита, — отыскал ему пустынку, становище этакое, и сиротает он там! И пивает он там! Не косушку, не полуштоф, а корец, за раз — полон корец!

Сидящие заволновались.

— А после — пласточкой на лежанке. Встаёт — и снова полон корец! За раз полон корец!

Фаворит остановился на полпути к нам, повернулся к сидящим справа от него и сложил руки на груди. Я обратил внимание на его руки. На всех его пальцах, включая большие, были нанизаны перстни и кольца.

— Соромота. Откель такой?! — говорили сидевшие справа. — Он же простолюдин! Моль он!

— Моль! — заговорили слева. — Ишь, хмыстень какой! Вельможей сказаться хотел!..

Хозяйка замка подняла руку — крикуны умолкли.

— Это правда, что ты, братец, торговый люд на площади обижал? — спросила она.

Я молчал.

— Отвечай!

Я не проронил ни слова.

— Он. А кому же ещё? — уверенно сказал Фаворит. — И коробка он, и ядства ногою и клюкою бил. А ещё в его пустынке калиновый огонь пляшет. Сам видел!

Последние слова Фаворит выкрикнул, и сидевший справа и слева народец вновь зашумел:

— Это он по той стороне, у яруги, на замок глазел!

— Лазутчик он!

— Давно закишмить надо бы!

— В клеть обоих!

Я смотрел на всё происходящее с ухмылкой и понимал, что мне бояться нечего. Я ещё не знал, откуда взялась эта уверенность, но уверенность была. Мне стало весело, и я громко рассмеялся. Рассмеялся в тот самый момент, когда Фаворит, раскрыв рот, силился что-то сказать хозяйке, но

так и замер от неожиданности. И тогда... Именно тогда у меня возникло огромное желание, просто громадное желание, которое я незамедлительно привёл в исполнение. Подскочив к Фавориту, я без всякой подготовки прямой правой нанёс ему что было мочи удар в челюсть. Фаворит рухнул на пол, закрыв лицо руками, а я кинулся к Звездочёту.

— О темпора! О морес! — воскликнул тот, уже успев вскочить на ноги и увернуться от моего удара.

Я пробежал мимо хозяйки замка, испуганно жмущейся на троне. Тем временем Сит, сбив с ног двоих охранников, обогнал меня и уже ждал у открытой двери. Когда мы выскочили, он успел захлопнуть и даже подпереть её.

Мы проскочили широкую комнату, выбежали на террасу и, преодолев несколько лестничных пролётов, оказались на площади. Сит коротким ударом лишил чувств догнавшего было нас охранника, затем мы перемахнули через железный частокол у рва с водой и наткнулись ещё на одного стража. Недолго думая, Сит поднял его над собой и бросил в ров. И тут случилось то, что несколько охладило наш разгорячённый пыл. Из воды в мгновение ока выпрыгнули два чудовища, внешне напоминающие дельфинов, но пасти этих рыбок ничем не уступали аллигаторовым: такие же огромные белые фосфорические зубы. Мгновение — и тело охранника, даже не успев коснуться воды, было разорвано и поглощено чудовищами, без всплеска ушедшими в воду.

Мы в ужасе и нерешительности остановились, и я почувствовал, как на моём лбу выступили холодные капельки пота. Площадь, однако, уже заполнялась группой «белых», во главе их был Звездочёт. Сит дёрнул меня за рукав, показав глазами на небольшой мостик под решёткой. Мы быстро вползли туда, спрятались под большой чугунной трубой, наполняющей,

очевидно, ров водой, и замерли. Когда топот наверху затих, Сит решил проверить, куда идёт труба. Я последовал за ним.

Часа два мы ползли на ощупь в кромешной тьме. Наконец на горизонте мелькнула светлая точка. Мы преодолели ещё несколько метров. Свет стал ярче, он бил откуда-то снизу. Сит определил, что дальше труба идёт вниз, и, спустившись по ней, мы оказались в каком-то машинном зале. Огромные насосы, турбины и реакторы, не издавая ни единого звука, стояли в строгом порядке, выдерживая определённые интервалы. У меня было только два желания: хотелось есть и спать. Я просительно глянул на Сита. Тот пожал плечами и обвёл взглядом вокруг, дав понять, что для начала нужно обследовать территорию. Я разрешающе махнул рукой и, облюбовав подходящее место за одним из реакторов, прилёг и вскоре уснул.

Глава девятая

Тайна ночного города

Проснулся я от лёгкого прикосновения, и когда открыл глаза, то увидел, что надо мной стоят три человека в атласных костюмах с яркой эмблемой на правой стороне груди. Я не сразу распознал в них Сита и тех двоих из комнаты с камином, которых видел в первый день своего пребывания в ночном городе.

— Однако, Александр, завёл вас Сит,— проговорил один из них.

— Да я бы и не стал ни за что искать вас здесь,— сказал второй.— Хорошо, что Сит постоянно настроен на одну волну. Поднимайтесь, вам надо переодеться.

Сит протянул мне свёрток. Там была моя одежда. Скинув «средневековое» одеяние, я быстро надел брюки,

свитер, штормовку и почувствовал себя в своей тарелке. Всё недавно произошедшее на минуту показалось мне каким-то не очень хорошим сном.

— Пойдёмте, Александр, вас и ваших друзей с нетерпением ждут,— сказал тот, которого я мысленно назвал первым.— В нашей практике ещё не было такого. Правда, Сон? Ведь мы впервые прервали эксперимент.

— Да, но рано или поздно это должно было произойти, Вет,— сказал второй, которого назвали Соном.— Руководитель за два часа проделал расстояние из одного конца планеты в другой, когда получил данные зондирования и переговорил с Поясом.

Мы прошли по широкому коридору, по «аллее турбин», поднялись по крутой винтовой лестнице (на этот раз железной) и вышли на широкую площадку. Площадка эта была похожа на виденный мною по телевизору Центр управления полётами. У монитора сидели сотрудники, а на огромном экране зажигались и затухали пунктирные линии. Пройдя через «центр», мы вышли в ярко освещённый вестибюль. Затем, поднявшись по эскалатору и пройдя ещё несколько метров по очередному коридору, наконец пришли туда, куда нам было нужно. В центре не очень большого зала сидел за столом хорошо сложенный молодой человек. Он был в таком же, как и мои сопровождающие, атласном костюме с эмблемой на груди. А по правую сторону от него сидели... Звездочёт и хозяйка замка! Я не верил своим глазам. Звездочёт и хозяйка замка были не кто иные, как дядя Лёша и Марина!

Увидев меня, дядя Лёша и Марина растерянно встали.

— Ну вот, всё снова на своих местах. Все снова вместе,— сказал человек в центре стола.— Прошу всех садиться.

Я сел между Мариной и дядей Лёшей, Вет и Сон — напротив, по другую сторону стола.

— Я сразу хочу извиниться перед вами,— начал говорить человек, который, по-видимому, был здесь самым главным.— Ещё лет пять назад я запретил своему коллеге Рону, отвечающему за подземный и подводный секторы планеты, проводить с жителями Земли психологические и биологические эксперименты. Но недавно он заверил меня в том, что изолировал вас, принял меры предосторожности. Вы так отчаянно и ретиво бросились покорять болото, что дальнейшие ваши действия могли нарушить наши планы. Конечно, мы могли утаить от вас многое. В том числе и то, что вы подвергались экспериментам. Но мы расскажем вам всё — пусть даже это окажется не в нашу пользу. Прошу вас, Сон. Вы были руководителем этого эксперимента.

— Да,— Сон поднялся.— После того как доктор Рон сообщил мне, что он изолировал трёх человек и поручает мне провести с ними эксперимент на общих основаниях, я выехал в триста двадцать четвёртый квадрат, то есть сюда. Поначалу девушка (объект номер два) и мужчина постарше (номер три) показались мне более эмоциональными людьми, чем объект номер один. Первое зондирование показало, что с молодым человеком можно работать, что называется, «с ходу», поэтому мы ему присвоили номер первый. Чувствительность у него была настолько притуплённой, что даже небольшое воздействие на мозг сделало его идеальным объектом для эксперимента. Однако то, что он заметил неестественность огня в камине, несколько насторожило нас, и мы решили приставить к нему лучшего робота из серии «Идеал-00» — Сита. Надо сказать, Сит сработал прекрасно. Учитывая чувство голода, он буквально свалил молодого человека с ног напитком, содержащим дозу А-4. В начале эксперимента наше внимание привлёк объект

номер два. Вернее, его... извините — её активность. Вначале она выражалась повышенным интересом к красивой одежде. Затем — к драгоценным камням. Потом возникло желание власти. Причём желание рьяное и бесцеремонное. Мы «подарили» ей замок, толпу придворных и, учитывая её повышенный интерес к старине, подключили к ней робота-подражателя по кличке Фаворит,— Сон глянул на меня и, по моему, улыбнулся.— Фаворит разговаривал исключительно на устаревших наречиях, чем приводил даму в восторг. Но со временем у неё вдруг появилась раздражительность, поведение её стало осторожным. Мы решили дать волю её фантазии. Она оградила замок рвом с водой, поселив в него фантастически кровожадных рыб, обнесла его железной оградой и выставила вооружённую охрану. Объект номер один тем временем начал играть в «малое безумие». Помня, очевидно, что «все дороги ведут в Рим», он захотел, чтобы все его дороги непременно вели к его дому. И нам пришлось немало потрудиться для этого. И, наконец, объект номер три. Мы долго не могли определить его ни в одну из групп, но после того как Вет предложил дать панораму звёздного неба Земли, он назвал все восемьдесят восемь созвездий и написал на латыни несколько стихотворений. Постепенно перед его взором стал возникать образ прекрасной дамы, которую он мечтал видеть и во сне, и наяву, и мы попробовали выпустить его под видом звездочёта во дворец...

— То есть раньше времени произошёл контакт объектов? — перебил Сона руководитель.— Я правильно вас понял?

— Да, мы пошли на это. Пошли на риск, и риск оправдался. Звездочёт не признал своей спутницы. Он стал писать мадригалы и признаваться ей в любви. А потом... Потом нам пришлось на некоторое время пустить эксперимент на

самотёк. Именно тогда мы получили сначала сообщение от Рона — форсировать эксперимент, а затем второе, от вас, — о демонтаже Рона и срочном вызове нас на консилиум. Пока мы отсутствовали, слушая «дело Рона» о том, какие чудовищные эксперименты он проводил в глубинах океана, здесь произошёл второй контакт. Контакт первого номера с третьим. Причём дважды. Свидетелями второго мы с Ветом стали сразу по возвращении назад. И когда на экране монитора возникла картина разгула страстей на площади, мы, уже обладая всеми полномочиями непосредственных руководителей психобиоэксперимента, хотели было изолировать первого. Но тут произошёл тройной контакт. И мы решили продолжить эксперимент, оставить всё без изменений, отослав данные полного зондирования в Центр. А затем поступило ваше распоряжение — прекратить эксперимент...

— Это всё? — спросил руководитель, когда наступила пауза.

— Всё.

Сон застыл в ожидании.

— Тогда читайте заключение.

— Заключение,— Вет достал из папки исписанный лист бумаги.— В ходе проводимого психобиологического эксперимента все три исследуемых объекта из социально уравновешенных личностей, в своём обществе характеризующихся очень и очень положительно,— деградировали. Легко поддаваясь соблазну, они теряли такие качества, как принципиальность, устремлённость, приобретая взамен другие: тщеславие, ханжество, лень, синдромы величия и презрения к окружающим. Во время трёхстороннего контакта никто из них так и не признал в находящихся рядом людях своих близких знакомых. Между первым и третьим объектами

постоянно возникали вспышки агрессии. Руководство эксперимента считает, что находящиеся под экспериментом люди для большого контакта подходят, так как являются самыми типичными представителями планеты Земля.

Вет сел. Наступила большая пауза, которую первым нарушил дядя Лёша.

— Нет! Нет! — закричал он, вскочив. — Вы понимаете, что это такое? Мы... Мы были подопытными кроликами в этой мышеловке. Я не знаю, к какой цивилизации вы относитесь, но у нас на Земле опыты над людьми запрещены! ЗА-ПРЕ-ЩЕ-НЫ! Слышите, вы?! Есть резолюция Организации Объединённых Наций! Вы... Вы преступники!..

Я никогда в жизни не видел дядю Лёшу таким возбуждённым. Его трясло с головы до ног.

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогой Алексей Викторович. Успокойтесь, пожалуйста,— руководитель встал, прошёлся по кабинету, подошёл к дяде Лёше. — Во-первых, эксперимент этот начался без моего личного ведома, и тот, кто его начал, уже понёс наказание. Во-вторых, нет худа без добра: мы узнали вас поближе и теперь сможем, несмотря ни на что, составить единый экипаж планетолёта, который совсем скоро отправится к поясу астероидов для контакта, и вы получите возможность стать участниками события галактического значения.

Дядя Лёша сел. Я попытался его успокоить. Руководитель снова занял место в центре стола.

— Итак, продолжим разговор,— сказал он. — Давайте познакомимся: моё имя — КИБ-14...

Часть вторая. ПО СЛЕДУ УРГА

Глава первая

Катастрофа

Сухой хворост, подброшенный в огонь, придавал костру колорит таинственности. Приятный треск внутри и рой взметнувшихся в небо искр создавали иллюзию живого, готового к разговору огня. Ург поёжился и пододвинулся ближе к костру. Каждая следующая ночь становилась всё более прохладной. Это чувствовал он, это отражалось на других: они простывали, и ночами почти все — мужчины и женщины, старики и дети — заходились в долгом приступе кашля. Вот и сейчас, пытаясь согреться, люди интуитивно прижимались друг к другу. На протяжении последних пяти-шести дней люди, скудно поужинав, падали на землю и сразу же засыпали. И лишь его, Урга, громкая команда заставляла их подниматься, ёжась от холода, выстраиваться в подобие колонны и идти дальше. Идти вперёд. Уходить от наступающего холода, не веря в то, что ходьба эта когда-нибудь окончится. Идти, с нетерпением глядя на запад, и ждать, ждать, когда, наконец, солнце упадёт за горизонт и можно будет остановиться, хоть что-то поесть и, коснувшись телом желанной земли, слегка покрытой растительностью, утонуть в небытии...

Но и этого не дано ему, Ургу, хранителю огня. Лишь малую часть времени, когда солнце поднимается в самую середину неба, ему можно сомкнуть веки. Тогда двое сильнейших мужчин племени поочередно несут его на руках, а огонь переходит под покровительство самого вождя.

Блики огня играют в тёмных, похожих на кошачьи глазах Урга и хорошо высвечивают его молодое лицо. Хранитель задумчиво смотрит на огонь.

Ещё в раннем детстве Ург чувствовал непреодолимую тягу к пляшущему пламени. Тогда племя жило в прекрасной долине, у чистого озера, в котором водилось много рыбы, а по берегам было много дичи. Ург, будучи мальчиком, подолгу сидел у костра охотников, слушал их вечерние рассказы и смотрел на огонь. Огонь завораживал его. Он словно дополнял охотничьи рассказы, делал их зримыми. И Ург представлял себе процесс охоты: он мысленно загонял огромного хищника большим горящим факелом в ловушку (как это делал старый хранитель Сар), и охотники добывали зверя. Иногда, проснувшись среди ночи, мальчик шёл к костру и до самого утра сидел рядом с Саром. Старик охотно рассказывал ему одну историю за другой из своей богатой приключениями жизни.

Но однажды после долгих проливных дождей с гор хлынул дождевой поток. Смывая на пути преграды, он обрушился в озеро, и оно, выйдя из берегов, заполнило водой всю долину. Хранитель Сар, родители Урга и ещё много-много людей из их племени погибли. А дожди всё шли и шли. Шли, сопровождаемые раскатами оглушительного грома и вспышками ослепительных молний. Как будто духи, разгневавшись на людей, мстили им за грехи их. Жалкая кучка оставшихся в живых соплеменников Урга ютилась в небольшой пещере у самой вершины скалы, без огня и без пищи. Так продолжалось несколько дней и ночей. И вот как-то под утро от удара молнии вспыхнула крона большущего дерева. Отгоревшие ветки и сучья падали на мокрую землю. Дождь к тому времени почти прекратился, и хлёткий порывистый

ветер, поддерживая горение, превратил дерево в пылающий факел. Внутри пламени что-то хрустнуло, и на землю посыпались горящие сучья. Люди молча взирали на это зрелище. И тут Ург неожиданно для всех выскочил из укрытия и, схватив один из горящих сучьев, принёс его в пещеру.

Вбежав, он бросил огонь на самую середину. Кто-то кинул сухую, служившую для ходьбы палку, кто-то — деревянное копьё, кто-то — старую облезлую шкуру. Окружив огонь, не давая ему погаснуть, люди грели озябшие, почти непослушные руки, измученные немощные тела, сушили остатки одежды. На их лицах, в их глазах затеплилась надежда. Ург грелся и радовался вместе со всеми.

Вдруг кто-то коснулся его плеча, и Ург испуганно обернулся. Это был вождь.

— Отныне и до конца дней своих ты, мальчик,— хранитель священного огня,— проговорил осипшим голосом старик.

Стихия отступила. Они прожили в долине ещё несколько лет, пока не наступило новое несчастье — пришли холода. Однажды ночью с неба повалили снежные хлопья, и к утру вся долина стала белой. Вода по краям озера затвердела. Холода усиливались, и хотя снег больше не выпадал, озеро застыло. Посланные по округе «разведчики», воротившись, сообщили, что дальше к югу климат немного мягче, и вождь принял решение идти на юг. Как нелегко было покидать с трудом обжитые места и уходить! И вот они пошли. Пошли искать новые земли, где можно было найти тепло и пищу.

Ург подбросил ещё хворосту, и новый рой искр взметнулся в небо.

Неожиданно со стороны гор послышался нарастающий гул, похожий на шум камнепада. Земля качнулась, и

несколько деревьев с треском повалились на спящих. Земля качнулась ещё раз, и теперь наряду с треском падающих деревьев послышался топот. Стадо крупных животных, ворвавшись на поляну, смешалось со вскочившими обезумевшими людьми. Урга толкнули в спину, и он, упав, ударился головой о поваленное дерево. А через него уже перепрыгивали и спотыкались, наступали на руки и на ноги. Новый толчок привёл Ургу в сознание, и он почувствовал, что лежит в воде. Первая мысль была об огне. Костёр хотя и слабо, но всё-таки горел. Едва Ург успел выхватить из огня самую толстую горящую ветку, как вода поглотила костёр. Она прибывала. Холодный поток становился всё стремительнее. Крики людей и животных слились в сплошной единый вопль. Вода была уже почти по колено, когда Ург наконец добрался до скалы, которую заметил ещё вечером. Высокий каменный исполин мог стать спасителем. Ург, придерживая одной рукой огонь, а второй цепляясь за выступы, начал быстро взбираться вверх. Путь до половины он проделал почти без труда. Дальше было сложнее. Скала стала круче. Зажав факел под мышкой, Ург помогал теперь себе второй рукой. Внизу, словно живая, клокотала, бурлила и бесновалась вода. Ург сделал несколько усилий и наконец достиг вершины. Встав во весь рост, он поднял догорающий огонь высоко над головой. В эти минуты он был горд и доволен собой. Горд тем, что всё-таки спас священный огонь. Он понимал, что племя погибло, что его ждёт та же участь и что огонь скоро догорит. Но страха не было. Душа продолжала ликовать от восторга.

Не испугался он и тогда, когда скала под ногами дрогнула, а над головой повис огненный шар. Что-то мягко коснулось его плеча. Ург на ощупь определил, что это две

соединённые множеством поперечин верёвки. Он крепко ухватился за одну из поперечин. Верёвки натянулись и зависли у его колен. Неведомый инстинкт подсказал Ургу ступить ногами на вторую поперечину. И как только он ступил, верёвочная лестница с молниеносной быстротой потянула его вверх. Ург, продолжая держать огонь в правой руке, посмотрел сначала вниз, на рухнувшую скалу, а затем вверх — на летательный аппарат и раскрытый раздвижной светящийся люк. Свет, бьющий из него, напоминал ему пасть хищного зверя, а лестница — язык ящера, так ловко слизнувший его со скалы. И когда этот язык втянул человека внутрь пасти, железные челюсти её захлопнулись...

Глава вторая

Из записок Урга. Начало хроники

Страница первая:

«Это хронологические записи, начатые мною, Верховным Жрецом могущественной страны Инии Ургом, в лето ... года по новому летоисчислению.

Поводом ко всему послужил уход от нас Наимудрейшего Властителя нашего и Всего Мира Остального, много лет справедливо правившего миром Сына Небесных Светил Эда. С ним ушли ещё пятеро Сынов Звёзд, всегда неукоснительно выполнявших его волю. Они ушли на зов своих братьев, однажды грянувший с небес. И отныне со всей доверенной мне властью остаюсь я Владыкой Мира — Ург Навеки Бессмертный, и со мною — один из Сынов Звёзд, преданный мне до скончания мира...

Я обязан делать хронологические записи в течение целого года, пробуждаясь ото сна через каждые сто лет, пока в мире не наступят большие перемены. Во время моего сна Сын Звёзд (имя его — КИБ-6) будет вершить в мире власть и справедливость...

Такова воля Наимудрейшего Властителя Эда...»

Страница восьмая:

«...И когда они спустились на Землю, то построили вначале дворец и огромную площадку из камня и стали ждать братьев своих, которые должны были появиться после восхода солнца. Но напрасно ждали они весь следующий день и всю следующую ночь. И ещё один день и одну ночь. И ещё много-много дней и ночей. Братья же их к ним не шли и на зов не откликались...

...И сказал тогда КИБ-6 Могущественному Эду: „Попали братья наши в катастрофу — столкнулись с телом небесным и погибли... Отныне ты — Владыка, единственный в мире всём — и земном, и небесном...“ И заплакал тогда Сын Небесных Светил Эд по братьям своим... И долго длилась печаль его... А когда иссохли слёзы его все, сказал он: „Да, отныне я — Властитель Мира Сего, и имя моё — Эд Наимудрейший...“»

Страница двенадцатая:

«...И в одно время наступили сильные холода. И нельзя было согреться у огня ни днём, ни ночью... И был Ург — автор сих строк — хранителем очага всего племени. И шло племя на юг... И задрожала земля однажды ночью, и посыпались камни с гор... И полилась вода... И погибло племя всё... И спас Урга КИБ-6, бросил он лестницу и умчал его к Властителю Наимудрейшему Эду...

...И познал Ург грамоту писания и чтения, изучил языков множество и познал науки разные...

...И сделал Эд Наимудрейший Урга первым учеником своим, и произвёл в жрецы его через время некоторое... И стал Ург Хранителем Тайн Небесных, и Верховным Жрецом стал Инии Великой, первым среди смертных...

...И стал Ург бессмертным по велению Властителя нашего...»

Страница пятнадцатая:

«...Так жили мы много-много лет. Великий Властитель один раз за семь лет посещал все уголки планеты, изучая ландшафт и развитие жизни. КИБ-6 работал в океане. Я же спускался с гор вниз и передавал волю Властителя людям, ибо никто из людей никогда не должен был видеть его самого. Я помогал земледельцам обрабатывать землю и выращивать урожай. Лечил от недугов. И, возвратившись, рассказывал Властителю Эду о делах смертных его. Иногда сам Властитель уходил в океан, и я оставался один. Так было долго...»

Страница шестнадцатая:

«...И наступил год ... по календарю нашему. И услышали однажды звёздные братья, выйдя из океана, голоса братьев своих. И откликнулись они. И были услышаны на небе. И собрался Властитель Наимудрейший Эд в путь дальний. И собрал он вокруг себя всех братьев своих и Урга и молвил так: „Зовут меня братья, и я иду на зов их. Со мной идут пять братьев моих КИБов, и с нами вся летопись о мире сём с момента зарождения жизни. А остаётся Владыкой полным на Земле Ург — Верховный Жрец Инийский... И он будет

засыпать на сто лет и, проснувшись, делать записи в течение года о переменах в жизни. А КИБ-6 — продолжать дело моё на суше и в океане. И в подчинении он обязан быть Ургу. И будет так до великих перемен в мире сём. До моего возвращения или появления нового брата моего...“

Так сказал он, и ушли звёздные братья в рассветный час. И долго грохотало небо после их ухода...»

Глава третья

Продолжение хроники Урга

Страница двадцать первая:

«...Мало что изменилось на Земле за эти прошедшие сто лет. На другой части планеты, отделённой от нас огромным водным пространством, продолжает успешно развиваться одна из цивилизаций. Она достигла своего определённого уровня культуры. Ей известны металлведение и медицина. Однако по отношению к другим народам народ её ведёт себя враждебно. Существуют там и такие порочные явления, как эксплуатация и торговля людьми...

...КИБ-6 по-прежнему поглощён работами в океане. Лишь вчера он вышел, чтобы подготовить меня и проконтролировать систему жизнеобеспечения сна. Через два дня истекает год...»

Страница двадцать четвёртая:

«...Море продолжает отступать, а часть воды остаётся. Суша поднимается. Сверху оставшаяся часть воды кажется налитой в огромную каменную чашу. КИБ-6 объясняет изменение рельефа процессами, происходящими внутри

планеты. Мы переживаем „эпоху роста гор“. Изменения в округе происходят на глазах. Так, дворец, ранее стоявший на одном уровне с лабораторией, теперь несколько „возвысился“ и „удалился“ от неё. Площадка, предназначенная для спуска и подъёма летательных аппаратов, „обросла“ камнями. Я дал приказ КИБу-6, чтобы он организовал её очистку, ибо каждый час и каждую минуту может вернуться Великий Властитель Эд или братья его...»

Страница тридцатая:

«...КИБ-6 поднял меня с запозданием в двадцать семь лет. Объяснил он это своей занятостью — неотложной работой в океане. Я сделал ему замечание, сказав, что всё должно быть согласно инструкции Наимудрейшего Эда. КИБ-6 ведёт себя странно. Он не сразу сообщил мне о том, что в нашем мире произошли существенные события. Армада судов пересекла водный простор, разделяющий отрезки суши, и множество-множество людей, прибывших на этих судах, заполнили собою, словно полчища голодных крыс, эту новую, открытую для себя часть Земли. Обладая большими навыками жизни и огнестрельным оружием, они потеснили коренных жителей, беспощадно сметая и уничтожая их на своём пути. Жрецы Инии просили у нас защиты. Я посоветовался с КИБом-6, но он сказал мне о том, что мы не имеем права вмешиваться в ход истории. Он оградил дворец и лабораторию защитным полем, тем самым перекрыв связь с внешним миром. Я принял решение переселить всё население Инии в гущу непроходимых лесов. Я должен спасти Инию.

Как-то незаметно, сам по себе, произошёл перекос в жизни двух цивилизаций. Наша небольшая помощь

жителям Инии давала им возможность быть выше остальных по уровню развития. Но после ухода Властителя Эда вся ответственность за равномерное урегулирование легла на КИБа-6, а он так увлёкся работой в океане, что потерял контроль, и баланс равновесия нарушился. В результате чего и произошла эта трагедия. В этом есть и доля моей вины...»

Страница тридцать четвёртая:

«...Несмотря на то, что на нашей половине планеты появилось много городов и мелких поселений, кровопролитие всё же продолжается. Теперь уже сами пришельцы воюют друг с другом, втягивая в бойню коренных жителей и привезённых сюда силою людей с очень тёмным цветом кожи. Цель войн — захват наибольшей территории соседей. Племена коренных жителей ещё кое-где оказывают сопротивление, но они вынуждены большей частью жить в лесах и бороться только с мелкими отрядами, ибо пришельцы хорошо вооружены...

...КИБ-6 недавно заявил мне о том, что в целях безопасности мне лучше прекратить всякую связь с аборигенами, да и вообще „поспать“ лет этак триста-четыреста, „пока всё здесь не успокоится и не встанет на свои места“. Я напомнил об инструкции. Он недобро посмотрел на меня и сказал, что в инструкции предусмотреть всё невозможно. На это я ответил, что до тех пор, пока решающее слово принадлежит мне, я буду действовать, не нарушая инструкции и не изменяя её. КИБ-6 ушёл в океан и не выходил оттуда до самого последнего дня моего пребывания на Земле. Перед уходом я приказал ему окружить Инию защитным полем. Он ответил мне, что на это потребуется

очень много энергии, а её и так не хватает для его опытов и моего жизнеобеспечения. Я посоветовал ему строить электростанции и сказал, что нужно поискать инструкции по их строительству в архивах. КИБ-6 не проронил ни слова. Тревожное чувство не покидает меня...»

Глава четвёртая

Последние записи Урга

Страница тридцать пятая:

«...Я проснулся не от импульса остановки сна, который обычно давал КИБ-6, а оттого, что прекратилась подпитка организма витаминизирующими веществами и сработал автоматический режим приостановки сна. Я находился в какой-то маленькой, похожей на камеру для опытов комнате. Никто меня не встретил. Двери оказались запертыми, и я пробыл в этом помещении трое суток без воды и пищи. Проанализировав происшедшее, я сделал вывод, что прошло очень много времени. Я проспал, возможно, два, а то и три срока. Меня терзали вопросы: где я, что произошло и почему не появляется КИБ-6?

Лишь на четвёртые сутки (по определению песочного хронометра) дверь наконец открылась, и я вышел в длинный узкий коридор. Обе стены его, пол и потолок были, очевидно, из толстого стекла, потому как кругом простиралось необозримое водное пространство, и буквально в метре от меня, подо мною и надо мною, тычась мордами в прозрачную преграду, взад-вперёд сновали гигантские морские существа. Я понял, что нахожусь в аквариуме. Коридор заканчивался такой же железной дверью, какой

и начинался. За дверью оказалась комната, похожая на лабораторию, с окнами, напоминающими иллюминаторы. Я догадался, что нахожусь в океане. Но где же КИБ-6? Где все его помощники? Неужели я остался один на всей планете? Ведь как-то я оказался здесь! Кто-то из доброго или из злого умысла, но переместил меня из наземной лаборатории в подводную и подключил автоматическую систему жизнеобеспечения.

Хотелось пить, и мне стоило немало труда отыскать два сосуда с водой (очевидно, была произведена очистка морской воды) и запасы рыбных консервов. Утолив жажду и голод, я после короткого отдыха начал обследовать место моего пребывания. В одном из многочисленных отсеков лаборатории мне удалось обнаружить данные научных наблюдений: записи и копии отчётов о проделанной работе КИБа-6. Однако, перебрав весь архив, я так и не нашёл ни одного упоминания обо мне. Странными показались и несколько документов, оформленных в виде приказов. Приказы адресовались некоему Рону. Тут же были копии телеграмм от этого самого Рона, написанные на пишущей машинке КИБа-6. Я недоумевал. И чем больше я читал архивы, тем больше возрастало моё недоумение. Многие термины я не понимал, но из прочитанного становилось ясно, что этот некий Рон и есть не кто иной, как сам КИБ-6! Но кому он давал отчёты?! Он мог отчитываться только передо мной, самим Эдом Наимудрейшим либо перед кем-нибудь из его братьев. Но если бы звёздные братья появлялись, то я должен быть немедленно информирован об этом. „Ург, как руководитель, обязан присутствовать при контакте...“ — так говорилось в инструкции Властителя Эда. Нарушить её КИБ-6 не имел ни малейшего права...»

Страница тридцать шестая:

«...Я живу в лаборатории уже семь суток, питаюсь рыбными консервами и водорослями, продолжаю изучать лабораторию, которая не такая уж и маленькая по размерам, как показалось вначале. Несколько корпусов, соединённых стеклянными переходами-коридорами, замкнутыми в кольцо. В некоторых из них размещалось по несколько аквариумов, в которых жили дельфины. Все аквариумы были подключены к единому пульту, находившемуся в просторном зале, и, как я выяснил потом, с помощью этого пульта животными можно было управлять.

На восьмой день я наконец добрался до центра управления — мозга лаборатории, осуществляющего систему обеспечения в автоматическом режиме. Возле самого центра располагался бассейн с прозрачной, манящей к себе водой, и я не смог устоять от искушения освежиться. Я вошёл в раздевалку, сел на скамейку и, раздевшись, уже хотел было направиться к воде, как взгляд мой упал на зеркало. Я увидел своё отражение и обомлел... На меня почти в упор смотрело незнакомое рыбообразное существо! Нет, тело было человеческим, если не считать жаберных щелей между рёбрами и плавников на спине. Ну а лицо... Оно было обтекаемой формы, с упругой, эластичной кожей, маленькими немигающими глазами и длинным носом на макушке головы! И это был я сам! Но почему, почему я не сразу обнаружил в себе эти перемены? И почему вообще эти перемены со мной произошли?! Может быть, я оказался жертвой какого-то эксперимента? Но кому и зачем понадобился такой эксперимент? Где же всё-таки КИБ-6? Может быть, я нахожусь в некоем биоэкспериментальном центре в качестве подопытного? Неужели цивилизация

пришельцев из-за океана достигла такого высокого уровня? Я задавал сам себе эти вопросы и незаметно для себя шёл к бассейну. И, уже войдя в воду по пояс, поймал себя на мысли о том, что КИБ-6 теперь вполне может работать и на них. Ведь он, в конце концов, запрограммирован на подчинение людям.

Вода сама повлекла меня на середину. И едва я достиг середины, как почувствовал зуд в теле, злость и неприятное чувство страха. Я хотел вернуться назад, но метрах в четырёх от борта бассейна невесть откуда взявшаяся волна отбросила меня обратно к середине. А вторая, накатившая с другой стороны, подбросив меня в воздух, резко отхлынула, и я упал на пустое дно бассейна, где меня тут же накрыло водой. Я поднялся, попытался вынырнуть на поверхность, но оказался в центре водоворота и снова взмыл в воздух и ударился о дно. Затем меня вновь закружило в воде, и хотя я старался, несмотря ни на что, держаться молодецки, руки и ноги уже не подчинялись мне. Зато жабры и плавники работали с полной нагрузкой и приятно щекотали тело. Я почувствовал, как вытягиваются пальцы моих рук, и увидел, с какой быстротой отрастают на них ногти... Ещё несколько раз меня подбрасывало на волнах, кружило в водовороте и опускало на дно. Наконец я потерял сознание, а очнувшись снова на дне пустого бассейна. Руки сводило судорогой. С большим трудом я выбрался наверх и добрался до лабораторного отсека...»

Страница тридцать седьмая:

«...Наверное, это моя последняя запись. Пальцы не работают совсем. Они не могут держать даже карандаш. Я постепенно превращаюсь в животное. Мне не хочется больше

думать и писать. Однако я ещё чувствую в себе силы и долг, обязанность перед этой тетрадкой. Я буду писать до конца... В последнее время я больше не могу есть консервы и водоросли — мне хочется живой рыбы. Два дня назад я вошёл в один из аквариумов с дельфинами и, разорвав одного из них, съел все его внутренности. У меня окончательно пропало чувство страха, и бассейн для купания становится мне тесным. Теперь я знаю, что рано или поздно всё же вырвусь в просторы океана. Я стану властителем всего водного пространства. Меня готовят к этому. Я понял намерения тех, кто сделал меня таким. Всё. Писать заканчиваю. На этот раз окончательно и навсегда...

Ург...»

Глава пятая

Перед выходом в океан

Мы ждали КИБа-14 около получаса. Как сообщил Вет, руководитель был на прямом сеансе связи с поясом астероидов и просил нас подождать, потому как сеанс задержался.

— А что, Вет, этот Ург, автор записок, с которыми вы нас любезно познакомили, жив? — спросил дядя Лёша, когда и ожидание, и молчание стали казаться нам утомительными.

— Утверждать этого нельзя, но, по-моему, есть все основания надеяться. Теперь он, видимо, окончательно потерял человеческий облик, однако перед тем, как вырваться из лаборатории Рона, он успел запрограммировать одного из дельфинов на контакт с людьми и отправить с ним свои записи. Именно благодаря ему мы и отыскали хорошо замаскированную лабораторию, где проводил опыты над

животными и Ургом Рон. Но когда лабораторию отыскали, Ург уже вырвался в океанские просторы. Он выбрался через трубы, закачивающие воду в аквариумы, предварительно уничтожив всех животных в лаборатории.

— Он представляет опасность окружающему его миру? — спросила Марина.

— Видите ли, дело осложняется тем, что Ург практически неуязвим. Ему не могут противостоять даже самые крупные морские хищники. Его упругое, словно каучук, тело не по зубам акулам. Он же, имея длинные заострённые пальцы и острые ногти (не хочу сказать «когти»), способен разорвать любую, даже самую крупную рыбу. Ему достаточно лёгкого прикосновения к жертве — и пальцы вонзаются в её тело. При этом возбуждается чувство агрессии, и он разрывает жертву на клочки. Несколько океанических станций подводного контроля зафиксировали следы Урга и попробовали составить схему его маршрутов. Поражает скорость передвижения. Вначале его видели в районе Бермудских островов в Атлантике, через день он был уже у берегов Дании. Но самое интересное то, что следы его обнаружены и в озёрах! Таких, как Байкал, Каспийское море, Лох-Несс и даже Титикака! Вы представляете?

Вет не успел договорить — вошёл КИБ-14.

— Всем добрый день! — на ходу поздоровался он и, пройдя к центру стола, сел в кресло. — Надеюсь, что вы внимательно ознакомились с материалами, которые вам предоставили.

— Достаточно внимательно, — ответил за всех дядя Лёша. — Мы прочли записки Урга, ваш отчёт об экспедиции на Землю, о странном явлении, произошедшем на орбите, о космическом мальчике, который жил среди землян. Очень многое теперь нам стало ясно, но и появился целый ряд новых вопросов.

— С вопросами пока придётся подождать,— КИБ-14 перестал вращаться в кресле.— Время не терпит. Тем более что на некоторые из них вы получите ответы, как говорится, по ходу дела. А пока начну с малого. С того, что ещё восемь лет назад одна из наших станций зарегистрировала радиосигналы. Источник их находился на одном из спутников Сатурна. Через два с половиной года удалось наладить связь с пришельцами из центра нашей Галактики. И вот теперь мы договорились о прямом контакте. По их условиям, при контакте с нашей стороны должны присутствовать не менее четырёх коренных жителей Земли. Мы же, представители ушедшей цивилизации, на биоконтакт рассчитывать можем лишь через Максима, которого в скором времени вы увидите. В состав контактной группы также войдут роботы серии КИБ — я и мои помощники. Ну так вот — троих представителей планеты Земля, вошедших в состав экспедиции, я вижу перед собой, четвёртый же ещё мечется по океанским просторам. Его необходимо подготовить к контакту, но прежде... прежде всего его необходимо изолировать. Времени остаётся совсем немного — через несколько дней мы должны быть полностью подготовленными к прибытию на нашу станцию, находящуюся на астероиде В-714. Не будем терять время: через пару часов я жду всех у большого подводного аппарата. Мы выходим на след Урга.

Глава шестая

По следу Урга

В просторы океана, помимо большого (флагманского) аппарата, выходили ещё три. Все они напоминали

батискафы слегка вытянутой формы с круглыми иллюминаторами. Внутреннее размещение членов нашего экипажа было следующим: на самом верхнем кресле, почти у люка, расположился дядя Лёша, чуть ниже — мы с Мариной, ещё на один уровень пониже — КИБ-14 и Сон. Вет находился у пульта управления в самой середине аппарата.

Как сказал перед самым погружением КИБ-14, Урга, по последним данным, «засекли» у берегов Южной Америки, в Атлантическом океане, и теперь «держали на прицеле». Нам было известно, что расстояние до места назначения мы сможем покрыть примерно часа за полтора, и теперь этому уже не удивлялись. Как не удивлялись больше ничему другому в этом подземном царстве древнеримского бога Плутона. Само пребывание здесь людей, КИБов, похожих на сверхчеловеков, фантомов — жителей ночного города — выходило за рамки естественного и не укладывалось в сознании. Иногда мне казалось, что всё происходило и происходит не со мной, что это сон, который слишком затянулся. Но, просыпаясь в очередной раз, я видел наяву Марину, дядю Лёшу и понимал снова и снова, что это далеко не сон. Я долго не мог полностью освободиться от стереотипов человека из подземного города, превратившегося в обыкновенного пьяницу. И хотя мне казалось, что к этому человеку я не имею никакого отношения, память всё же постоянно вырисовывала полутёмную комнату со столом и камином, лежанкой и хладнокровно-преданным Ситом. От воспоминаний становилось не по себе, и я частенько замыкался. Моим друзьям, очевидно, тоже было неприятно вспоминать «своё — не своё» ещё такое недалёкое прошлое. Во всяком случае, дядя Лёша совсем не касался этой темы, а когда Марина

как бы невзначай говорила, что «она, оказывается, способна свести с ума не один десяток мужчин разного возраста», он виновато опускал глаза...

...Наша подводная эскадра погружалась в районе скалистого ущелья, освещённого ярким светом многоваттных ламп. КИБ-14 сказал нам, что мы погружаемся примерно на том же самом месте, откуда уходил в дальнее плавание к берегам Америки Христофор Колумб.

— Над нами Пиренейский полуостров, друзья,— сказал он, и мы понимающе закивали.

А что нам оставалось делать? Ведь каких-то тридцать минут назад, войдя в кабину машины, которой сложно даже дать название, мы промчались по канатно-роликовой дороге, словно вихрь, от Восточной Сибири до Атлантики. Какие-либо комментарии были просто-напросто бессмысленны.

...Световой луч, разрезая плотную толщу воды надвое, образовывал световой коридор, и в поле зрения попадались экзотические растения, неведомые и не виданные нами раньше морские животные, похожие на чудовищ, огромные рыбины и маленькие рыбёшки.

— Вызывает второй! Вызывает второй! — послышалось из динамика, и на пульте зажглась зелёная лапочка.

Вет щёлкнул тумблером переключателя:

— Слушаю.

— Объект обнаружен шестой океанической станцией. Сейчас он в состоянии покоя. Даём изображение.

— Понятно. Сразу же приступайте к изоляции,— дал команду КИБ-14.

Изображение появилось прямо на иллюминаторе. Вначале возник подводный лес: там, среди зарослей водорослей, свернувшись калачиком, находилось в сонном состоянии необычное существо. Изображение его укрупнилось, и мы разглядели человеческую фигуру с плавниками. Кожа была эластичной, в некоторых местах покрыта чешуёй, лицо — рыбе, без шеи. Плеч не было совсем, а там, где заканчивалась грудная клетка, начиналась продолговатая рыба голова с хищной пастью и закрытыми глазами. Особое внимание привлекли руки, вернее, пальцы рук. Длинные, скрюченные, с острыми и тоже длинными ногтями. Вокруг спящего, отгоняя рыбёшек, чтобы не мешали сну подводного императора, сновал дельфин.

— Это тот самый дельфин, которого Ург выбрал в качестве посланника человечеству,— сказал Сон, когда изображение ещё более укрупнилось.— После того, как он принёс нам тетрадь, его поместили в дельфинарий, но он нас перехитрил — через день слёг на дно, а ещё через один — всплыл на поверхность без каких-либо признаков жизни. Когда же его поместили в залив, он мгновенно ожил и, легко перемахнув через заградительные сети, ушёл в океан. Теперь он вроде личного телохранителя Урга.

Я снова вспомнил подземное царство, себя и Сита, своё честолюбивое намерение быть выше других. Как всё-таки схожа человеческая психология! И как при умении можно ловко ею управлять!

От подводного аппарата под номером три отделилась небольшая рыбёшка, похожая на камбалу, и быстро устремилась к спящим. Почуввав неладное, дельфин встрепенулся и, заметив рыбёшку, поспешил к ней наперерез. В это же время из-за второго аппарата показалась акула и молниеносно

ринулась к спящему Ургу. Но дельфин отреагировал и на это. Оставив рыбёшку в покое, он, развернувшись, помчался прямо на хищницу. Секунда — и, протаранив брюхо акуле, дельфин намертво прилип к ней. Ург открыл глаза. Увидев приближающуюся к нему камбалу, ловко увернулся от неё и подплыл к дельфину. Обмякшее тело того было безжизненным. «Акула», отдав мощный разряд электрического тока, тоже потеряла жизнеспособность.

— Первый план провалился, — доложил второй. — Дельфин повёл себя несколько иначе.

— Вижу, — задумался КИБ-14. — Давайте второй вариант.

Все четыре аппарата одновременно окружили Урга, и через несколько мгновений он оказался в перекрестье четырёх ярко-ослепительных световых лучей. Ург, казалось, беспомощно прикрыл лицо руками, но беспомощность его длилась лишь секунду, не больше. Через мгновение он, камнем упав к самому дну, выскользнул из-под контроля батискафов. Вет, однако, тоже не растерялся: удержал его в поле зрения и устремил аппарат следом. Сделав сальто и сориентировавшись на ходу, Ург юркнул за ближайшую скалу. Когда же наш аппарат обогнул эту скалу, луч света осветил пещеру, в которой, по всей видимости, пропал преследуемый. У входа в пещеру случилась заминка — аппарат не проходил по габаритам. КИБ-14 думал недолго: нажал одну из кнопок пульта, и в стене, левее иллюминатора, образовался проём, из которого показался небольшой батискаф.

— Александр, Вет, в малый аппарат! — скомандовал руководитель операции. — Остальным оставаться на местах, действовать согласно инструкции!

Мы с Ветом не заставили себя ждать. Когда последовавший за нами КИБ-14 задраил люк, проём в стене сомкнулся,

и на батискаф обрушился водяной шквал. Я даже не успел ничего понять, как мы уже оказались за бортом большого аппарата и устремились в зияющую чернотой пасть подводной пещеры.

— Докладывает второй. Иду по следу. Объект в зоне видимости,— доложили со второго аппарата.

— Хорошо. Мы следуем за вами,— сказал спокойно КИБ-14.

Вет, управляя батискафом, ловко маневрировал среди множества каменных выступов пещеры, безошибочно выбирая в этом лабиринте нужный нам поворот. Это способствовало тому, что через несколько минут после входа в пещеру мы догнали второй аппарат. Надо сказать и о том, что пилот второго тоже был мастером экстра-класса. И как Ург ни крутился и ни изворачивался, как ни лавировал, падая вниз и взмывая вверх, оторваться и скрыться от погони ему не удалось.

Луч света, словно прилипший, неизменно следовал за ним.

Примерно через час преследования пещера приобрела черты ровного, как тоннель, коридора.

— Второй, сообщите координаты,— запросил КИБ-14.

— Приборы показывают, что мы находимся на континенте и даже выше уровня моря.

— Ваши предположения?

— Думаю, что мы идём по подземному течению.

— Как объект?

— Несколько успокоился, ведёт себя не столь агрессивно.

— Отлично, используйте первую же благоприятную возможность.

— Вас понял. Мы подготовились.

Через несколько минут от второго аппарата отделилась огненная вспышка и устремилась в погоню за Ургом.

— Докладывайте, что там у вас,— после паузы сказал в микрофон КИБ-14.

— Шокировать не удалось. Объект уклонился от выстрела. Попробуем подойти поближе...

— Что показывают приборы?

— Мы продолжаем подниматься над уровнем моря. Пещера заканчивается... Впереди просвет!..

Просвет возник и на иллюминаторе-экране. КИБ-14 взял в руки микрофон:

— Вижу, второй, вижу. Попробуйте сделать сразу несколько выстрелов.

В иллюминатор брызнул такой яркий свет, что я невольно закрыл лицо руками. Это было подтверждением того, что мы находимся недалеко от поверхности океана. Из второго аппарата, один за другим, вылетел пучок вспышек, и аппарат сильно качнуло. Одна, две или даже больше посланных вдогонку вспышек достигли намеченной цели. Ург вначале замер, затем заметался на месте и наконец, скорчившись, затих. Четверо водолазов с сетью были возле него через минуту и, окутав подводного властелина, отбуксировали его к аппарату. Через некоторое время второй доложил о том, что операция завершена.

— Прекрасно,— КИБ-14 довольно потёр руки.— Определите, где мы находимся.

— Уже определили. Это высокогорное озеро Титикака. Очевидно, мы прошли по подземному каналу или реке, соединяющей озеро с океаном. Какие будут указания?

— Мы возвращаемся.

Глава седьмая

К поясу астероидов

Вот я, Александр Макаров, будущий журналист, и заканчиваю своё повествование. Я пишу эти строки, когда до старта остаётся ровно два часа. Это будет первый наш шаг — полёт землян на столь дальнее космическое расстояние. Пока ещё, конечно, робкий шаг. Впрочем, робости мы не испытываем. Весь экипаж в прекрасном настроении и находится здесь же, возле меня. На общем совете руководителем контакта избран дядя Лёша. Его заместителем по всем вопросам — КИБ-14. Я, Марина, Вет, Сон и Ург, ещё не совсем окрепший после всех злоключений психологически, но бодрый, на вид молодой, столько переживший за свою длившуюся не одно тысячелетие жизнь, — все мы теперь астронавты и посланцы нашей Солнечной системы. На поясе астероидов к нам присоединится Максим. На нас всех ложится огромная ответственность — представлять Солнечную систему перед другими цивилизациями. Перед людьми, родившимися под другой звездой. Я думаю, они помогут нам найти ответы на вопросы: что же произошло с нашей планетой после того, как часть экспедиции с Эдом и КИБом-6 высадились на Землю, почему произошёл временной скачок, кто и куда позвал Эда тысячелетие назад и какова его судьба?

Да, я пока заканчиваю это повествование, не ответив на эти вопросы, однако по возвращении на Землю надеюсь рассказать обо всём. Марина и дядя Лёша помогут мне в этом. А пока... Пока же нас ждёт новое путешествие и (не сомневаюсь в этом) ещё немало интересных приключений. Может быть, даже полёт к другим звёздным мирам.

До скорого свидания, планета Земля!..

ЭПИЛОГ

*Центр нашей Галактики, звёздная система РВ-834.
Планета Зет-8. Институт экспериментального времени.
Диалог директора Института и руководителя эксперимента
«Луч будущего».*

— Надеюсь, отчёт о ходе эксперимента наконец-то готов?

— Подготовлен и обработан.

— Я весь внимание.

— Как известно, нами послан луч времени в восточном направлении, к периферии Галактики. Туда, откуда, по нашим данным, ушла последняя цивилизация. И мы, выждав, когда она минует зону, подвергшуюся испытанию, осуществили теоретически подготовленный замысел. Луч должен был миновать все встреченные на его пути естественные преграды путём расчленения.

— Поясните.

— Если на пути луча возникают тела физического происхождения, то луч обходит их как бы вскользь с одной или двух сторон и направляется дальше, к намеченной цели, к звёздной системе СР-340, куда ушла наша экспедиция. Цель эксперимента — воздействовать на одну из систем лучом будущего, который должен достигнуть цели значительно раньше экспедиции, и экспедиция прибудет уже в будущее — равное примерно началу дальних космических полётов. Дикая планета за короткое время, можно сказать — за один миг, совершит скачок в цивилизованный мир. А мы сможем проследить за последствиями этого эксперимента.

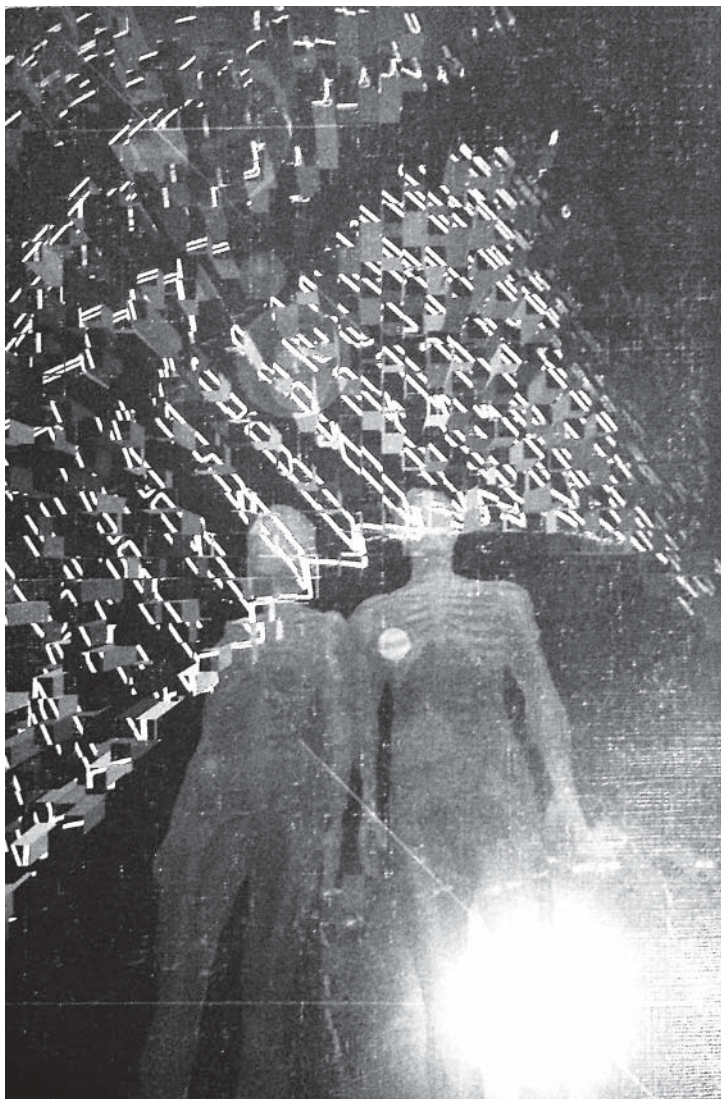

Рисунок Н. Соколовой

— В какой стадии сейчас эксперимент?

— В стадии завершения. Луч достиг намеченной цели. Сейчас обрабатываются данные его воздействия на планету.

— Это всё?

— Не совсем. Когда луч проходил через систему КТ-222, ту самую, откуда ушла последняя цивилизация и где впоследствии произошла катастрофа, он прошёл через искусственное тело.

— Что? Как оно там оказалось?

— Всё дело в том, что цивилизация оставила там небольшую группу для наблюдения за катастрофой и за развитием зарождающейся жизни на малой планете О-148.

— Каковы последствия?

— Когда луч проходил мимо планеты, экспедиция была разделена на две части. Одна уже совершила высадку на планету, другая же только готовилась к ней. Под воздействие луча попала вторая группа экспедиции. Она и была заброшена на несколько световых лет вперёд... Группы оказались разделены временным отрезком.

— Большим?

— По меркам развития биологической жизни — огромным.

— Что вы теперь намерены делать?

— Мы отправили спасательную группу. Она изолировала человека и нескольких роботов. Но на планете остались человекоподобный КИБ и абориген, они готовы для контакта с другой группой. Кроме того, на одной из планет работает наша станция. Как только потерявшаяся группа выплывет из тумана времени, её сразу же зарегистрируют

и установят за ней контроль. Это будет великолепная возможность для изучения человека и роботов, находившихся под воздействием луча времени. Случай даёт нам такую возможность.

— Гм-м. Неплохо. Когда будут получены новые сведения с планеты, дайте мне знать.

— Хорошо. Я распоряжусь, чтобы вас сразу же информировали. Мне можно идти?

— Да. После завершения эксперимента можете написать рапорт с просьбой предоставить вам отпуск.

— Благодарю вас.

Руководитель эксперимента вышел. А директор, подойдя к большущей, во всю стену, карте Галактики, долго отыскивал звёздную систему КТ-222, а когда наконец нашёл, то с удивлением покачал головой и, глядя на этот жёлтый карлик, подумал о том, что как всё-таки далеко находится он от центра Галактики.

Очень далеко...

Тайшет — Усть-Уда — д. Кижя, Иркутская область, 1987–1988

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р. Сакова. Авторский монолог души</i>	3
<i>М. Бушуева. История для семейного чтения</i>	4
ЗВОНКИ ИЗ ДЕТСТВА	5
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
БИРЮСИНСКИЕ ДАЛИ, ЕНИСЕЙСКИЕ ЗОРИ	7
РАДУГА	9
«СЛАВКА + ...»	13
МИР ИЗ ОКНА	27
ИСКРИНКИ ПАМЯТИ	39
Искринка первая, вторая, третья	39
Наедине с памятью	41
Отец	42
Птичка	44
Кино	45
ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛОМ ЖУРАВЛИКЕ	49
ТАМ, ЗА ОБЛАКАМИ	57
КРИМИНАЛЬНЫЙ ВУНДЕРКИНД	61
ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ	71
У МЕЛЬНИЦЫ	71
ТАРАН	77
МОЯ ВЕРОНИКА. Повесть	85
ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛУЧ БУДУЩЕГО»	
<i>Фантастическая повесть</i>	141
ПРОЛОГ	142
Часть первая. ДОМ НА БОЛОТЕ	153
<i>Глава первая. Дядя Лёша, Марина и я</i>	153
<i>Глава вторая. Рассказ Марины</i>	156
<i>Глава третья. Начало экспедиции</i>	162
<i>Глава четвёртая. Дом на болоте</i>	165
<i>Глава пятая. Ночной город</i>	167
<i>Глава шестая. Телохранитель</i>	172
<i>Глава седьмая. Звездочёт и хозяйка замка</i>	174
<i>Глава восьмая. В замке</i>	179
<i>Глава девятая. Тайна ночного города</i>	185

Часть вторая. ПО СЛЕДУ УРГА.....	191
<i>Глава первая.</i> Катастрофа	191
<i>Глава вторая.</i> Из записок Урга. Начало хроники	195
<i>Глава третья.</i> Продолжение хроники Урга.....	198
<i>Глава четвёртая.</i> Последние записи Урга.....	201
<i>Глава пятая.</i> Перед выходом в океан	205
<i>Глава шестая.</i> По следу Урга.....	207
<i>Глава седьмая.</i> К поясу астероидов	214
ЭПИЛОГ	215

Литературно-художественное издание

Кузичкин Сергей Николаевич

МИР ИЗ ОКНА

Эссе, были, лирические рассказы
и повести для детей и взрослых

Сдано в набор 8.11.2016 г. Подписано в печать 20.12.2016 г.
 Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
 Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,55.
 Тираж 300 экз. Заказ № 845.

Отпечатано в типографии «Город» (ИП Михайлова И. Г.)
 г. Красноярск, Северное шоссе, 9А